

Ирина Булгакова

РАНДОМ

Дождь, от которого впервые никто не прятался, стеной падал на город. По тротуару шли люди. Промокшие насквозь, они улыбались, обменивались друг с другом ничего не значащими простыми фразами. К мокрым лбам липли волосы, косметика стекала по женским лицам, пачкая одежду. Мамы вели в школу детей, нимало не беспокоясь о том, что под дождем мокнут неприкрытые детские головы. Я одна стояла под зонтом, наблюдая будничным, тихим, заполненный стуком капли и расходящимися на лужах кругами, Конец Света.

Рандом
Ирина Булгакова

РАНДОМ

Посвящаю маме

— «Нельзя верить в невозможное!» — сказала Алиса.

— Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева. — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала верить в десяток невозможностей до завтрака!»

Льюис Кэрролл «Алиса в зазеркалье»

Пролог

...А потом я сидела на крыше Исаакия. Под приливным дождем, под куполом, заслонившим небо тусклым золотом. Я сидела на железном мостике, свесив ноги в темноту. Струи дождя, скатываясь по гладким листам, падали мне на лицо, смывая слезы. Я чувствовала на губах только воду, лишённую вкуса — и это было к лучшему.

Я плакала первый раз после того, как все началось.

В узких окнах собора, прямо за моей спиной на подоконниках горели свечи. Их зажгла я. Самое странное, что меня продолжала пугать темнота. Словно она была виновата в том, что случилось. Подкралась незаметно, когда я спала, вырвала из моей груди живое настоящее, проросшее кровеносными сосудами знакомого до мелочей мира, равнодушно подбросила как мяч высоко в небо. А в пустое нутро втокнула отчаяние, заменившее друзей, семью. И будущее.

Мне не нужно было присматриваться, чтобы разглядеть Кира. Он послушно стоял там, где я его оставила — под фонарем. Свет то вспыхивал, то гас. Кир стоял под этой азбукой Морзе, в которой давно точки перепутались с тире. И свет то выпускал из темноты его крохотную фигурку с белым лицом, облепленным черными волосами, то снова прятал во мраке. Мне каждый раз казалось, что свет потеряет Кира — он останется в темноте, а в белом круге под фонарем проявится лишь потрескавшийся асфальт, да мутные потоки воды.

С другой стороны площади, мимо гостиницы «Англетер», среди застывших без движения машин брела лошадь. Время от времени она останавливалась и роняла голову в высокую траву у бордюра.

Я, Кир и лошадь — мы втроем встречали ненастный закат первого октября.

Город жил. Им словно овладела болезнь. Она влажным туманом текла из пор канализационных люков, невнятно бормотала, пенясь у забитых стоков. Она промозглой сыростью придавила проспекты, площади, улицы. И намертво застряла в глотках каменных львов — призванных и не сумевших защитить город.

Время давно потеряло свое значение. Не стало будней, ожидания праздников. Время перестало делиться на рабочее «ой, не хочу, но надо», и «ура, наконец-то, выходной!». Туда же, в небытие отправились и праздники. Хотя... Я тут подумала: Новый год, наверное, я буду ждать. Я соберу много часов и пусть все они показывают разное время. Я буду по каждому загадывать желание, записывать на бумажках. Я буду жечь их и есть пепел. Я съем

килограммы пепла в надежде, что хоть одно из них сработает.

Сначала события казались плохим сном. Потом моим личным наказанием — маленьким адом, уготованным в пятнадцать лет, кто знает за какие грехи? Или чьим-то дьявольским неудачным экспериментом.

Потом объяснений не нашлось. По крайней мере, тех, с которыми я могла бы жить. Пусть и сморщившись, как банный лист. Или как печеное яблоко... Черт бы побрал все эти сравнения! Да и кому их слушать теперь? Кому исправлять? Делать умное лицо и говорить, устало качая головой: «Владислава, сколько раз тебе повторять — морщиться можно как печеное яблоко. А банный лист липнет. Так говорят про людей»...

«Мама! Не называй меня Владислава! Ты же знаешь, я люблю, когда меня зовут Влада!» — безумно хочется крикнуть той, кто сейчас стоит у плиты и жарит блины на сковородке.

Женщина с отросшими волосами, давно потерявшими форму, исхудавшая, с ввалившимися щеками, повторяет снова и снова то, что делала вчера, и позавчера, и месяц назад: она осторожно наливает тесто из ковши на сковородку.

Только теста в половнике нет. Как нет молока в холодильнике, яиц и масла. Женщина наклоняет ковш над сковородкой, не замечая, как потрескивает металл, нагревая пустоту.

Часть первая

Осень

Влада

«Тяжелая бронза давила на каменную глыбу. Вырванный из могилы, Гром-камень застыл на набережной. Petro, Catharina — чужеродные буквы, как отметки с надгробной плиты, растерявшей от времени даты. Неподъемный груз держали седые плечи камня: мертвец с приставленной головой, сидящий верхом на коне, протыкал костистой рукой горизонты. Неумолимый взор всадника топил крыши зданий Лосинового острова, бронзовые пальцы сжимали металлическую грудь ростральных дев. Их стоны — тяжелые, вливающиеся в вой вечных ветров Севера, владели городом».

Мой гимн уходящему Питеру. Или как-то так.

Поднимите руки те, кому знакомо чувство перед самым пробуждением, когда еще толком не понял — спишь ты или проснулся. Тело не отвечает, мозг блуждает неизвестно в каких далях. Хорошо, если те дали светлы и тихи. А если они наводнены кошмарами? Там за тобой гонятся, а тебе приходится убегать. Но куда бежать, если тело лежит неподвижно? По позвоночнику к затылку ползет легкая вибрация. Она застывает у корней волос, потом мурашками принимается бродить по черепу. Такое знакомое и послушное тело лежит себе без движения. И плевать хотело на твои жалкие потуги шевельнуть рукой или ногой.

Сонный паралич. Вот как называется это состояние. Только не говорите, что знали! Все равно не поверю.

Когда такое случается со мной, я просыпаюсь в плохом настроении. Ноги-руки ватные, голова болит. Раньше — давно — считалось, что в это время в тебя вселяются потусторонние силы. Вспоминая, как у меня шевелятся волосы на голове перед самым пробуждением, я бы сама рискнула выдвинуть эту теорию. Ну, если бы ее не было.

В то утро я проснулась в дурном настроении. Мне приснился дурацкий сон. Потом я

пыталась его вспомнить и не смогла. Помню лишь чувство — мерзкое. Вот с ним я и села на кровати, не дожидаясь, пока в комнату войдет мама.

Она все равно вошла, к моей досаде.

— Влада-а, — тихо, но настойчиво позвала мама, — чуть поживей. Опять опоздаешь.

Я фыркнула, набираясь злости для ответа. Но когда я открыла рот, ее шаги затихли в коридоре. Ее стихли — зато от топота брата затряслись стены.

— Эй, голопузик! — зло сорвалась я — не пропадать же накопленному добру? — Потихе там! А то дождешься!

— От кого это еще? — В дверь просунулась белобрысая голова. — От тебя что ли? Нашлась мне тут...

Я сделала вид, что поднимаюсь с кровати и брат скрылся из виду. Плотная закрытая за ним дверь подтолкнула меня к нехорошему: я без сил упала в еще не успевшую остыть постель.

Яркое солнце смотрело в окно. Его наглый порыв не могли сдержать плотные шторы. Говорят, в Питере на триста шестьдесят пять дней в году солнечных приходится лишь шестьдесят пять. Мне хватило бы и меньше.

В лицей идти не хотелось. Я могла бы смело назвать две причины. Но, на мой взгляд, хватило бы и первой — доклад по биологии я не подготовила. А вторая причина — Ринка, она же Екатерина — наоборот. В смысле, подружка наверняка подготовила новую порцию соплей на тему «жизнь не удалась». Парень по прозвищу Хакер (ой-ой-ой) выносил ей мозг месяца два, не меньше. Какие в сети царили страсти, невозможно даже описать. Где-то слышала, что первое время знакомства называется «конфетно-букетное». На мой взгляд, у них было ромашковое. От всех этих «любит — не любит, бросит — поцелует, к сердцу прижмет — к черту пошлет» меня тошнило. Если бы гаджеты умели впитывать эмоции, они бы давно испортились. У чувака от той ярости, с которой он выбивал многочисленные знаки препинания, у Ринки от слез, которые капали.

Я пробовала давать советы подружке на первых порах. Ну, как на первых порах — часа два. Ровно до той минуты пока не узнала, что они с Виталиком (он же Хакер) в реале так и не встретились. Хотя встречи назначали раз пятнадцать на дню, не меньше. Мои попытки вплеснуть в разгоряченный виртуальными отношениями мозг толику здравого смысла успеха не принесли. Подружка горела, разбрызгивая искры вокруг себя. Доставалось и мне — я стояла слишком близко.

А может, я врала самой себе. И все, что подталкивало меня к раздаче бесплатных советов — элементарная зависть? Вот у нее был парень, пусть даже и виртуальный, а у меня нет. Никто не слал мне душераздирающих посланий с сотнями знаков препинаний. Не угрожал покончить жизнь, если я не отвечу, никто не провоцировал меня на беспричинные смех и слезы... Так же тоже могло быть, верно?

Солнце светило. Я продолжала лежать. Пока ни послышались уверенные шаги. Ровно за секунду до того, как открылась дверь и коридорное пространство вытолкнуло основательно заведенную мать, я подскочила как ужаленная — мне еще ко всем неприятностям не хватало добавить семейный скандал!

— Так, — распаленный внутренним монологом взгляд мамы угас, натолкнувшись на мой, почти осознанный. В заготовленный шаблон запросились другие слова. — Сидим, значит. Влада, я тебя в последний раз предупреждаю: если через пять минут не увижу тебя за столом, то вынуждена буду применить санкции.

Со вздохом, равносильным последнему перед глубоководным погружением, я поднялась. Мне не улыбалось сегодняшним субботним вечером просидеть дома. Наша теплая компашка — Светка, Ринка, Дрон и я — собиралась встретиться в ближайшем ТЦ. Так, ничего особенного — пицца, кола, киношка...

Только не надо делать из меня хорошую девочку! Я пробовала уже кучу всяких неприятностей! И то, что дымится, и то, что горло жжет, и то, что действует, но не пахнет. Мне не понравилось. Все сразу и в отдельности. Супер умной я себя никогда не считала, но когда пропадает связь мозга с телом, мне становится... Жутко. Так что, когда мы собираемся вчетвером — все такие принципиальные, нам бывает весело. Именно нашу коллективную принципиальность, я считаю целиком своей заслугой. Почему-то люди, с которыми я долго общаюсь, начинают вести себя так, как хочется мне. Таково одно из моих достоинств. Многочисленных, между прочим.

Поначалу мама отпускала меня с неохотой. Конечно, ей было бы спокойней, если бы по вечерам я сидела дома, за компом! Но в свете последних событий, когда парень, помешанный на игрушках, избил свою мать — решение давалось ей не в пример легче.

Размышляя об этом, я нехотя поплелась в ванную. Оттуда на кухню — давиться своими шоколадными хлопьями с молоком.

Антошка трещал без умолку. Складывалось впечатление, что его жизнь в детском саду отличалась большей насыщенностью, чем моя. Поймав себя на этой мысли, я нахмурилась — нестерпимо захотелось дать ему подзатыльник.

— Девчонки — отсто-о-ой, — тянул долгие «о» Антошка. Нахмуренные светлые брови настойчиво полезли друг к другу. — Как можно играть в эти дурацкие куколки с утра до вечера? Я вот никогда не выйду замуж!

— Антон, когда подрастешь, ты женишься. Выходят замуж только девочки. Это значит... — попробовала вставить мама, но брат ее не слушал.

— Только Ленка нормальная. Она играет с мальчишками, и в машинах разбирается, но, — он всплеснул руками, — как же с ней можно будет вместе жить? Она же дерется!

— На тебя не угодишь, голопузик, — выдавила я из себя.

— Мама, а что, правда есть такая песня? — Антошка оторвался от овсяной каши. Он завыл тоненьким голосом: — Мне нравится, штаны больны не мной...

— Как-как? — не сразу поняла мама.

— Вчера Ленка пела: «Мне нравится, штаны больны не мной». Она говорит, в кино так поют! А я вот думаю: разве штаны могут болеть?

— Нет, солнышко, — мама улыбнулась. — Песня, действительно есть. Но там текст другой.

— А какой?

— Мне нравится, что вы больны не мной. Леночка ошиблась...

Мама налила себе кофе. Терпкий запах заставил меня поморщиться. Как она может пить эту гадость?

— Влада, — сказала она, устраиваясь за столом, — может, останешься сегодня вечером? Я блины испеку. Посидим, поболтаем.

Я долго и продолжительно вздохнула — красноречивый ответ на заданный вопрос.

— Мама, а что такое стриптиз? — ляпнул вдруг Антон, недовольный тем, что выкатился из центра внимания.

Мама, уже сделавшая глоток, поперхнулась. Пока она собиралась с мыслями, я задала

встречный вопрос:

— Где ты это слышал?

— Вчера Толик в тихий час стал дрыгать ногами и снял трусы. Девчонки ка-ак закричат. А он говорит: «Дуры вы все, это же стриптиз!».

— Да ладно, — не поверила я, — прям трусы?

— А что сказала воспитательница? — спросила мама.

— Ее там не было. Когда она пришла, Толик уже в кровати лежал... Только никому не говорите! — он запоздало метнул на мать насупленный взгляд.

— Обещаю. — Мама со вздохом поставила чашку на стол. — Это какой Толик? Ивасенко? Из соседней парадной?

— Так да.

— Вот блин, — усмехнулась я. — Юный эксгибиционист подрастает...

И тут же получила под столом вполне ощутимый пинок от мамы. Антошка наострил уши, услышав новое слово.

— Мама, а что такое...

— Антон, — заговорила мама, бросив на меня сердитый взгляд. Она рассудила, что объяснять «стриптиз» не в пример проще, чем «эксгибиционист». — Ты же знаешь, что бывают разные танцы. Так вот, стриптиз, это когда человек под красивую музыку снимает с себя одежду.

— Зачем? — открытый взгляд Антошки выражал недоумение.

— Такой вот танец, — пожала плечами мама. — Ты же знаешь, что в некоторых танцах бывают нужны разные вещи. Помнишь, мы с тобой смотрели выступление гимнасток? Там девочка танцевала с длинной лентой. Ты тогда тоже спросил «зачем?». От гимнастики требуется показать, как она умеет владеть собственным телом...

— Даже когда ей мешает лента, — закончил за маму Антон.

— Ммм, — давась от смеха, фыркнула мама.

Потом я собралась, терпеливо выслушала обычные наставления и потащила свое унылое тело в лицей. Мне повезло — в тот день никто из училок меня не заметил. Хуже пришлось подружке: пока кипел мой мозг, пытаясь переварить очередную серию виртуальной переписки, Ринке досталась пара устных замечаний с призывом к тишине и одно письменное. С занесением в электронный дневник. После учебы, не заходя домой, мы вчетвером рванули в кафешку, где смело бросились в объятия выпивки (кола) и обжорства (пара пицц).

Когда усталая, но удовлетворенная я вернулась, Антошка спал, а мама клевала носом перед телевизором. Она еще попыталась общаться со мной, забросив удочку со словами «Где были?», но у нее не клюнуло. В смысле, я отмахнулась от нее вечным «Ой, все» и пошла спать.

С чистой совестью, еще незамутненной осознанием того, что я плохая дочь. Чувством, которое будет преследовать меня. Потом.

После.

Я пропустила ту минуту, когда все началось. Может, открой я ночью глаза, ничего бы не случилось!

Утро нового мира сперва попыталось пробить мой крепкий сон маминым «Влада ... опять опоздаешь». Эмигрантка из будних дней, фраза пролетела мимо моего сознания,

подарив еще пять минут безмятежности. Меня подняла с постели не ультиматум о будущих санкциях, а острое чувство несправедливости — стоило только осознать, что тебя будят в воскресенье!

За окном шел не просто дождь — настоящий ливень, со всеми атрибутами ранней майской грозы. Молнии пробивали опухшее брюхо тяжелой тучи, запоздало гремел гром. Исполненная негодования, я появилась на пороге кухни, путаясь в полах растянутой до колен туники.

— Мама, а что такое стриптиз? — по-вчерашнему спросил Антошка, бросив первое зерно в почву нового осознания действительности.

— Тебя заело что ли, голопузик? Мама, могу я хотя бы один раз в неделю отоспаться? Какого черта сегодня происходит? Я не помню, чтобы мы куда-то собирались! В любом случае, надо было меня вчера предупредить! — Пока я выстреливала гневной тирадой, зерно, брошенное заботливой рукой Антошки, проросло и дало стремительные всходы.

— А что сказала воспитательница? — опять спросила мама.

— Ее там не было. Когда она пришла, Толик уже в кровати лежал... Только никому не говорите!

— Обещаю. — Мама со вздохом поставила чашку на стол. — Это какой Толик? Иващенко? Из соседней парадной?

— Так да.

Всходы зазеленели и расцвели пышным цветом. Без сил опустившись за стул, я молчала, получив от мамы под столом вчерашний пинок ногой.

— Мама, — наконец, промямлила я. — Вы что, сговорились? Что за тупой розыгрыш...

Я говорила вместе с ними. Мои слова с трудом пробивались сквозь мамино объяснение стриптиза, и Антошкино уточнение о гимнастках.

Они меня не слушали.

— Это не смешно! — зло сорвалась я, вскочила и натолкнулась на полную участия и какой-то неприкрытой тоски просьбу мамы остаться вечером и поболтать.

Потом я слышала это много раз и несколько раз даже отвечала. Я ловила мамин взгляд, сжимала теплые ускользающие руки и говорила, шептала, кричала. Я орала, что я останусь вечером, что сделаю все, что она только захочет, что буду самой примерной дочерью на свете!

Что буду сидеть дома!

Что буду сама печь эти чертовы блины!

Только пусть очнется!

Пусть все будет как прежде!!..

А в то дождливое воскресенье, полная еще неясного, но однозначно отвратительного предчувствия, я наспех собралась и на вылете случайно — как выяснится позже — в тему поймав сухое мамино «не задерживайся!», бросилась за дверь.

Мама не напомнила мне о зонте, как было всегда. Я взяла его машинально.

Я стояла на улице и словно видела себя со стороны — маленькую, худую, с короткой стрижкой темных волос, с фиолетовой прядью, падающей на глаза. Крупные капли наотмашь били по прозрачной поверхности зонта.

Дождь, от которого впервые никто не прятался, стеной падал на город. По тротуару шли люди. Промокшие насквозь, они улыбались, обменивались друг с другом ничего не значащими простыми фразами. К мокрым лбам липли волосы, косметика стекала по

женским лицам, пачкая одежду. Мамы вели в школу детей, нимало не беспокоясь о том, что под дождем мокрым не прикрытые детские головы.

Я одна стояла под зонтом, наблюдая будничные, тихие, наполненные стуком капли и расходящимися на лужах кругами, конец света.

Глава 2. Сусанин

Сусанин

С белыми, трясущимися губами, на которых еще шипели слова — что-то среднее между «суки» и «сволочи», я держал Дашку за горло.

Ее лицо покраснело, жилы на шее вздулись. И сквозь этот кошмар, сквозь боль, сквозь сновидения, сквозь иную вселенную, забитую слезами и обидными словами, она продолжала тянуться ко мне губами.

Когда-то, давно, я предпочел бы видеть ее мертвой, чем в объятиях другого мужчины... Она никому не досталась. Даже мне. Я сжимал пальцы, чувствуя, как бьется пульс на ее шее. Его стук отдавался в ушах. Мы оба не дышали — она от недостатка кислорода, я от бешенства. В моих силах дать ей умереть! Я не хочу, чтобы она мучилась!!

Девушка, которую я любил.

Не мысль, а скорее недавнее воспоминание провело острием по моему черепу. Как там сказала неделю назад Влада? «С чего ты взял, что они мучаются? Скорее наоборот — они счастливы!»

Пусть даже так! Что это меняет? Да ничего. Я все равно должен ее убить. Пусть и по другой причине — чтобы не мучился я!

На этом сознательном решении я разжал пальцы. Ее обмякшее тело упало на кровать. Открытым ртом она хватала воздух, пытаясь протолкнуть заученные слова.

— Макс... я устала... давай, завтра?

Я сел на кровать, рядом с ней — скорее рухнул, словно из моего организма выдернули позвоночник. Пока она засыпала, я держал ее лицо в ладонях, потом баюкал в объятиях. Я смотрел в ее закрытые глаза и думал о невозможном. О том, что не в моих силах вскрыть ее черепную коробку, чтобы запустить сломанный кем-то механизм. Может, всего-то и надо было, что ужалить какие-нибудь аксоны — и придет в движение нейронная сеть, оживит все эти миллиарды застывших клеток, безотказно работавшие двадцать один год! И моя рыжеволосая девочка очнется, поднимет голову и скажет слово. Одно единственное слово. Только не из тех, что говорила вчера! И позавчера.

— Солнце, перевернись на другой бочок, — спросонья сказала Дашка.

Я ждал этого. И все равно от неожиданности вздрогнул. Высвободил руку из-под ее тяжелой головы, поднялся — опустошенный, обессиленный.

— Ничего не случилось, — продолжала она отвечать на незадаанные вопросы, — ты хранишь.

За окном, по-майскому поздно, зажглись фонари. Свет, пронизанный дождем, падал на деревья, сбросившие листву. Внизу, по дорожке, оббегающей детскую площадку, шел сосед. Он выгуливал поводок от давно сбежавшей собаки.

Посапывала Дашка, заботливо укрытая парой теплых одеял. Я не мог оставаться здесь дольше — если я не засажу сейчас пару стаканов виски, то завою. В голос.

Но я знал, что это не поможет. Я пробовал раз сто. Хоть литр вливай в алчущее забытие утро — все равно очередная бестолковая надежда лопнет, окатив меня дурно пахнущими

брызгами нового мира.

Спускаясь по лестнице, я сознательно производил больше шума. Мертвая тишина прерывалась, с неохотой впускала звук моих шагов, и тут же смыкалась за моей спиной. Когда я уйду, она полностью овладеет домом. Как оккупант армии победителей, она установит свои порядки. Уже не прежняя — чуткая, поджигающая хвост от каждого шороха, но чужая, тяжелая, раздавившая прежних обитателей.

Лампочки на этажах давно перегорели. Неяркий свет уличного фонаря даже не пытался перебраться через подоконник на лестничном переходе. Я шел в темноте, провожаемый черными провалами закрытых дверей, давно уже ведущих не в уютные жилища, а в склепы, хранящие мертвецов. Только мерзкий запах проникал на лестницу. Его не могла сдержать даже сталь с многочисленными уровнями защиты от взлома.

Открывшаяся входная дверь на тяжком выдохе выпустила меня на улицу. Я набрал полную грудь свежего сырого воздуха, свободного от дыхания большого города.

Мимо прошмыгнула влюбленная парочка, двигались люди, чей часовой механизм работал. Хотя и со сбоями. Прямо на меня шла высокая женщина, явно одетая не по погоде. Вязаная кофта в заскорузлых грязных пятнах, болталась на ней как на вешалке. Седые растрепанные волосы выбились из стянутого на затылке узла. Скользнув по мне пустым взглядом, она подошла к двери и набрала кнопки на домофоне, не издавшем ни звука ей в ответ.

— Это я, Софочка, открой, — сухим, скрипучим голосом сказала она в темное окно давно сломанного домофона.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы видеть то, что много раз происходило за моей спиной: через пару минут женщина войдет в подъезд, поднимется на второй этаж и будет бесконечно долго — до утра — стоять возле так и не отрывшейся двери. Временами она будет разговаривать сама с собой, даже смеяться. Потом она уйдет, чтобы на следующий день вернуться снова.

Я стоял, раздираемый двумя желаниями: пойти в церковь или нажраться до потери сознания. Ни тем, ни другим мне было себя не удивить. На первых порах после начала всей этой катавасии, я вдруг решил, что вопрос, не объяснимый с точки зрения здравого смысла, может решить только высшая инстанция. И все, что мне требуется, это выпросить индульгенцию, покаявшись во всех грехах. Я частенько навещался в Лавру. Цель моих визитов — ора, шепота, слов (я варьировал подачу) — была вполне ясна: пусть те, кто все это придумал, либо присоединят меня к остальным, либо вернут все назад!

Как-то не сразу до меня дошло, что мои так называемые просьбы уж слишком смахивают на ультиматум. Мотивируя себя верой в спасение человечества, я пытался — видит кто-то, я честно пытался сменить тон. Получилось ли, знает один хрен. Потому что ни бога, ни дьявола в мире не осталось. Все забыли нас, бросили на произвол, справедливо рассудив, что бороться тут не за что.

Мысли догоняли меня уже в пути, под шум форсированного до предела движка байка, прожигавшего больную тишину города. Я маневрировал на проезжей части между брошенными машинами. Ехал, не отрывая взгляда от дороги. Темноту Вознесенского изредка пугал свет работающих фонарей. Их осталось не так уж много, но держались они стойко. Если бы я только мог ограничить свое зрение десятком метров впереди, я бы так и сделал. Но как я ни старался, Он прорывался сквозь дыры в туннельном зрении.

Город. Все вокруг, выдернутое из тумана напоминало монохром военных кадров давно

забытого архива. И свет моих фар, как растянутый по времени выстрел, тщетно пытался пробить коматозную пелену.

Едва угадываемые контуры фасадов, с черными кляксами провалов, обнаживших чрево благородных домов. Словно пережиток артобстрела дыры, оставленные веерными взрывами бытового газа. Измайловский мост, соединяющий два берега Фонтанки, реки, опрокинутой в туман аварийных канализационных стоков. Чадили прорывами магистралей подвалы домов, отчего казалось, что город растет прямо из серого дыма. И машины, машины всех размеров и мастей на дорогах, тротуарах. Почти новые, побывавшие в передрыгах, сторевшие, заваленные набок — большие, свирепые звери, ждущие своего часа в темноте. Еще месяц назад между островами непринужденно лавировали прохожие. Те редкие, умудрившиеся растянуть один день на три месяца. Сейчас везде лежали трупы. Бесхозные, забытые, умиротворенные. Однако, невзирая на холод, голод и жажду, вдоль стен еще скользили темные силуэты тех, кому не повезло задержаться в живых.

Стыдно сказать, временами я завидовал им. С шорами на глазах, они видели город прежним. Бродили в иллюзиях, щедро сдобренных мыслями и чувствами последнего дня. Повезло тем, для кого он сложился лучшим образом — считай, они умерли во сне. Счастливые.

Двери супермаркета безропотно разъехались в стороны при моем появлении. Недели три как пропал охранник, стойко дежуривший возле входа, сгинул где-то на переходе между работой и домом. Действующего освещения едва хватало на то, чтобы обозначить стеллажи, заваленные товаром. Далеко забираться мне не пришлось — даже если бы в зале царила полная темнота, я пошел бы на голос, катившийся до входных дверей откуда-то слева.

— ...и не льщу себя надеждой, что ты понимаешь значение этого слова. Инце... инцепцию... низм. Чтоб тебе было понятно, я скажу — это когда задачки по математике нужно решить с помощью биологии... Вот ты сразу все и понял. Представь себе разные отделы в процессоре, которые занимаются своими задачами. Получают сигналы, обрабатывают и результат передают дальше. Только каждый отдел настроен на собственное восприятие объекта. Игру в сломанный телефон помнишь? Это когда все садятся в ряд и ведущий говорит слово на ухо первому участнику. Быстро и тихо говорит, чтоб непонятней было. Второй участник повторяет то, что ему послышалось. И так до конца. А последний встает и вслух называет то, что до него дошло. Так из груши, минуя уши, суши, слушай, получается какая-нибудь хрюша. Ты можешь спросить, к чему это я тебе все говорю? Вот у меня и возникает ассоциация, связанная с тем, что у нас тут происходит...

Голос раздавался все ближе и ближе. Я нашел Борюсика и Головастика там же, где оставил пару дней назад. Там же, где они, походу, безвылазно сидели месяца три, если не больше. На диване, выставленном на вечную продажу, поджав ноги, храпел упитый в жопу Борюсик. Но Головастика, рассуждающему вслух с самим собой, было на это плевать. Бывший программист, рыхлый парень двадцати с лишним лет, чье белое лицо пробивали кусты словно наспех выросшей растительности, не сразу осознал мое присутствие. Его взгляд, блуждавший по пейзажу за окном, обильно политому дождем, наконец, сфокусировался на мне.

— О! Сусанин! — хрипло сказал Головастик. Он даже попытался подняться, вытянув для приветствия руку, но сопротивление воздуха, не пожелавшего принимать тучную субстанцию, отбросило его назад, в кресло.

— Привет, — не дожидаясь приглашения, я занял кресло напротив, обложенное

мягкими подушками, прежде белоснежными, теперь выдавшими виды. — Что пьем?

Все свободное пространство между стеллажами и мебелью заполняли пустые бутылки. Здесь было все: коллекционный коньяк гордо выпячивал трехтысячиевровые бока, белыми горлышками тянулись вверх бутылки из-под элитной водки, пузато обтягивали темное стекло этикетки виски. Шампанское и вино местная братия не жаловала, но и им нашлось место — плотными рядами пустые бутылки заняли оборону вдоль окна, как оберег от неведомой силы.

— На виски, смотрю, перешли, — устало сказал я, зацепившись взглядом за початую бутылку на столе.

— Да ну его, этот коньяк, — Головастик прицелился, сорвал со стола стакан с темным напитком, благородным янтарем плеснувшим в борта. — Чего ждешь? Наливай.

Волшебное слово вернуло к жизни Борюсика. Коротконогий, ширококостный мужчина сорока с лишним лет согласно хрюкнул и рывком сел. На испитом, заросшем седой щетиной лице вспыхнул неподдельный интерес.

— Кого я вижу! Амиго-сан! — со свистом пробилося из пересохшего горла. Так же, как его собутыльник, он сделал попытку подняться. И так же быстро был остановлен встречным потоком ветра, вернувшим его на диван. Он плюхнулся на сиденье, по дороге прихватив со стола заполненный наполовину стакан, умудрившись не пролить ни капли.

— Прям циркач ты, как я посмотрю, — усмехнулся я.

— Так ёптить, — удивился Борюсик и вылил содержимое стакана в рот.

Выудив из горы посуды, возвышавшейся тут же, на придвинутом к столику стеллаже, стакан, я плеснул себе на пару пальцев.

— И хули? — вежливо поинтересовался Борюсик, дождавшись, пока я поставлю на стол уже пустую тару.

— Какие новости? — поддержал товарища Головастик.

Мне нечего было ответить. Я сидел, прислушиваясь к себе. Алкоголь, горячим клеймом прожегший грудь, облегчения не принес. Завязанный в тугой узел комок нервов в который раз обсасывал виденье рыжей девочки, укрытой одеялами. Я снова налил себе и выпил, надеясь взять количеством.

— А хули, — усмехнулся Борюсик. Он с двух попыток одолел расстояние, отделяющее его от открытой банки с тушенкой, стоящей на столе. Поставил ее на колени, вколот одноразовую вилку в темно-серые внутренности.

— Судя по настроению, у тебя так и не получилось сплотить народ?

Я посмотрел на Головастика и медленно покачал головой. На первых порах я, движимый манией Мессии, пылал желанием собрать воедино весь оставшийся народ. Начинал я с радиостанции на Чапыгина, на коротких волнах сообщая о том, где и в какое время могут собраться все уцелевшие. В назначенный день кинозал в «Англетере» приютил шестнадцать человек. В отличие от меня желанием они не горели. Молча прослушали информацию и разошлись. Как на заседании какого-нибудь нового ЖСК. Не фига это не сбило с меня спесь! Я тратил дни и ночи, последовательно объезжая все улицы и вещал — вещал. Я брызгал слюной, заливая звукоприемник мегафона. В июле мой список пополнился. Теперь он насчитывал пятьдесят два человека. Кстати, Головастик и Борюсик также соизволили проявиться, найдя окошко в своем довольно плотном «рабочем» графике.

Кто они — уцелевшие? Разномастные, разнокалиберные. Разно-образованные и разно-воспитанные. Старушки, старички, тетки, мужики и почти дети. Мужчины примерно моего

возраста от двадцати до сорока были представлены в количестве восьми экземпляров. Причем, Борюсик и Головастик входили в это число. Собрание и на сей раз не дало ничего. Ни им, ни мне. Один положительный исход виделся мне — нежелание людей объединять совместные усилия, изрядно притушил фитилек моего энтузиазма.

— А все почему? — В унисон моим мыслям отозвался Головастик. — Людей слишком многое связывает с домом. Остались близкие, за которыми как за больными требуется уход. Что ж тут плохого? Не все ж такие одиночки как мы с Борюсиком? У тебя же тоже осталась жена? Если мне не изменяет память.

В ответ я только вздохнул. Количество наконец-то перешло в качество. Меня отпустило.

— Так что, ты не кипишишь, Сусанин. Султан к власти не рвется?

— Малость утомился. Насколько я знаю, обосновался где-то на Гражданке. Вместе с Веркой.

— Ничего, Макс. Потерпи. Следующим летом в твоей пастве народу прибавится. Не все из шизиков переживут зиму. Таким образом, к тебе подтянутся те, кого держала любовь к близким...

— Любовь? — вдруг взвился Борюсик, уже потянувшийся к бутылке. Казалось, его испугал пустой стакан. — Да что вы понимаете в этом, салаги! Заладят тоже... любовь! Вот я ее любил! Она была вся такая... Бывшая моя. И чего? Взяла, и все у меня оттяпала при разводе! Заметь — все, купленное на мои деньги. Она не работала ни фига. Ни одного дня, все дома сидела... Типа, дети у нее. Короче, хрены всякие валяла. А потом взяла — и... Все мое. Кровно заработанное.

— Борюсик, утомись, а? — сморщился Головастик. — Чего ты завелся?

— Потому что не надо пи..! Любовь... Вот я и приходил к ней пару месяцев. Уже после всего этого... Есть правда на свете — есть! Я каждый день приходил к ней. И смотрел ей в глаза. Сучке этой. Нахлебалась она перед смертью, за все свое зло ответила. Дерьмо свое ей наливал в тарелку, смотрел как она жрала...

— Все, блин!! — сорвался Головастик. — Наливай давай, хватит трюндеть!

И опять сработало волшебное слово. Борюсик отвлекся, удовлетворенно хмыкнув «так хули».

Только моему расплавленному в кои-то веки нутру Борюсик был обязан тем, что не получил от меня точно в глаз. Я влил в себя еще, ожидая, пока стихнет желание набить ему морду. Здесь бывать я не любил. Гнусные чувства одолевали меня, стоило мне увидеть эту пару. Головастик — хрен с ним, но даже он... Они сидели напротив меня — два чмыря, оставшихся в твердом уме и памяти. А неизвестно почему, непонятно в силу каких причин и какого расчета, моя Дашка — красивая, добрая и умная девочка...

В то памятное воскресенье шел дождь. И я, по личной просьбе шефа отработавший накануне, дрых без задних ног. Выспаться — все, что входило в мои планы.

— Вставай, солнышко, я приготовила тебе завтрак.

Услышал я. И счел это продолжением сна. Перевернулся на другую сторону и заснул. Я проснулся минут через двадцать от задорного Дашкиного смеха. Потягиваясь, я подумал: ну увидел человек в сети или по телику что-то смешное, с кем ни бывает? В чем мать родила, я пошел на кухню, рассчитывая затащить Дашку в постель.

Телик был выключен. Гаджеты тоже. За окном шел дождь, стучал по подоконнику, приглушая Дашкин смех. Она видела за столом, пила воздух из пустой чашки и говорила в никуда. Никому.

— Солнце мое, Максик. Осталось немного потерпеть! Ты же сам говорил, что в июне рванем в отпуск... Да ладно! А я уверена, что у тебя получится... Да потому, что точно знаю!

Она смеялась, хихикала. Она разговаривала сама с собой. Или со мной. Вчерашним.

Я сел на подоконник. Наверное, что-то говорил, пытаюсь поймать ее взгляд. А червяк сомнения уже прокладывал холодную дорогу вверх по моему позвоночнику. Возврата к прежнему уже не будет — вот о чем мне думалось. И была это первая мысль после начала конца. Даже если у Дашки какое-нибудь временное помешательство, все равно. Возврата к прежней жизни не будет.

— Даша, Дашка, — позвал я, цепenea от ее не-ответа.

Она продолжала болтать и посмеиваться. Потом вдруг поднялась и зависла над соседним стулом, обхватив руками пустоту.

— Я с тобой. Макс, ты же знаешь, как я тебя люблю.

Она говорила, обнимая и целуя воздух.

Помню, я вскочил, я бросился к ней. От страха, я тряс ее за плечи как куклу. А она шептала мне что-то нежное и все тянулась куда-то в сторону губами...

И вот теперь, пространство напротив меня занимает человек, рассказывающий мерзости о своей жене.

Так. Стоп. Надо было опять напомнить себе, что отложенным взрывом на атомной станции в Сосновом Бору мы обязаны прежде всего ему, Борюсику. Отработавшему там перед приездом в Питер программу аварийной остановки. Мысли помогали, ярость потихоньку стихала. И все равно я знал, где пункт назначения у этого пути. В один «прекрасный» день на особо крутом вираже, спасительные мысли запоздают. Я не сдержусь, и количество оставшихся в живых уменьшится на два. За одного, по крайней мере, ручаюсь.

— Так знаешь или нет? — повторный вопрос Головастика отвлек меня от мысленного созерцания последствий возможной кровавой разборки.

— Ты про что?

— Про кого! — уточнил бывший программист. — Блаженный Колюня — ты ж его видел.

— Кто же его не знает, — я пожал плечами. — Я навещаю его. На Новосмоленском. Иногда.

— Уж совсем иногда, как я посмотрю, — усмехнулся Головастик. — Так был он тут вчера. Трясло его.

— При его нагрузках немудрено. — Я разглядывал полный стакан, как по волшебству оказавшийся в моей руке — я не помнил, как его наполнял.

— Зря смеешься. Мне, например, его идея похоронить всех умерших кажется вполне обоснованной. Может, действительно, если собрать всех и похоронить, то можно вернуться... К прежней жизни...

— ... вертел я эту прежнюю жизнь, — встрял Борюсик.

— Ладно, — отмахнулся я. — Так что там про Колюню?

— Так вот. Он там вырыл экскаватором очередную яму. Под очередную братскую могилу. Как обычно сложил туда мертвецов в несколько рядов. И зарыл уже. И тут поблизости у кладбища еще один окочурился. Колюня и говорит, что собирался уже переходить на новое место, но так хотелось, чтоб все было чисто. Он и отрыл с краю место, чтоб дохоронить туда свежачка. «Прикинь, — это Колюня говорит, — разрываю я сбоку краешек, а там... никого нет. Я сначала даже не понял, в чем дело. Рою дальше — ну туда,

где мертвецы быть должны. Рою-рою... А там никого нет. Пустая могилка-то».

— Ммм, — я усмехнулся. В такое верилось с трудом. — Вот что я тебе скажу. В полку шизиков прибыло.

— Думаешь? Так чего тебе стоит — ты у нас парень на ходу. Подъешь к нему завтра, да и посмотришь, что к чему. Будет тебе очередное «иногда»...

— Так и сделаю...

Я был готов к тому, что произойдет и все равно вздрогнул. Из темноты стеллажей выплыло белое костистое лицо. То ли татарка, то ли узбечка — последняя хранительница супермаркета. Она двигалась рывками, слегка припадая на левую ногу. В темно-синей униформе, она прошла мимо. Иссиня-белое лицо, с застывшей навеки доброжелательной улыбкой, теперь напоминающей маску, плыло в воздухе, то поднимаясь, то опускаясь. Женщина остановилась, бросила что-то быстрое на своем языке, и снова нырнула в темноту.

— Гюльчитай. Еще жива? — спросил я, приведя дыхание в порядок.

— Жива. Чего ей?

Борюсик храпел, разрывая легкие, Головастик толкал очередную неудобоваримую теорию. Оттого, что я так и не добрался до закуски, мои мысли путались. Я достиг абсолютной нирваны — мне захотелось в берлогу. Не домой — что я там забыл в пропитанном паранойей месте? Мне хотелось в мое двухуровневое логово. Туда, где я рассчитывал пережить зиму. К камину, к комнатам, заваленным консервами, канистрами с водой, спиртным, книгами и древесным углем. Кстати, об угле — прихватить с собой парутройку пакетов не помешает.

— Ладно, — сказал я. — Пора мне.

Я медленно поднялся. Мир качнулся, словно от моего быстрого движения он не успел загрузиться. Я кивнул на прощанье, развернулся, заранее наметил маршрут движения и тут услышал.

— Ты, это, Макс, поаккуратней там.

В два приема я повернулся и внимательно уставился на Головастика. Его лицо слегка расплывалось, выходя из фокуса.

— Ты не думай, что я тут без... ик ... вылазно сижу, — Головастика одолела икота. — Тоже выхожу иногда. По...общаться с народом. Тут старушка жила недалеко. Ты знаешь ее... Миро... Миро...

— Мироновна. Тамара. Улица Жени Егорова двадцать пять. Бабушка божий одуванчик. Только такой душноватый одуванчик.

— Точно. Душно... ватый. Мы встречались у кафешки днем — перекинуться парой слов. Так вчера днем я вышел, побо...лтать с ней. А она лежит у входа.

Я собрался пожать плечами, типа «старость не радость» и тут долетела концовка:

— С простреленной головой.

— В смысле?

— С дыркой во лбу. А это... оружия рядом с ней нет. Да и не могла Тамара само... убиться. Не та была старушка. Так думаю... Ик... Мститель у нас объявился. Тоже со своей... философией. Мы завтра в подсобку переедем. Там дверь закрывается...

Я вышел под темное небо, расцвеченное огнями звезд впервые за долгое время. Закрыв глаза, подставив щеки под порывы ветра. Услышанное заставило мой мозг с неохотой запустить шестеренки. В моей голове, подогретая порами спиртного, полным ходом шла ревизия — пересчитывались обоймы от реквизированного мной у мертвого полицейского

пистолета Ярыгина, он же «Грач», лежавшего до поры в том месте, которое я называл логовом. Оружие доставать не проблема. Можно было весь первый этаж превратить в склад — что там пистолеты и автоматы? В бесхозных воинских частях наверняка имелось что-то посерьезней. Превратить дом в настоящую цитадель. Напичкать ловушками и установить растяжки на подступах... Смысл? Имелся ли он? И не лучше ли пуля в лоб, чем...

Кто же мог подумать, что апокалипсис может быть таким... Тихим, что ли. Несуразным. В самых обычных фантазиях нам представлялась ядерная баталия, выживание в метро, радиация и мутанты. В крайнем случае, бесконечное сражение с толпами кровожадных зомби. Но, сори. Что, не заслужили ничего значительного? Вяленькое было общество и концовка тоже. Не ах.

Словно так уже происходило не раз и эволюция, побрякивая на стыках, катилась к очередной пропасти как по накатанному. В первое и последующие утра не было болезненности восприятия. И радости от обладания миром без людей — как рассказывали некоторые уцелевшие — я тоже не испытывал. Недоумение, страх и растерянность — вот, что сопровождало мои первые шаги. Не люди казались мне ненормальными, а я сам. Такой вот отодвинутый в сторону обществом индивидуум. Параноик, живущий в собственных фантазиях. Со временем механизм стал сбоить. Из него вываливались на крутых поворотах сотни, тысячи винтиков. Странное дело, я — всегда старавшийся держаться если ни над, то, во всяком случае, чуть в стороне, вдруг ощутил жгучую потребность быть со всеми. Я пытался разорвать порочный круг, добиться, чтобы меня включили в команду этой новой игры! Но люди крепко держались за руки.

До тех пор, пока происходящее не стало походить на жесткий хоррор. До первых трупов — улыбающихся матерей, толкающих коляски с младенцами под колеса проезжающих машин, до взрывов, превращающих целые подьезды в дымную труху, до горящих факелов падающих с небес самолетов.

Я жил. Я угодил в мясорубку. Происходящее перемалывало меня, вытягивало жилы из того, что я называл любовью. Из моих вскрытых вен, капля за каплей, вытекало все, к чему я привык, все то, что составляло меня, сотворенного обществом. В ржавое ведро со стуком, отдающимся в голове, капали мои представления о морали, о будущем. Туда же, несколько задержавшись — ибо не устоял я перед соблазном прикоснуться ко всему тому, о чем мог только мечтать — с противным дзинканьем шлепнулись ценности: всякие представления о добре и зле, о том, что хорошо, а что плохо. На месте выбитой из под ног платформы, образовалась шаткая дощечка с надписью «Добро пожаловать в ...». Окончание каждым уцелевшим понималось по-своему.

Как оно понималось мной? Ад-рай я послал сразу. Так же далеко отправилась и проверка-эксперимент. Потом ниже плинтуса скатились инопланетяне, зацепив боком параллельную реальность. И я решил, что пока жива Дарья, я не готов подводить итоги.

Стыдно признаться, я жил. Хотя теперь мне казалось, что в моих венах вместо крови, течет физраствор чьего-то иного представления о действительности. Нам, уцелевшим, не оказалось места в новом мире. Мы — отбросы, случайно застрявшие в зубах у времени...

— Интересные мысли. Все философствуешь, Сусанин?

Я медленно обернулся на голос, в повороте цепляясь взглядом за промежуточные звенья — крылья байка, стоявшего у стекла, задранный в небо шлагбаум на въезде, остов сгоревшего автомобиля. В конце путешествия меня ожидала награда.

Она стояла, подперев спиной колонну у входа в супермаркет. Ворот кожаной куртки,

распахнутой на груди, обнажал начало роскошного бюста. Короткие, абсолютно белые волосы сияли в свете одинокого фонаря.

— Тая, рад тебя видеть, — выдохнул я в ночь сивушные пары. — Давно здесь?

— Да так, — она пожала плечами, — мимо проходила. И тут услышала, какие ты речи толкаешь.

— Я разговаривал вслух?

— А то, — усмехнулась девушка.

Я смотрел, как грациозно она отлепила стройное тело от каменной опоры и подплыла ко мне. Встала так близко, что я мог неосторожно задеть ее, даже если бы и не хотел. Она залезла во внутренний карман и выудила оттуда пачку сигарет. Закурила. Из приоткрытого рта белой змеей потянулась в небо струйка дыма. И то было единственным, что разделяло наши лица. Мое — усталое, с легкой однодневной щетиной, с туманным взглядом. И ее — свежее, чистое, молодое, за легким прищуром скрывающее бутылочную зелень насмешливых глаз.

— Я смотрю, тебе требуется продолжение банкета.

— Точно требуется? — бросил я приоткрытым губам, из которых вместе со словами, текла новая порция дыма.

— Отвечаю. Насколько я вижу, тебя уже давно перестали удовлетворять Головастик с Борюсиком.

— К тебе? — выдохнул я.

— Посмотри вокруг, Макс. Все у нас теперь — или к тебе, или ко мне...

И в это время, прерывая ровное течение будущего в прошлое, раздался выстрел.

Глава 3. Not found

Not found

— Что? Мне послышалось, или ты хотел что-то сказать? Нет? Тогда заткнись и слушай. Я никогда не мог понять, что нашла в тебе найти мать. Когда я увидел тебя первый раз, мне вообще показалось, что ты похож на таракана. Помнишь? Та-ра-канище. Такое же чмо, с рыжими усами. Но я потянулся к тебе, Михалыч. Как любой пацан, растущий без отца. Чем ты мне ответил? Я неделю не смог сидеть на заднице и главное, за что? Да не крал я тех злополучных конфет у классухи! Повелся на Светкино «слабо»! И вернул бы их на место, если бы урок не отменили!

Отчим сидел напротив меня. В глазах, пробитых кровеносными сосудами, отсутствовала мысль. Кадык на морщинистой шее дергался, когда он запрокидывал голову и вливал в рот пиво. Седая щетина давно проросла в жидкую бородку. В тот последний день он не брился. И надо думать, в какой-то глубине своего сознания был рад, что теперь официально можно было не бриться, не мыться. Естественные надобности он справлял, благо имелось чем — я следил за тем, чтобы в холодильнике водились колбаса, сыр, сосиски. И пиво, иногда. В мои планы не входили безболезненные проводы в мир иной человека, который так издевался надо мною и над матерью. Я не позволял себе ничего такого, пока она была жива. Знаю, ей бы не понравилось.

— Что выпулился? — я не сдержался, добавил еще кое-то теплое от себя. — Что дергаешься как педрила? Все никак не можешь отойти от психоанального шока? А думаешь, мне было приятно, когда ты лупил меня почему зря? Так вот. Пришла пора расплачиваться собственной жопой.

Я пытался заставить себя испытать удовольствие от недавних воспоминаний, но вместо этого от вида ремня, которым я от всей души вчера отхлестал отчима, меня затошнило. Когда я лупил его по толстой заднице, он только кряхтел и говорил что-то обычное, как всегда. Он ничего не чувствовал, как все шишки. Я вдруг подумал: а если бы он кричал и рыдал, если бы умолял меня о пощаде, мне было бы приятней?

Мне нечего было ответить себе. Я выдохся. Как пиво, простоявшее открытым долгое время.

— Бу-бу-бу, — под нос себе проворчал Михалыч.

Много раз слышанные мною слова «драть его надо было чаще», не вызвали у меня злости. Подумать только — совсем недавно, после начала всей этой скотовасии, я возомнил себя королем. А кем же еще? Я Нео, избранный. Миллиарды людей стали шишками, хомяками, бегущими по кругу, а я один из немногих, который получил в наследство весь город!

Мой личный автопарк насчитывал десятки самых крутых тачек: Феррари, Порше, Бьюики. Моя комната была завалена ключами от машин, а сами красавцы, стояли в разных местах, ожидая, пока я снизойду до них. Поначалу гонки по ночному городу меня прикалывали. С парой стаканов виски легко забивался болт не на правила — мочалил я их как хотел — на осторожность. Я! Сам себе — Форсаж один, два и семь.

Последнее место работы по установке и замене замков и дверей, сыграло мне на руку: почти любая квартира, хоть и в суперэлитном доме открывалась по щелчку. Находились прикольные антикварные штучки, и коллекционные. Оружие, например. Джакузи-фигуси. Бери, что хочешь, ешь, что хочешь, пей, что хочешь.

Трахай, кого хочешь. Сука-Светка получила по заслугам. В реале она не то, что целоваться бы со мной не стала — срать бы рядом не села. А тут... Я вошел к ней в дом как хозяин. Дождался, пока она разденется, ляжет в постель. И поймел ее по полной программе!..

...Кому я вру? Кому мне сейчас врать? Отчиму?

Не тронул я Светку. Смотрел на нее голенькую — вся такая стройненькая, загорелая, после последнего Таиланда, гладенькая... еще тогда была. И не смог. Или почти не смог. Это было все равно, что трахать куклу. Короче, хрен с ней, со Светкой!

Совсем другое дело враги. Им не повезло, что избранным стал я. На моем месте они поступили бы также, уроды. Я в этом несколько не сомневаюсь. И телка из соседнего дома, которая вечно меня игнорировала, и пацан из «Компьютерного мира», и начальник — туда же его. Всем соратникам по партии «Дом начинается с дверей» воздал по заслугам. А Валерка, то еще уё, старшеклассник, от которого столько люлей получил в последнем классе — так и вовсе нахлебался...

Отчим дернулся. Потянулся, прилепил руку на горлышко пустой бутылки, опрокинул ее в рот. Кадык дергался, но кроме воздуха туда хрен что залилось.

Я встал, пошел на кухню за бутылками — для него и для себя. У него сегодня праздник — заслужил. За окном на город постепенно наваливался вечер. Луи отражали свет немногих фонарей. Дом напротив давно скрылся в темноте. Последнего подъезда, по сути, не было — он развалился, отправленный в нокаут взрывом бытового газа. Кстати, в родном жилище я пресек это дело сразу — отключил газ. Кроме того, уцелевшие должны благодарить меня еще и за то, что в нашем доме присутствовало электричество.

Отчим орал что-то в комнате, где я его оставил. Продолжал ругаться с матерью. Только

его слова уже не могли пробиться к ней на тот свет. Она стала свободной. Впервые за все годы.

А я? Стал ли я свободней, получив все, о чем только мог мечтать? И на кой мне — исполнение тех мечт, если мне никто не завидует?

Вот ведь. И не заметил, как стал философом. Все время приходится что-то делать с мыслями, от которых не спасало бухло. Наоборот. Я пробовал делиться выводами с Борюсиком и Головастиком. Было время, когда я упал им на хвост, и мы квасили вместе, но потом мне стало скучно. Головастик вечно толкал заумные мысли, я Борюсик... Тот вообще отстой. Среди тех, кто пришел на гребанное собрание, нормальных можно было пересчитать по пальцам. А моего примерно возраста — около двадцатника — так вообще раз, два и обосрался. У Кира еще молоко на губах не обсохло, Таисия — крутая телка, отфутболила меня сразу. Влада — пацанка, я не люблю таких. Алиска-блондиночка, конечно, девочка ничего себе. Я попробовал подбить к ней клинья, пока не заметил, что она запала на Сусанина. Мужик, между прочим. Но и тот... Идеи какие-то толкает. Опять в общество всех гонит.

Не хотим мы жить в обществе. Я, например.

Холодная бутылка пива запотела. Я поднял ее, кивнул отчиму и выпил. Согласно заданной программе, спустя пару минут тот поддержит меня. Так и случилось. Он задрал голову, вливая темную струю в заросли седых волос.

— Бу-бу-бу, — бухтел Михалыч.

«Ты должна быть благодарна по гроб жизни, что я воспитал твоего ублюдка!»

— Радуйся, сука, что я не нассал тебе в бутылку, — не сдержался я.

Но это были слова. Я смотрел на то, как самодовольно он пялится в черный экран телевизора, как чешет большой живот, снеговой крышей нависший над поясом спортивных штанов, на поросшую кустами волос голую грудь, на бульдожью кожу второго подбородка, закрывающую шею, на толстый нос, в сети красных линий...

Я хотел завестись, взбаламутить ненависть, которая улеглась на дно. А вместо этого у меня от жалости сперло дыхание.

Мне стало страшно. Оттого, что я не могу контролировать свои чувства. Даже не так. Я удивился: разве это справедливо — испытывать к человеку, издевавшемуся надо и мной и матерью целых одиннадцать лет что-нибудь другое, кроме ненависти? И откуда эта долбанная жалость взялась?!

Я подскочил, пнул ногой стол. Завелся с пол-оборота — выбил из рук отчима бутылку. Она покатилась, булькая содержимым, заливающим пол.

Мне не победить себя, не справиться с тем, что распирало меня изнутри. Я отлетел к окну, дернул шторы, открыл стеклопакет, втянул в себя холодный воздух — заменил им жалость, что грызла меня.

Теперь, когда матери не стало, мне нечего здесь делать. Я укладывал ее отдельно, в своей комнате. Укрывал. Она все равно собачонкой перебиралась под утро к отчиму. Маленькая, высохшая, она улыбалась, желая мне спокойной ночи. Наверное, она испытывала боль перед смертью, но, как все они, не жаловалась. Она жила в том самом дне, где не было боли. И умерла во сне — я не знаю как. Утром она смотрела в потолок бесцветными глазами и улыбалась.

Я не Колюня. Мне нет дела до искупления вины перед человечеством, но я похоронил ее за оградой перед домом.

Отчим ржал как конь, рыгая и булькая. Скоро он отправится спать. Ляжет в холодную одинокую постель. И будет храпеть до утра.

Меня ждали неотложные дела. Я проверил, надежно ли закреплен в наплечной кобуре Макаров. Пусть говорят умники, что пистолет Ярыгина надежней — походил я тут пару раз с обоймами — гремят восемнадцать патронов как гвозди в железном ящике. Короче, скрытно не подойдешь. От кого прятаться сейчас, когда от всех людей осталось воспоминание?

Первый раз я увидел женщину с пулей в башке месяца два назад. Впрочем, я мог и забыть — пару недель туда-сюда ничего не меняют. Молодая баба, везущая в коляске мертвого младенца, лежала у стены. По бетону за ее спиной еще ползло красное пятно с ошметками волос и черепа. Темные глаза уставились на меня, когда я подошел ближе. Ну, отстреливает какой-то пидор шизиков, что с того? Вот так я и считал до последнего времени.

Кто такой был Валерик? Уцелевший бомж. Он дышал на меня перегаром, да и не только. Я вскрыл для него квартиру на Театральной. Супер-квартиру. С таким евроремонтом, который Валерику не мог видаться и во сне. Месяца не прошло, как он засрал ее под завязку, но не о том речь.

— Валерик, братан! — позвал я, открыв дверь.

Переступил через мусор, поддел ногой пластиковую бутылку, протолкался среди упаковок хрен-знает-с-чем. Мои глаза цеплялись за цветастые этикетки элитного алкоголя, светоотражающие эмблемы разных шмоток, белое бородатое лицо с черной дыркой во лбу...

Стоп.

Валерик лежал у стены, подмяв под себя обе ноги. В дорогом спортивном костюме и кроссовках, чья цена была запредельной — и однозначно мертвый.

Я постоял у трупа минут десять. Думал. Это было как поезд, к которому прицепили последний вагон: у съехавшего с катушек чувака, отстреливающего шизиков, появились новые цели. Чтобы добраться до берлоги Валерика и вычислить его, нужно было потратить время. И активировать умственный процесс. Иными словами, сделать все то, чего у шизиков нет. Отсюда следовал вывод, который заставил меня отскочить от окна и покрыться холодным потом. Валерик — один из полсотни уцелевших, что присутствовали на собрании.

Теперь уже, в лучшем случае, из сорока шести.

Мне не хотелось быть в списке следующим. Поэтому я закрепил на поясе «Каратель». Одно время я не признавал ничего кроме «Смерша». С хорошей гардой, легкий, изготовлен из прочной стали... Да что толку описывать достоинства? Разве «Гюрза» или «Шайтан» хуже? Просто долгое время моя рука любила «Смерш», шестерку, конечно. Это до того времени, пока мне не попался «Каратель» с антибликовым наполнением. С тех пор я с ним не расстаюсь. Нож — отдельная песня. Она моя. И петь я ее могу бесконечно. В доме... Да не в этой жалкой шестидесятиметровой трешке, где толком и оружие некуда положить — в нычке. Есть у меня на Каменном просторная хата. Метров двести, со вторым этажом. Там в комнате, и до меня набитой холодным оружием, с моим приходом все изменилось. В такую лучшую сторону, что у меня дух захватывает каждый раз, когда я туда вхожу. Там есть все. Я не ошибусь, если скажу — ни у кого нет и не будет такой коллекции холодного оружия. Что там Катана, что кастеты? Есть у меня...

Тормозим. Если я сяду на эту тему, я загружу себя на полночи. А в хате на Каменном так на всю ночь. Там имелось еще кое-что, что... кто грел мою душу. Жила там баба. Всегда, наверное, жила. Хозяйка квартиры, короче. В возрасте уже бабенка, там лет сорок ей. Но еще

ничего. Электричество в доме было, а газ в новых домах уже давно не проводили. Машка — так я ее зову. Не в смысле, что откликается. Надо же как-то ее звать? Мужик ее сгинул, один хрен знает, когда и где. А Машка ничего себе, жила. Я ей холодильник забил — питалась она только йогуртами и фруктами. И... крема ей разные подставлял, чтобы она моську свою мазала. Словом, содержу ее в хороших условиях. Иногда она только треплется по айфону шестерочному. Прямо туда говорит, в черный экран. Жалуется подружке на мужа, что изменяет он ей. Не слышит ее подружка. Зато я ее иногда слушаю. Когда ложится в постель — гладенькая такая, грудастененькая...

По утрам паршиво я себя чувствую. Объясняю себе — обычная тетка она, живая и очень даже энергичная. Но... Себе этого не объяснишь.

Я стараюсь реже проявляться там. Заводит меня сильно эта шизильда. Потом долго ругаюсь сам с собой.

Звук моих шагов на лестнице пугал кошек. Несмотря ни на что, они старались держаться ближе к людям. Прямо выйдешь на улицу, а они за тобой идут. Не стайкой, а так, типа, по одиночке. Собаки отчего-то быстро приохотились действовать в стаях. Жрачки у них до хрена — до сих пор кто-то свеженький концы отдает. Не нападают пока на живых. Но временно это, чую. Так что в моей нычке у меня и огнестрельный арсенал имеется. Да еще какой.

Ветер, шорох листьев заглушил все остальные звуки. Я двигался бесшумно — просто ниндзя в черном. Я вышел на охоту, потому что не хотел стать следующим.

В одиноких окнах едва теплился свет. Таврический сад неспешно перетек в сад Салтыкова-Щедрина. Деревья сплетались ветками, роняли желто-красную днем, а теперь серую листву. Парадная улица весело светилась огнями элитного дома. Какие в тамошних квартирах скрыты богатства, дано знать только Избранным.

Поначалу я пердел от счастья, принимая такой неслыханный подарок. Теперь я не знал, что мне со всем этим делать.

Без никого.

Глава 4. Влада

Влада

«Хедкрабами — опасными, непредсказуемыми, выбирались тонкие пальцы из обшлагов рукавов. Хищно приподнялся указательный, выбирая жертву. Непропорционально огромный костюм служил пристанищем для множества подобных тварей. Они поместились с трудом, вытолкнув наружу маленькую лысую голову, осматривающую мертвыми глазами пространство. Удавка жабо, удерживающая шею, мешала ей отвалиться. О, она еще нужна была для маскировки. Пройдет совсем немного времени и костюм взорвется, выпустив на свободу множество жестоких, не знающих пощады тварей».

— Смотри-смотри-смотри, — от восторга слова у Алиски урчали в горле.

В неоновом свете ламп на ее щеке искрились бриллианты. Красивая, стильная, светловолосая, девушка шикарно смотрелась в норковом манто. Все это синее великолепие распахнулось, являя еще одно — ослепительный блеск алмазов.

Алиска в супер дорогом оформлении, в ореоле парфюма и отражающей свет косметике — не то, что я. Свернувшись на диванчике в ювелирном магазине, в своей вечной толстовке и теплых ботинках на невысоком каблуке, я смотрелась провинциальной девочкой, которую родственница попросила последить за собачкой.

Только собачки не было. Было промозглое утро, перетекающее в хмурый день. Хотя нет — из редких просветов иногда вываливалось солнце. Небо напоминало кружевной блин, весь в ажурных дырочках. Мама готовила такие вчера. Всегда.

— Не надоест тебе? — тускло поинтересовалась я.

— Влада-тян? — Ее глаза искрились сильнее бриллиантов. — Как это может надоест? Смотри-смотри, вот это кольцо стоит шестьсот тысяч! Ты можешь себе это представить?

Ее рука с отточенными ногтями потянулась к самому моему носу.

— Настоященький-пренастоященький алмазик! Не какой-нибудь фейк... Боже, могла ли я представить...

Она весело затараторила себе под нос всякую лабуду. Я смотрела в окно, врезанное в серый мир. И иногда на Кира. Он сидел в углу, кутаясь в пуховик. На улице было не холодно, но он всегда мерз.

— Кирилл! Ты тоже так считаешь? — Алиска пыталась втолкнуть слова в его личное пространство, но он только отмахнулся глубоким вздохом. Печальным, как всегда.

Я проследила за его взглядом — куда уж там было не понять. В углу, за стойкой, сидела девушка. Высохшая и блеклая. Некогда белая форменная блузка, давно потерявшая девственную белизну, пузырилась на ней. Периодически девушка вскакивала, и тогда на ее изможденное лицо выползала улыбка. Как гусеница — она криво перетекала из одного угла рта в другой. Потом девушка угасала, бормотала себе что-то под нос и снова опадала на стул.

— Вот повезло же с френдами. Да с таким прикидом я бы в любую тусу влетала со свистом, — фыркала Алиска. Ее маленький мозговой паровозик прочно встал на знакомые рельсы и потащил за собой длинный состав — тех слов, что я оставила в прошлом. Навсегда. Весь этот сленг, которым я не пользовалась, но имела в виду, как иностранный язык — все утонуло в понятном и простом мире. Раньше я позволяла себе пару-тройку словечек. Они вылетали из меня легко. Теперь это был зазубренный крючок, который тянул за собой воспоминания. Алиска знала, что я терпеть не могу слов из другой жизни. Мы давно обсудили вопрос и пришли к консенсусу. И все равно, у нее случалось недержание. И только от моего настроения зависело — разгорался ли очередной скандал, или все стихало, так и не успев заняться огнем.

Я сидела, постепенно закипая. Наполняясь зубастой такой злостью, только и ждущей повода, чтобы сорваться с поводка. Она сидела внутри меня — такая же жестокая.

И такая же жалкая.

Вот и сейчас, натолкнувшись на мой насупленный взгляд, Алимка посчитала за благо не рисковать.

— Не понимаю, как можно не... не восторгаться, глядя на эту... прелесть. Боже. Думала ли я когда-нибудь, что буду держать в руках бриллианты, да еще и с такими каратами? Они же как живые. Посмотрите же! Блин... какая прелесть... Но что я вижу? К норке такого цвета совсем не подходит это кольцо. Так... Мне надо срочно поменять шубку на шиншиллу...

Да говорила я ей все, что думаю по этому поводу!

Когда я смотрела на нее, на шмотки, на шубы-сапоги-платья-бриллианты, стоимостью в полквартиры в центре города, мне начинало казаться, что ее устраивали перемены. Мы ругались на эту тему не раз. До слез. Ее слез — я плакать не могла. Она доказывала мне, что если она не будет купаться в прекрасных вещах, если день ее не заполнится бутиками, она свихнется. Без всех, без родных и близких, она...

Она врала. У меня закрадывалось подозрение, что ее вполне устраивало то, что остались в живых я и Кир, да еще пара-тройка людей, с которыми она могла делить новый мир, могла демонстрировать себя — такую же новую каждый день. Да, не следовало забывать о жалких мужичках — совсем не сливках бывшего общества. И появляться на собраниях в новом качестве, ловя на себе... хоть какие-нибудь взгляды. Пожалуй, на роль избранного мог претендовать только Сусанин... Но это было мое, личное. С которым, кстати, Алиска соглашалась.

— Алис, кончай, — сказала я. В моем животе уютно переваривались печенюшки с какао, еще пара яблок и шоколадка. Мне не хотелось вставать, но назло себе я поднялась. Кивнула ребятам и вышла за дверь, в серую питерскую хмарь.

Перекрывая Малую Морскую, на боку лежала Газель. Между колес, уткнувшись капотами в подвеску пристроились две легковушки. Как стимпанковские детеныши они тянулись мордами к животу большой железной мамы. С другой стороны дорога просматривалась почти до Невского — пустая, под угаснувшим оком неработающих светофоров. Тротуары закрывали опавшие листья. Повинуясь порывам ветра, темно-коричневыми волнами с яркими вкраплениями, они перетекали по проезжей части от одного берега до другого, шорохом заполняя тишину.

Они сидели на тротуарах и делали вид, что им нет никого дела до нас. Черные, белые, разномастные. Некоторые вылизывались, иные лежали, не отрывая от меня круглых глаз. В отличие от собак, которые легко пережили смену хозяина на вожака стаи, кошек тянуло к людям, оставшимся в здравом уме. В центре практически нельзя было пройти, чтобы за тобой не увязалась пара десятков. Отдельные экземпляры любили поговорить, они выбалтывали кошачьи секреты, нисколько не заботясь о том, что их не понимают.

«Собаки заняты, — говорил Кир. — Они санитары. Они очищают город».

Думаю, не надо говорить, от чего очищают город собаки. Мне страшно представить, за кого примутся одичавшие стаи, когда от трупов останутся одни кости. Или даже вообще...

В жизни не была кошатницей. Но мне становилось теплее в шерстяной компании. Они были нарядные. Кошки — ярче и уютней, чем целый город. Самая наглая или самая охочая до забытых ласк, темно-синяя британка мякнула и засеменила к моим ногам. Блеск ошейника на ее шее вырвал из моей памяти слово Сваровски. Породистая Мурка потерлась о мои ботинки, загнула хвост вокруг щиколотки. Моей ласки и нежности не хватало на людей, что я могла предложить кошкам?

Ровно за секунду до того, как улица взорвалась оглушительным ревом, кошачья братия вспорхнула и разлетелась в подворотни. Из-за поворота, потащив за собой дымный шлейф, выехал мотоцикл. Взревел двигатель, пугая тишину и стих. Байкер остановил машину метрах в пяти от меня. Переждал секунд двадцать, отпущенных на мое мысленное восхищение, и только потом снял шлем. На бритой голове темнела бандана. Неяркие, словно запыленные серые глаза уставились на меня.

— Зачем тебе шлем, Даниил? — спросила я. — Ты боишься умереть?

Вместо ответа высокий накаченный парень развернулся, впечатал сильную пятерню в сидуху позади себя.

— Садись, Влада, — сказал он так, как будто поездка — дело решенное. — Я нашел классное место на Ваське. Такой таун-хаус с бассейном — закачаешься. И целые полки забиты дисками с кинохами. Собирал видно, чудака, — выражая удивление, Даниил на секунду вскинул плечи вверх. — И телик во всю стену. Поехали.

Я молчала. Мысли вроде тех — обратил ли бы на меня внимание такой парень как Данька, если все стало бы как прежде, давно оставили меня. Мне оказалось достаточно того вывода, что из нас двоих с Алиской, он выделил меня.

Даниил смотрел на меня, не мигая. Его взгляд ничем не отличался от взгляда давешних кошаков. Такой же прямой, требующий ласки и участия. Лицо Даниила блестело от влаги. В распахнутом вороте кожаной косухи темнели крылья татуировки.

— Так ты не ответил мне, Дань. Ты боишься умереть?

— Тебе мало философии, Оладушка? Посмотри вокруг, — он качнул головой, не отрывая от меня прямого взгляда. — Одна сплошная философия.

В его словах проклюнулась досада. Наверное, ему хотелось ответить грубее. А еще лучше — плюнуть на упрямую девчонку, занавесившуюся фиолетовыми прядями свежевыкрашенных волос. Но выбор отсутствовал: он не мог бросить мне через плечо безразличное «как знаешь», врубить двигатель и выкатиться к Исаакию в полном блеске байкерской славы под восхищенные взгляды таких же безбашенных девчонок, только и ожидающих призывного свиста.

Не знаю почему, но мысль об отсутствии у него выбора, приятно согрела меня.

— Ты сама зря ходишь без оружия, — вдруг сказал он. — Хочешь, я достану тебе пистолет?

— Зачем мне пистолет? Кого мне бояться? Разве собак... Но думаю, время у меня еще есть.

— Причем здесь собаки? Собаки нормальные. Они не стреляют людям в голову.

— Какую еще голову, Даня? Ты о чем?

— Да так. Завелся у нас народный мститель.

— Шизиков отстреливает?

— Если б так... Ты тетку толстую помнишь? Ну, на собрании она еще истерику закатила, типа, не они все шизики, а мы...

— Марьиванна? Конечно, помню.

— Марьиванна минус.

— Умерла?

— Ага. Умерла. С дыркой в башке долго не проживешь.

— Да ладно, — не поверила я.

— По дороге расскажу подробности. Поехали, — Даниил уже не просил — требовал. — Когда ты последний раз бултыхалась в бассейне? Я уже на подогрев поставил. Искра есть, все норм. Хочешь шампанское, икру...

— Нашел чем соблазнить, — усмехнулась я. — Ты мне еще бриллиантовое кольцо пообещай. Или Мазерати.

— Я пообещаю тебе звезду с неба. Устроит?

— Звезда или обещание?

— И зажарю тебе барана, сойдет?

Мои брови стремительно взлетели вверх.

— Целиком?

— Захочешь — целиком. Там на террасе камин. И вид классный на... — он поперхнулся.

— На город, — со вздохом закончила я за него.

— На закат. Против заката ты ничего не имеешь?

Я красноречиво закинула голову в низкую облачность. Небо отозвалось встречным взглядом — тоже заглянуло в меня, заполненную той же беспросветной серостью.

— Я тебя за язык не тянула, — задумчиво сказала я, опустив голову. — Классный закат за тобой.

Даниил взял паузу, как будто реально оценивал свои возможности по разгону облаков. Потом основательно, без суеты кивнул. Я втиснула руки в карманы безрукавки, наброшенной сверху толстовки, и сделала пару медленных шагов навстречу. И тут же услышала за спиной жалобное Кирово:

— Влада-а! Мы же в Зимний собирались!

— Вы еще занимаетесь этой фигней? — хмыкнул Даниил. — Какой в этом смысл?

— Смысла нет в нашей жизни! — с вызовом ответил Кир. — А прикасаться к шедеврам, это... Отвлекает, по крайней мере. Или развлекает — кому как больше нравится.

— Мне это вообще не нравится, — заверил его Даниил. — Хочешь прекрасного, Влада? Будет тебе прекрасное. Я приглашаю тебя в Мариинку.

— Ммм, — хмыкнула я. — И что там сегодня дают?

- «Лебединое озеро», — вздохнул Даниил. — Я станцую его для тебя.

— Всё «Озеро»? — я не сдержала смехок.

— Хрен с тобой. Всё.

— Влада, — понимая, что терпит фиаско, Кир пустил в ход запрещенный прием. — У твоих продукты кончились. Ты же помнишь, мы собирались сгонять к бабе Шуре за яйцами.

Чистая правда. У мамы закончились ингредиенты для вечных блинов. А оставлять их с Антошкой голодными было выше моих сил. Последнее время я появлялась дома раз в три дня. Меняла пустой пакет с молоком, добавляла муки, сахара — по мере использования и привозила свежих яиц. Последнюю составляющую почти четырехмесячного квеста мы нашли у бабы Шуры. Поначалу проблема казалась неразрешимой — яйца протухли в первый же месяц. В холодильниках они продержались дольше, но все равно им настал кирдык. Баба Шура обосновалась на Заячьем острове. Во дворе, защищенном стеной от ветров с Невы паслись куры. Седая интеллигентная старушка, давно похоронившая всех, включая и крохотного правнука, отдавала нам яйца просто так. Даром. Что мы могли предложить ей взамен из того, чего у нее не было? Корзины золота и бриллиантов?

Кир добился своего — напоминание о долге, который я добровольно и бессмысленно тащила на своих плечах, заставил меня отступить. От бассейна, киношек, заката, жареного барана, «Лебединого озера». И крутого мачо.

Разглядев в моих глазах зреющий отказ, Даниил сжал рукоятки байка.

— Заедем вместе за яйцами, если надо, — сквозь зубы протолкнул он.

Тема близких, оставленных без присмотра, была для него запретной. Это знала я. Знал и Кир. Он осуждал байкера за то, что тот бросил своих. Сразу и бесповоротно. Ушел, оставив мать, отца и старшего брата умирать. Казалось бы — Алиска поступила так же, но Кир относился к ее решению... С пониманием, что ли. Ему легко оказалось вешать ярлыки — его родители с младшей сестрой накануне печальных событий улетели на Крит. Что с ними стало, не знал никто. А я сильно сомневаюсь, что парень лелеял надежду когда-нибудь добраться вплавь до острова, чтобы узнать судьбу родных. Отсутствие выбора ставило его над всеми. Ему словно давалось право осуждать, хотя сам он и пальцем не пошевелил для того, чтобы его заслужить.

— О-па, какие люди. — Дверь ювелирного магазина распахнулась, озарив серый день

неземной красотой. Вальяжно печатая шаг дорожущими замшевыми сапогами, к нам подходила Алиска. Она застыла на отлете, подперев рукой правый бок. Блондинка, в распахнутой норковой шубке, открывающей ворот белого пушистого джемпера. На тонкой шее застрявшими в золоте сапфирами играли осколки неба.

Даниил кивнул, приветствуя девушку.

— Классная компашка собралась, — воркуя, Алиска подбиралась ближе к байку. — Есть интересное предложение.

— Ты едешь? — Даниил не оставил красотке шанса блеснуть фантазией. На мой взгляд, вряд ли продвинувшейся дальше ближайшего бутика.

— Влада, — Кир напомнил о себе, по-детски потянув меня за рукав. В его запорошенных черными волосами глазах застряло низкое Питерское небо.

— Тебя надо подстричь. Так уже некрасиво, — поморщилась я.

Он хотел что-то ответить, но задохнулся, побоявшись вспугнуть удачу.

— Давай завтра, — сказала я Даньке. По крайней мере, его рукам, до белых косточек сжавших рукоятки байка.

Двигатель взревел, утопив в рокоте последнее слово.

— Убийца, — с облегчением бросил Кир. Вскоре после того, как удаляющийся грохот укатился куда-то в сторону Невы.

— Да ну его, — Алиска махнула рукой, унизанной перстнями. Она не соотносила обвинение Кира с собой. Может, и к лучшему? — Такой малопрятный парень. Не то, что Сусанин... А что, други мои, не навестить ли нам его, а? Я знаю, где он тусуется...

Конечно, мы не пошли в Зимний. Совместными усилиями — вдвоем с Киром, мы на скутерах смотались на Заячий, потом ко мне домой. Я поставила пакет с разведенным из сухого порошка молоком, разместила в боковине холодильника злополучные яйца. Вытерла маленькую школьную доску, по сотому разу разрисованную чем-то в духе Спанч Боба. Антошка стоял рядом — маленький, худенький. Я послушала бы его болтовню, но в ближайшие полчаса он будет только рисовать. В комнате сидела мама — ее стрижка давно потеряла форму, в углах глаз слишком заметно обозначились морщины. Она смотрела в темное поле телевизора, реагируя на что-то видимое лишь ей. Я села перед ней на колени, пытаюсь уловить ее взгляд. Тщетно. Я там отражалась. Точно. Но меня там не было.

— У меня все хорошо, мама, — прошептала я. — На улице сентябрь. Стало холодать. Мне кажется, что скоро пойдет снег. Завтра я приду и все расскажу тебе подробно.

Выходя из квартиры, я вдруг поймала себя на мысли, что разговаривала бы с ней так же на кладбище, приходя на ее могилку...

Вечером мы тащились по Невскому. Заходили во все открытые места — магазины, рестораны, кафе. Я пила свой любимый грушевый сидр — казалось, он ненадолго пускал мои мысли в безопасное русло. Алиска прикладывалась к золотой фляге с виски, инкрустированной бриллиантами, и хохотала. Чаше, чем требовалось. Кир вел здоровый образ жизни. И еще экскурсию.

— И блаженный Федор предрек младенцу, будущему великому государю Александру, что будет тот могуч, красив, силен, но умрет в красных сапогах. И все тогда подумали — в каких это еще красных сапогах? Разве великий царь может умереть в каких-то там красных сапогах? А все прояснилось только после его смерти. Когда взорвалась бомба и царю оторвало обе ноги.

Мы сидели у Казанского собора. В этой части Невский был свободен — недалеко

отсюда случилась авария, перекрыла движение, предоставив нам возможность видеть храм Спаса-на-Крови. К вечеру небо прояснилось — Даниил оказался прав. В закатных лучах на фоне темного неба купались в золоте купола.

Пыльное облако несло над Невским проспектом. Поднималось к крышам домов, вихрилось, затемняя небо и опадало, накрывая серым одеялом тротуар, фонари, стоящие без движения машины, чашу фонтана Казанского собора. И лишенные последнего пристанища трупы — истерзанные собаками, они безрадостно провожали очередной день.

Как всегда в вечернее время суток я теряла ощущение правдоподобия того, что происходило со мной. Наша тройка, включая только утомившуюся при последних словах Кира Алиску, сидела на лавочке в темноте. Крыши зданий напротив светились, словно пытались оторваться от стен. Кое-где на проспекте зажглись фонари. Зачем они мертвому городу — добралась до меня опасная мысль? Вот мне мертвой, лежащей в гробу, разве нужен был бы фонарь?

— ... маленькая, хрупкая женщина, она взмахнула платочком и террорист бросил бомбу под ноги царю.

Кир все говорил, ввергая Алиску в трепет.

— И каждый год, перед первым марта, призрак Софьи Перовской появляется на мосту. Ее хрупкий силуэт машет платочком так же, как делал это почти двести лет назад. Предание гласит: того, кто увидит ее, искать следует в канале.

— Кошмар какой-то! — взвилась Алиска. — Мало тебе страхов, Кир! Я домой иду! Кто со мной?

— И что, постоянно машет? — я хлебнула сидра и посмотрела на Кира — тот кивнул. — Только перед первым марта или чаще?

— Только перед покушением.

— Люди! Вы слышите меня? — Алиска пыталась достучаться до наших сердец.

Бесполезно. Солнце свалилось в тучи, погасли купола. И я спросила:

— Тогда пойдем, посмотрим, а?

— Блин. Влада...

— Пойдем, — Кир легко поднялся.

— Я не пойду! — Алиска решительно открутила колпачок фляги и присосалась на секунду к горлышку. По всей видимости, спиртное лишило ее последних сил. Потому что она начала дрожать и слезно проситься домой.

— Алиска, жди нас здесь! — сказала я. — Мы не долго. Только туда и только обратно.

Мы двинулись по каналу Грибоедова вдвоем. Мои ноги чуть-чуть заплетались. Киру приходилось иногда брать управление на себя. Он говорил. Что-то про Софью Перовскую, про ее воспитание и внешний вид. Про то, что царь изменил маршрут и не должен был умереть, но хрупкая девушка взяла на себя ответственность самостоятельно поменять место дислокации бомбистов. Она махнула платком и первый террорист бросил бомбу, которая не причинила царю вреда. Но Александр был смелым, отважным человеком. Нет, чтобы уехать — он вышел из кареты, чтобы лично посмотреть в глаза своему убийце. И в этот момент взорвалась вторая бомба...

Ветер стих. Темная гладь канала морщилась. Застрял во времени речной трамвай, прибил бортом к левому боку набережной. Храм Спаса-на-Крови рос. Это не мы подходили к нему — он подкрадывался к нам, упираясь в небесный свод остренькими шпилями.

Испарина, поднимавшаяся от канала, скрыла мост. Может, это ей мы были обязаны тем, что соткалась из тумана женская фигурка? Она проявилась на мосту — крохотная, маленькая. Совсем девочка в черной шляпке с вуалью, закрывающей глаза. За секунду до того, как в ее руке мелькнул белый платок, я рванулась к Киру, зажмурилась и закрыла ему рукой глаза.

Я не знала, может ли считаться дурным предзнаменованием то, чего ты не видел своими глазами.

Оказалось, что может.

Глава 5. Not found

Not found

Что это было?..

Я спрашиваю, что это была за чертова хрень?

По моей спине, втиснутой в бетон, ручьями тек пот. Я стоял в углу, до боли в глазах вглядываясь в темноту: между первым и вторым вопросом прошло как минимум минут десять.

На чердаке в разбитых окнах гулял ветер. Шлялся от одной стены до другой, попутно задевая мусор. Я сжимал в руках пистолет. Двумя руками. Когда-нибудь, если будет время, я расскажу о том, сколько есть способов держать пистолет во время выстрела. В книге «Психология выстрела»...

Да, я читал книги! Не всякую фигню, а только полезную литературу. Чем мне могли помочь все эти детективы и мелодрамы? Да ничем. Другое дело книжки про оружие.

Вот такая чепуха и крутилась в моей голове, пока потели ладони, удерживающие пистолет. Магазин давно опустел — затвор старого доброго Макарова застыл в крайнем положении, на мой взгляд, абсолютно неприлично обнажив ствол. Мне противно было думать, что все пули ушли в молоко. Сейчас пистолет ничем не мог мне помочь. Но я стоял у стены, прижав лопатки к холодной штукатурке, на чердаке, где завывал ветер и только что не ссался от страха. Минуты текли. И нужно было либо поменять магазин, либо...

Попытаться свалить отсюда?

Может, и так. Но, хрен меня дери — тяжесть пистолета, пусть и пустого, придавала мне сил. Мне казалось, стоит пошевелиться и из темного угла напротив снова вывалится то, что недавно вылетело в окно.

Настойчивый свист возле самого уха чуть не заставил меня обделаться. Я дернулся в сторону, выставив перед собой руки с оружием. Обнаженный ствол нашарил лишь пустоту. Я видел крест деревянной рамы окна, из которого вылетели стекла, крыши домов, обозначенных в сумерках. Еще осколки на полу, старый матрас и стул с проломанным днищем. Больше я не видел никого. И ничего, пожалуй. Я с шумом втянул в себя воздух и тут только понял, что это я свищу. Носом.

Послушная темнота не пыталась снова испугать меня черной дырой нацеленного мне в лоб ствола. Я глубоко вздохнул и только тогда позволил себе отпустить спусковой крючок. Звонкий щелчок вернул затворную задвижку в приличное положение. Так же не торопясь, я выщелкнул пустой магазин, выудил из бокового кармана и, сдерживая суету, вставил новый.

Было тихо, если не считать шума от моих телодвижений. Осторожно, боясь потревожить удачу, я подошел к противоположной стене и выглянул в окно. Он весь был подо мной. Вся эта ничейная геометрия — с металлическими крышами, отражающими хрен знает откуда взятый свет, с ржавьем, покрывшим тумбы бесхозных дымоходов. С горизонтом

высоток на юго-западе, упрятым в облака и опрокинутыми корытами соборов. С расчерченными на полосы полотнами мостов, перекинутых через каналы и зелеными проплешинами газонов между серыми лентами асфальта.

Все мое. Все ничье.

Я смотрел в окно, сдерживая растущее бешенство. На себя, на кого же еще? Я никогда не считал себя трусом. Разве я трусил, когда в одиночку бился с Вованом из девятого? Он на голову был меня выше и старше. Разве боялся я, когда он добивал меня ногами — тяжелыми ботинками под дых? Нет. Глотая кровь из разбитого носа, я думал только о том, как отвечу этой мрази, когда поднимусь. Пусть, сука, молится...

Я смотрел вниз. Еще была надежда, что где-то там имелся карниз, на котором и угнезвился киллер. Внизу меня ждало разочарование. На все пять этажей старинного, отстоявшего пару веков — а то и больше — здания. До асфальта было далеко как до луны. Я тоже видел ее, в луже под фонарем, не сдавшим поле боя. Надежды не осталось. Только подтверждение того, что моя охота наверняка бы закончилась удачно, если бы...

Но нет. Тот, за кем я гнался, не был человеком. И я, болван, увлеченный охотой, пропустил тот момент, когда мы поменялись местами.

А как удачно все начиналось!

И закончилось бы классно!

Выстрел я засек словно по заказу. То ли киллер забыл накрутить глушак, то ли ему давно обрыдла осторожность. А что? Знай себе, отстреливай как кроликов тех, кто остался в живых и не парься! От безнаказанности рукой подать до дешевых понтов — точно знаю.

Да, об этом я и размышлял, когда звук выстрела заставил меня нырнуть под козырек кафе на углу Маяковского и Невского. Я шарахнулся в темноту, пытаюсь засечь, откуда шел звук. И в это же время, словно нарочно, раздался еще один выстрел. Не знаю, за кем охотился киллер — я не видел целей по направлению огня, но вспышку в сотне метрах прямо по курсу разглядел без проблем. На ловца и зверь бежит, подумал я — вот не знаю, откуда берется вся эта хрень в моей голове.

А потом я побежал. Так быстро я не бегал никогда. За сколько секунд я преодолел стометровку, не засекал. Но когда я застыл на углу у кофейни, напротив навороченного отеля, уже сжимая в руках пистолет с передернутым затвором, мне можно было смело вручать приз за скорость.

Ждать пришлось недолго. Я оказался прав в расчетах — эта гнида, отстреливающая живых, давно забила за осторожность. Серая тень, занавесившаяся капюшоном, отделилась от парадной. И, особо не скрываясь, двинулась по направлению к Маяковке.

Не сводя глаз с сутулой фигуры, я медленно, без суеты, поднял пистолет. В мои планы не входило убивать. Но... чувак, написавший книгу, о которой я уже сказал, оказался прав: выстрелить в человека не так легко, как представлялось. Он там приводил в пример ментов — тогда еще, потому что книжка старая — которые не смогли выстрелить в преступника. И вся восьмерка, которую вмещал Макаров, становилась предупредительной. То есть, выпущенной в воздух.

Пока я вспоминал всю эту чушь, пока уговаривал себя нажать на спусковой крючок, стали происходить странные вещи. Вот только что мне казалось, что я держу фигуру на мушке. Я улавливал движение, но подробности вдруг стали ускользать: вдоль стены двигалось размытое в сумерках пятно. Я сосредоточился и оставил надежду попасть по конечностям. Да и трудно было это сделать с моей подготовкой. Мелькнула мысль о том,

что надо было больше тренироваться, но я отфутболил ее пинком под зад. Черт меня дери, если станет хуже оттого, что я убью киллера!

Я обзывал себя нехорошими словами и профукал удобный для выстрела момент. Фигура свернула направо и двинулась в сторону Жуковского. И я, как последний лох, пошел следом.

Было почти тихо. Ветер шелестел листьями, да журчал поток воды у забитого стока. К чему это я? Мои шаги сливались со звуками. В любом случае, я производил меньше шума, чем этот неудачник. Временами я тормозил и наводил на цель пистолет. И всякий раз этот гад соскальзывал у меня с мушки! Так же не могло продолжаться до ночи, верно?

Вот и я так решил. Встал, для устойчивости расставив ноги, задержал дыхание и, поймав на мушку ненавистную спину, стал медленно давить на спусковой крючок.

Раздался выстрел.

Но стрелял не я.

И совсем не с того места, откуда я мог бы его ждать.

Пуля просвистела у самого моего уха — ткнулась справа в стену дома. По моей щеке хлестнула каменная крошка. Лицо обожгло и в первый момент я решил, что ранен. Не помня себя, на полусогнутых, я буквально вкатился в арку. Страх погнал меня дальше — не останавливаясь, я бросился через туннель к выходу. Я почти успел вырваться в замкнутый домами двор, когда раздался еще один выстрел. Не могу даже предположить, насколько близко от меня пролетела смерть — не до того было.

Я бежал через двор в сторону открытой настежь двери одной из парадных. Застрелить живого человека оказалось совсем не то же самое, что ссать отчиму в бутылку. Этот орешек оказался не по моим зубам. Я придурак, возомнивший себя Рэмбо...

Это сейчас я думаю так складно. А тогда мне хотелось только одного: забиться в какую-нибудь нору, затаиться, переждать это пулёмбище.

На крыльце я замешкался, не разглядев ступени. Опережая меня на ту самую секунду, просвистела пуля, рикошетом уйдя в сторону от стального полотна двери. Я видел отметину, которую она оставила. Скажу больше, мысленно я видел и свой простреленный череп, и кровавую кашу, плеснувшую на стену.

Говорят, загнанная в угол крыса всегда нападает. Не знаю, как крыса, но я, оказавшись в парадной, малость успокоился. Развернувшись, я смело ткнул пистолетом в темноту двора. С отчаянно бьющимся сердцем я искал цель. Ее не было. В провале двери я видел коридор сумрака, тянувшийся через двор до противоположной стены, потрескавшийся асфальт, мусор и часть припаркованных на вечную стоянку машин.

И больше никого. И ничего.

В следующее мгновение это ничего огрызнулось огнем! Пулю обогнать невозможно. Но удача решила поиграть на моей стороне — я, было, решил подняться на пару лестничных пролетов, чтобы взглянуть на двор с лучшей точки зрения. Однако выстрел подбодрил меня настолько, что я взлетел по лестнице на последний этаж. Перепрыгивал через несколько ступенек, пугаясь закрытых дверей. Мне некогда было проверять, имелись ли среди них открытые. Я бежал, давая себе обещание обратиться за помощью к Сусанину, и выполнять его указания, вздумай тот начать охоту за призрачным киллером. И еще — что никогда не буду больше издеваться над отчимом. И еще — оставить в покое пару полутрупов, которых я держал для развлечения...

А может, я никаких обещаний и не давал. Просто бежал, как раненный пингвин, перескакивая через препятствие в виде опрокинутой стремянки. Так и оказался на чердаке.

Заметался в пыли, выжимающей из разбитых окон жалкое подобие света.

Когда я краем глаза уловил движение у входа, я не был к нему готов. Сработал чисто автоматически — прижался спиной к стене и разрядил весь магазин прямо в ползущую на меня темноту. Туда, откуда на меня смотрела черная дыра ствола.

Я их не считал. Все восемь выстрелов. О том, что магазин пуст, мне сказал громкий щелчок. И узкое горло обнаженного ствола. Мне некуда было деться, я это ясно понимал. Сжимая в руках уже бесполезное оружие, я ждал. Я не был готов к смерти — если вообще к ней можно подготовиться. Но я хотел одного, чтобы все кончилось быстро. Без боли.

Темнота напротив нехотя втянула крутой ствол. Я скорее почуял, чем заметил движение. Окно распахнулась, со звоном вытряхнув последние осколки, и установилась тишина.

Вот ей-то я все это и рассказал.

Позже, когда перезарядил оружие и успокоился.

Глава 6. Сусанин

Сусанин

Распятой морской звездой она лежала подо мной и пыталась дышать. Я догадывался, насколько ей тяжело удерживать вес моего тела, но подниматься не спешил. Практически двухчасовой марафон подошел к концу. Мне всегда трудно кончить спяну — стоит как волчий хвост. Как там было у Херакла? Удовлетворить семьдесят пять девственниц? Сильно сомневаюсь, что он при этом еще и закладывал за воротник. Или мы с ним одного поля ягоды.

Тая едва дышала. В ее взгляде, блуждающем по лепнине на потолке, отсутствовал смысл. Наверняка, ей тоже казалось, что тяжесть, давившая ей на грудь, вытесняла из нутра ту другую, что жила с нами постоянно. Мне не стало ее жаль, мне стало неудобно лежать. Вот поэтому я заворочался и скатился вбок, едва не ломая ей кости. Она сдержала стон, просто шумно перевела дыхание, с наслаждением втягивая воздух — он нехотя заполнил ее легкие, он отвык блуждать в потемках миллиардов глоток, жаждущих втянуть его в себя. Ему осточертело отдавать все лучшее, выбираясь наружудохлым углекислым газом.

Тяжело дышала Тая. Ее дыхание вклинивалось в паузы окружающего пространства, напоминающего о себе треском поленьев в камине. Получившая от жизни все, что ей хотелось в данный момент, девушка потянулась за пачкой сигарет, лежащей на прикроватном столике, а я сжал в руке стакан с коньяком.

— Ты знаешь, та девочка, Алиса... Она запала на тебя, Сусанин, — вдруг сказала Тая.

Я пил коньяк. Я не нашелся с ответом. Знаете, как бывает в пин-болле? Шлемы, экипировка — хрен разберешь что. А рядом «бойцы» — просто соратники, просто противники. Ты до последнего не знаешь, кто окажется таким ловким, чтобы оставить на твоей груди красное пятно. К чему это я? Они — все. Те, кого я видел в последнее время — соратники. Бесполье, одинаковые. В одном заезде со мной, они рвут поводья, чтобы оказаться ближе к единой для всех цели — найти забвение в пропасти, без труда поглотившей миллиарды душ. И хрен ли я не прав, если она сортировала их на праведных и неправедных!

Коньяк растворился во мне, вызвав устойчивое желание продолжить. Я не стал сопротивляться. Встал, в чем мать родила подошел к окну. Поздний питерский вечер тоже попытался взглянуть на меня, но ему мешали занавески. Созданные для защиты личного

пространства от постороннего взгляда, они и теперь неплохо справлялись с обязанностями — отгораживали от того, что мы принять оказались не в состоянии.

Тая поднялась с кровати, подошла, прижалась к моей спине липким, жарким телом, не остывшим после секса.

— Я классно тебя подстригла. И эта эспаньолка — прям твое. Надо еще сегодня подравнять. И вообще, на собрании ты был неотразим, — тихо сказала она, смягчая хрипотцу в голосе. Если она хотела сделать мне комплимент, то добилась противоположного эффекта: они всплыли перед глазами — смирившиеся, готовые приспособливаться к обстоятельствам люди. Внутри меня, на старых дрожжах зацвела буйным цветом зависть. Как же? Они смирились. Более того, я прочел в десятках пар глаз стойкое желание продолжать жить.

Делать то, чего я делать не мог.

Не хотел.

Я попытался успокоиться, представляя Дашкино лицо и фигуру. Только жалость способна убить холодное бешенство, засевшее в моей груди. И вдруг, почти на излете, память швырнула мне в лицо образ этой чертовой беременной бабы Султана.

...Он говорил, старательно избегая восточных штампов. Но стоило ему увлечься, как яростная жестикуляция под звуки рокочущего «др-р-руг, ты меня понимаешь» вырывалась из него как лава из кратера вулкана.

Он говорил — надо сплотиться, потому что высшая цель в наступающем на пятки мире — сколотить общину, в которой каждый человек будет на своем месте. Что ушло время, когда можно было жевать сопли. Что ни город, ни оставшихся в условных живых близких не спасти. Что остается? Дать им уйти.

Слова сыпались из Султана как из рога изобилия. И трудно было не согласиться с прописными истинами, до которых давно дошел каждый. Да, город умирает. И в перспективе будет некрасиво разлагаться как мертвец, оставшийся без погребения.

Султан был убедителен. Он долбил и долбил в одно место как дятел. Но ковырять червей, засевших внутри, в его планы не входило. Единственное, чего ему хотелось — добраться до мягкой, податливой сердцевины. Султан выбрал в союзники то, с чем спорить невозможно. Время. Умело жонглируя цифрами «год-другой», он подвел собравшихся к мысли, что через пару лет собирать из выпавших закровов родины будет нечего. Он предлагал постараться собрать то, что уцелело и обосноваться там, где нашла приют его семья.

Его новая семья.

В рекламном ходе, способном тронуть сердца, из тумана неопределенности проявилась цитадель на Гражданке, огороженная каменным забором. Эдем, в котором отыщется место для каждого. Если другого выхода нет, надо делать то, чем испокон веков занималось человечество.

Вы-жить. Вы-живать.

Я хотел жить.

Султан говорил правильные вещи. И таки да — мог повести за собой массы. Практически перефразируя меня раннего, он отходил от первоисточника, пожалуй, только в одном. Хитрожопый взгляд выдавал его с головой. Напрасно Софья Николаевна кивала головой как старая заезженная лошадь перед честно заслуженной кормушкой, напрасно одобрительно хмыкал Василий Федорович, словно гвозди забивал головой после каждого

воззвания — менее всего их видел прекрасном далёко Султан. Молодежь, девятка ведомых мужиков, крепкие бабенки неопределенного возраста — вот те, кому предстояло пронести знамя вольности и светлого труда вплоть до...

Ближайшей подворотни. А потом кумачовые полотна заменят портреты самого мудрого и справедливого правителя всех времен. И еще хорошо, если замена пройдет мирным путем. Потому что... Ох не зря Султан пробовал скорешиться с Даниилом, Гопником, Яровцом да Верзилой — вполне даже рабочей гвардией. Только не получилось у него ничего.

Эти? Да хрен пойдут за ним реальные пацаны. Даньку для душевного разговора нужно было искать по Питеру днями напролет. Вольный ветер. И такой же сквозняк в голове. Гопник? Хитрый, скользкий тип. Взгляд с прищуром, движения без точки в конце — суета, суета. Есть понты, а что за ними? Быдлоносец считает себя самым умным и крутым, а на самом деле все написано на крысиной морде. Такому дай власть — всех баб посадит под замок, чтобы кормить да трахать. Не удивлюсь, если он заходит к шизикам женского рода да и парит их по полной. Наверняка, заморочки Борюсика с бывшей женой сахаром покажутся, если тронуть этот сраный тихий омут.

Внимательные, напряженные, члены новейшего кооператива «Конец света» под девизом «Не за начало — за конец, держись, дружок, а то пи...», обступили Султана со всех сторон. Потянулась к живительному источнику Натаха — всем телом, всеми своими губами-глазами-грудями. Стояла, покачивая головой, печальными чмоками отмечала особо удачливые пируэты оратора. Блестела серебряная чешуя на новой кофте, взлетали и опадали окольцованные золотом запястья. Серая мышь по имени Людмила, чей возраст я затруднился определить, застряв в интервале между тридцатником и полтинником, тщетно пыталась пробиться сквозь плотный круг последователей нового мессии. Фыркал себе под нос Сан Саныч, его слова превращались в междометия, тонули в словесном потоке Султана.

Султан успевал отсыпать толику внимания страждущим. Его взгляд флагманом королевского флота скользил по залу, отыскивая новых адептов. Вскользь отмечал неразлучную шайку-лейку во главе с мужеподобной Любой-Любашей, сплотившей возле себя парочку неуверенных прыщавых переростков лет двадцати, и неизменно натыкался на Таю. Я видел, как похоть на мгновенье туманила ясный взор Султана. Красивая блондинка расположилась несколько в стороне, небрежно бросив локоть на колено правой ноги, стоящей на бархатном сидении. О ее безучастность как о неприступный риф разбивался корабль Султана, идущий на полных парусах. Непотопляемый, он тут же устремлялся в новое плаванье, к новым берегам, едва покрытым молодой порослью. Однако и тут пристать не удавалось — тройка во главе с бескомпромиссной, не по годам мудрой Владой, не спешила ловить швартовы. Туда же одиноким мысом лепился бритый под ноль Даниил.

Каменистым утесом, аккуратно между Султаном и подростками застрял Гопник, прилежно делающий вид, что ему все по.

У него не получалось. Хотя...

Я слушал Султана, машинально отмечая практически дословно воспроизведенные сентенции из моих прошлых речей. Забытые в страшно далеком июле, они перестали меня волновать.

Борюсик с Головастиком не соизволили почтить своим присутствием собрание. На долгий неопределенный временем миг я успел им позавидовать. В отличие от целенаправленности Султана, мой взгляд скользил маятником между группой возбужденных адептов и раскованной позой Таи. Временами я цеплялся за препятствие. Оно... Вернее, она

сидела напротив меня, выставив в проход умопомрачительно длинные ноги в туфлях на шпильках. Распахнутое на груди мантио пушистым мехом обнимало глубокое декольте, в котором искрами вспыхивали бриллианты. Блондинка не отрывала от меня откровенного взгляда. Ей не сиделось на месте: непослушные, отбившиеся от хозяйки ноги все время норовили поменять диспозицию. То и дело они выскальзывали из-под опеки короткой юбки. Да так, что я отчетливо видел кружевные ободки ее черных чулок. И полоску белого тела.

— Султан, — кокетничала Натаха, надувая запачканные яркой помадой губы. — Вы же знаете, я не могу оставить сына. Он — все, что у меня осталось.

— Насколько я помню, не так давно ты похоронила мать, — Султан сделал паузу, переживая шумный Натахин вздох. — Поверь мне, сладкая, здесь ты не найдешь людей, у которых не погибли бы близкие. Все мы скорбим. Но тем дороже те — я бы сказал, бесценней те, кто остался в здравом уме и твердой памяти. Я обращаюсь к твоему сердцу — загляни в него. Я вижу то, чего не видишь ты: такие женщины как ты достойны продолжения рода. Нам, всем вместе, предстоит возродить человечество. И если единственное, что тебя держит — сын, я обещаю, что перевезу его в целостности и сохранности.

— Они не выживают на новых местах, — едва слышно выступила Людмила. — Они умирают. Я пробовала...

— Людочка, дорогая моя, — Султан решительно продвинулся, коснулся рукой сведенных в болезненном переплетении ладоней. — Все мы хотим быть рядом с близкими. Каждый из нас боролся до последнего. Но, к сожалению, исход един. Все вы знаете, как тяжело я пережил смерть детей и жены. Как долго я не хотел их отпускать... Как мучительно принимал волю всевышнего и чего мне стоило смириться. Правда всегда на его стороне. Надо приложить усилия, чтобы понять то, что он хочет нам сказать.

— Ты прав, Султан, — крикнул Саныч. Давно не стриженные серо-седые кудри закрыли лоб. — Пора уже бросить все и продолжать жить. И вообще. Я с тобой согласен: хватит цепляться за прошлое. Раз мы выжили, значит, должны оправдать надежду...

— Всевышнего, — вставил Султан. — Если ему угодно было оставить нас в живых, значит, он счел нас достойными. Продолжать путь. Род людской.

— Правильно, — воодушевилась Софья Николаевна. — Все в руках Господа. И если на сей раз в Ноевом ковчеге оказались мы, значит для чего-то избраны. Мы должны принять волю Господа, смириться и набраться сил, чтобы достойно выдержать испытание. И кто сказал, что оно последнее из тех, что нам предстоит пройти?

— Круги ада, — веско бросил Василий Федорович.

— Что? — нахмурила нарисованные брови Софья Николаевна.

— Не испытания ни хрена. Все круги ада — вот что нам предстоит пройти. И ни хрена не удивлюсь, если выяснится, что мы еще в самом начале пути.

— Во-во, — хмыкнул согнутый в три погибели лысый Илья Павлович. — Если мы и избраны, ёптить, так только для того, чтобы дольше помучиться.

— Мы должны сплотиться, стать одной семьей. А в хорошей семье принято помогать друг другу. Как обещал, я перевезу твоего сына. — Султан обнял потерявшуюся от внезапной ласки Натаху и увлек в сторону от набиравшей силу дискуссии старперцев. В цели флагмана не входило завоевание замшелых островов, почти погружившихся в пучину.

Забывая всеми, повернутая внутрь собственного тела, сосредоточенно сложившая на круглом животе усталые, натруженные руки, в стороне от баталий сидела Вера.

Мне тоже ничего не отвечивалось на этом празднике жизни.

— Хватит молоть чушь! — вывалился из общего гула старческий фальцет Семеныча. — Избранные, избранные... Херня потому что полная. Мы просто отстали от своих! Отстали от своей стаи! Забыли о нас — вот что. Я атеист по жизни, и поэтому не собираюсь полагаться на каких-то там ваших богов. Хоть всех, хоть каждого в отдельности. Такова эволюция. Все это было уже не раз, и будет еще столько же. Может — все так и кончалось всегда, а только на этот раз нам не повезло и мы случайно выпали из обоймы.

— Чепуха! — второй голос бубнил практически в унисон с Семенычем — я не повернул головы, чтобы опознать говорившего. — Законы физики действительны для всех. И, к примеру, при минусовой температуре вода станет льдом. И никак иначе! Закон природы — да назови это как хочешь — вывел бы из строя всех. Зачем мы?.. Зачем мы остались в живых? Такие разные люди...

— Божественный промысел! — возопила Елена Николаевна.

— Именно! Я склонен рассматривать влияние божественных сил, высшего разума! Если вам всем трудно признать, то я признаю это легко — в нас нашлось то, чего не было в остальных!..

Старички разошлись. Они готовы были идти — неважно под какими знаменами — лишь бы вперед. За кем-то. Куда-то. Они созрели.

А я?

Я стух. На задворках сознания, там, где была запатентована совесть, шевельнулось нечто, похожее на укор. Выступить, вспылать, повести за собой оставшихся — хоть и не кондит, отвергнутый Султаном. Выйти на баррикады, увлекая за собой индифферентную пока молодежь...

Мой усталый взгляд оттолкнулся от разведенных в стороны «спешали фо ю» коленей Алисы, поплыл дальше. Светом маяка прямо по курсу многообещающе улыбалась Тая.

Теперь стало привычней, а поначалу секс с ней напоминал военные действия на территории противника. От одного неверного действия запросто могло сорвать не только крышу, но и чердак — не фига это не сравнение.

Я помню еще многолюдный июль. Жаркую духоту полдня, обещание дождя на неподвижном небе — где-то в серости присосавшихся к горизонту туч. На набережную Фонтанки меня вытолкнула не ярость — я оставил ее в объятьях Дашки, когда снова пытался втолкнуть в нее жизнь. Я очнулся, когда понял, что сжимаю ей шею. Что держу ее за горло, в то время, когда она тянется ко мне губами.

Лишенный надежды, с почти пустой бутылкой виски, я стоял на проезжей части. Все вокруг — и обгорелый остов Рендж Ровера, омытый дождями, уткнувшийся в помятый бок туристического автобуса, и пустая перспектива Невского, желтоглазо мигающей змеей ползущая к Адмиралтейству, и колонны дворцов, до неприличия четкие в прозрачном воздухе — с легким налетом паранойи. Мимо меня сновали тени. Нерешительно, словно пытаясь перейти вброд незнакомый водоем, они с трудом обходили препятствие. Путаясь в собственных ногах, неуклюже вливались в колею закольцованной программы, продолжали путь. Дальше, по кругу, по кругу.

Я стоял, пьяный в лоскуты. Щедро омытая спиртным реальность внутри меня почти вписывала меня в окружающее пространство. Сжимая в руках бутылку, я раздумывал: выпить еще или разбить ее о решетку, огораживающую набережную.

— Что, Сусанин, заблудился? — Женский голос наплыл на меня, окутал, развернул.

Свежая, сбита — отколовшийся кусок прежнего мира, Тая стояла передо мной.

Конечно, шутила. Они все — каждый из них — считали обязательным пройти по поводу моей фамилии. Тая не улыбалась. В ее взгляде отражалась безнадега. И еще — желание зацепиться за что-нибудь.

Кого-нибудь.

Мимо нас, по тротуару, сметая на своем пути бесхозную детскую коляску, на роликах покатылся худой парень. В обрывках разорванной на груди футболки алели свежие царапины.

Дверь в кафе открылась. Вышли двое: девушка в светлом, испачканном платье и парень, по пояс голый. Его безволосая грудь из-за многочисленных ссадин походила на полотно безумного художника, практикующегося на палитре в диапазоне от фиолетовой до желтой.

— И тут мне она такая заявляет, — вяло, растеряв энтузиазм на многочисленных повторях, заговорила девушка. — А ты знаешь, что на корпоративе твой бывший целовался с Леркой? Прикинь?

Ее спутник не одолел пары ступеней. Потоптавшись на месте, словно собираясь танцевать ламбаду, он не справился с очередным па. Оступившись, тяжело рухнул на колено. Бросил руки вдоль тела и затих. Его губы двигались.

— Скажешь тоже! Ну, подумай сам — какое мне дело до того, с кем трахается мой бывший?.. А причем здесь это? Я не удаляю статус, потому что...

Девушка перешла Невский по лихорадочно мигающему желтым светофору, потом повернулась в сторону Аничкова моста. Она продолжала делиться наболевшим с молодым человеком. Он так и не поднялся с колен. Честно соблюдая регламент, он шевелил губами, заполняя паузы в речи своей спутницы. Девушка шла дальше. Ее светлые грязные волосы ворошил ветер. Секунда — и девушку поглотила тень, упавшая от Клодтовских коней, пожевала самую малость и вытолкнула ее, спотыкающуюся в солнечный день. Едва удержавшись на ногах, блондинка припала к решетке, огораживающей мост. Она продолжала говорить, пожимая плечами. Сверху на нее, насмешкой гениального скульптора, вылепившего гениталии жеребца в форме человеческого лица, пялился, увековеченный в бронзе, то ли один из недоброжелателей Клодта, то ли сам Наполеон.

Из дверей кафе выходили люди, неловко толкая с двух сторон стоявшего на коленях молодого человека. Восточная женщина с низко посаженной задницей, вбивала что-то резкое в мертвый айфон, прижатый к уху. Чудом разминувшись с ней, из-за поворота вынырнула зрелая шатенка.

— Закрой рот, — скрипуче выговаривала она. — Я с тобой больше никуда не пойду, пока ты не научишься себя нормально вести. Сколько раз тебе говорила...

Она шла, конвульсивно дергая рукой. Ребенка рядом с ней не было. Наверное, он давно потерялся. В лучшем случае, не в силах одолеть препятствие, топчется где-нибудь в одиночестве, размазывая по щекам слезы, пока его сердитая мать ведет за руку пустоту. Ее словам внимали лишь пара трупов пожилых людей. Они сидели, привалившись к решетке моста. Слепо таращились, уже зная ответы на все вопросы. По их лицам ползал рой мух, а над ними, такой же застрявший во времени, бил копытами воздух с трудом удерживаемый под уздцы бронзовый жеребец.

Я отвернулся. Почти пустая бутылка с виски взлетела на уровень моих глаз и снова я не смог решиться — то ли допить, то ли разбить ее.

Мир перешел на сторону на шизофрении, и я, по неизвестным мне причинам — один из немногих, не прошедших таможенный контроль — мог быть только свидетелем.

— Я подвезу тебя, Сусанин, — хрипло сказал Тая. Она шагнула, оказавшись в поле моего зрения. Майка защитного цвета туго обтягивала тяжелую грудь без лифчика. Шорты на ней были такими короткими, что я вообще не сразу обнаружил их наличие. Прищурившись, она разглядывала меня, настраиваясь на отказ. Ослепительно белые на солнце колюче топорщились короткие волосы.

— Куда? — спросил я у бутылки.

— А куда ты хочешь? — вместо бутылки отозвалась Тая.

— Домой.

— Поехали, — девушка пожала плечами. Она сделала это так буднично, как будто ей было по плечу завести свой байк и перенести нас через... время? Эпидемию? Апокалипсис? Усадить меня на заднее сидение, форсировать двигатель, рвануть по Невскому, заполняя уши города рокотом.

И вернуться туда, к началу.

Или наоборот, пропустив все, вкатиться сразу в печальный конец.

Мне было все равно.

Шугая голубей и собак, мы промчались по Дворцовому, повернули направо, виртуозно вписавшись в узкое пространство между двух перегораживающих проезжую часть туристических автобусов. У спуска на набережную толпилась стайка китайцев. Высохшие как щепки, они, тем не менее, весело переговаривались.

Я старался не смотреть по сторонам. Я не мог больше видеть их — застрявших в майском субботнем дне. Довольных, улыбающихся, со смехом спотыкающихся об умирающих и трупы. Грязных, в ссадинах, с лицами, залитыми кровью, прижимающих к ушам темные экраны гаджетов, дергающихся в такт звенящей в наушниках тишины.

Тая остановила байк у одного из элитных отелей на набережной. Не говоря ни слова, она направилась к дверям, не спеша, давая мне возможность оценить две упругие полужопицы, оголенные шортами, на мой взгляд, практически неотличимые от трусов. У входа девушка оглянулась.

«Идешь?» — гордость не позволила ей задать мысленный вопрос.

Я не стал испытывать ее терпение. Подошел, распахнул дверь. Сделал приглашающий жест. «Прошу», — из меня даже вывалились остатки галантности.

В холле, заставленном красивой мебелью, было прохладно. За стойкой стояла блондинка — администратор. Мы появились во внеурочное время, поэтому девушка нам не улыбалась. На испачканном потекшей тушью лице застыло деловое выражение. Ее пальцы порхали по клавиатуре, в который раз выбивая на темном экране послание, которое некому было получать... Да и отправлять, по сути, тоже.

Мы поднялись на последний этаж, в номер-люкс. Круглая кровать занимала почти всю комнату, заполняя пространство между стеклянным потолком и окнами от пола до потолка. Вид открывался впечатляющий. Отсюда все выглядело по-прежнему. Нева, подгоняемая усилившимся ветром, катилась к Балтийскому морю, на противоположном берегу радостно вздымал в посеревшее небо зеленые колонны Зимний дворец.

Тая прижалась к моей спине, порывисто, страстно, практически не оставив зазора между нашими телами. Впервые за долгое время, я почувствовал себя спокойней.

— Ты здесь обитаешь? — спросил я, не шевелясь. Боясь потревожить не девушку, а свое состояние покоя.

— Я обитаю везде. Пить будешь?

Я не знал ответа на этот вопрос. Тая выскользнула из-за моей спины, заслонив мне вид из окна.

— Так будешь? — повторила она. Открытый взгляд ее серых глаз мазнул меня по лицу, задержался на губах, скользнул по шее и нырнул в отвороты рубахи. Тонкие руки вспорхнули и опустились на мою талию. Я потянулся к ней губами, но она мягко отстранилась.

— Пойдем, Макс. — Она взяла меня за руку и повела в ванную комнату — огромную, с заполненной водой джакузи, стоявшей в центре. По пути я попытался перехватить инициативу, но Тая настойчиво пресекла мою попытку.

— Не надо ничего делать, — шепнула она. Потом, спохватившись, добавила: — Пожалуйста.

Тая остановилась. Расстегнула пуговицы на моей рубашке, неторопливо сняла ее. Та же участь постигла и мои шорты. С той лишь разницей, что мне пришлось задрать одну ногу за другой. Не скрою, вид коленопреклоненной блондинки задел меня за живое. Она подвела меня к краю джакузи, встроенной в пол. Тонкие и сильные пальцы зацепились за резинку последнего предмета одежды, оставленного на мне. Тая задержалась, вопросительно заглянув мне в глаза. Я промолчал, чувствуя, как медленно ползут по ногам мои плавки.

Теплая бурлящая вода безропотно приняла меня, разгоряченного, в свои объятия. На берегу, на мой взгляд, не вкладывая ничего эротического в свои движения, раздевалась Тая. Хорошая фигура, выдающаяся грудь с непропорционально маленькими сосками, чисто выбритый лобок. Ее тело покрывал ровный загар — то ли уже умудрилась перехватить солнца, то ли оно досталось ей в наследство от прежних времен.

Не знаю. Вполне возможно, она собиралась продолжать свои игры. Но я уже шагнул к горизонту, где имело значение только настоящее. Девушка не успела войти в воду, когда я одним движением ухватил ее за затылок, притянул, подмял под себя, залепив рот долгим, болезненным поцелуем...

... - Послушайте же меня! Все это было не раз! Науке, по крайней мере, известны пять случаев! Вдумайтесь! Пять! Пять случаев, когда вымирал господствующий вид! Сначала беспозвоночные...

— Нинка, ты, что ли, избранная? Да с такими избранными я срать рядом не сяду!

— А я говорю: у чёрта! Готова поклясться, что та задница, где мы все с вами сидим, и есть те самые кулички!

— Пока не упокоимся в могиле. Все! В одной общей могиле! А Колюня сверху ковшом, экскаватором...

Дискуссия в концертном зале отеля «Санкт-Петербург» рисковала скатиться к примитивной драке. У Семеныча на красном носу блестел пот, Сан Саныч брызгал слюной как щитом прикрываясь научными гипотезами. Василий Федорович грудью напирал на Софью Михайловну, щедро субсидируя свою речь матюгами. В углу, наблюдая за баталией старичья, веселилась молодежь. Предусмотрительно отвел подальше свою паству Султан. Только Вера по-прежнему далекая, сидела в углу, слушая лишь то, что упиралось в ладони, скрещенные на животе.

И было явление Христа в народе — в боковом проходе возник Колюня. Замер, подслеповато разглядывая собравшуюся публику. Худой, с острым носом и ввалившимися в лысый череп глазами, он посмотрел на меня и кивнул в сторону выхода.

Я двигался навстречу Колюне между рядами, когда ко мне решительно подался Гопник.

— Ты, это, Сусанин, — сквозь зубы выдавил он, приглаживая волосы, собранные в

хвост. — Разговор есть.

— Сейчас? — удивился я. На моей памяти Гопник не обращался ко мне никогда.

— Ну, как бы, да.

— Пять минут тема подождет?

— Пять подождет, — согласился он и отчего-то насупился.

— Хорошо. Я сейчас подойду. Поговорим.

У выхода в неяркий осенний день меня поджидал Колюня.

— Там это, Сусанин, — без предисловий начал он, — что-то не так с этими покойниками. Посмотришь? Сил моих больше нет.

Глава 7. Влада

Влада

«Она росла из листьев. Из наваленного ветром мусора как грибы после дождя торчали головы ее соратников. Бронзовые букли париков блестели, залитые недавним дождем. Они пытались выбраться, но у них не было шансов. Им оставалось одно — ждать, когда грязная волна доберется до их ртов, вольется им в носы, залепит глаза. Они жертвовали собой, чтобы она — единственная — забралась по их головам выше, уходя от коричнево-серого наводнения».

— Врете вы все, врете! Вы, жалкие чмошники! Думаете, я не вижу, как вы все ко мне относитесь? Я все вижу! Я вам не дура слепая. Влада, вон, за своими ухаживает, Сусанин жену не бросает. Киру ладно, повезло, у него родичей не найти. Данька... Это вы не фига не знаете, а он мне по секрету рассказал, что мать навещает. Одна я? Да? Да? Думаете, какая я последняя сучка, раз своих бросила? А я? А что думаю я, вы у меня спросили?

От крика Алиска постепенно перешла на шепот. Успокаивать ее было бесполезно. Мы с Киром пробовали и у нас не получилось. Мартини — тоже оружие в неумелых руках. Пусть не было у Алиски в намерениях запустить бутылку кому-нибудь из нас в голову, но она пила. И с каждым глотком либо орала все громче, либо шипела все злее. Все, что мы могли — отобрать у нее очередную бутылку, мы сделали.

— А я их боюсь, — шептала она. — Я смотрела, как мать ходит там по квартире. Страшная, грязная... А сеструха? От нее воняет. Она обоссала всю кровать... И спит там же... Не надо на меня орать! — Алиска опять повысила голос, хотя никто ей не возражал. — Я не могу себя заставить ухаживать за ними! Отец приходит каждый день пьяный... Даже не знаю, где он там находит. Орет на всех, на мать...

Алиска билась в истерике в номере отеля «Санкт-Петербург», где мы зависли на пару дней после собрания. Кстати, пусть мне кто-нибудь задаст вопрос, на который я не смогу ответить — не знаю почему, но мне отчего-то казалось важным, чтобы он прозвучал вслух.

— Зачем мы вообще ходим на эти собрания? — вдруг в унисон моим мыслям спросил Кир. — Все, что могли сказать эти два дебила, метящих в лидеры, они сказали.

Я не нуждалась в уточнениях. И так понятно, кого он имел в виду. Странно, но из всей толпы, только двое захотели повести за собой массы: Султан и Сусанин. Только...

— Только ты зря называешь их дебилами. Султан — не спорю, но... — попыталась вставить я, но Кир как всегда меня перебил. Он любил слушать только себя. Именно, не говорить, а слушать свои мысли вслух. Мне казалось, что мыслительный процесс Кира останавливался, когда он замолкал. И те «гениальные» мысли, которые Кир время от времени рождал, плод не мыслительных, а вербальных усилий.

— Поехали к башне Грифонов! — сорвался Кир. — Кого ты тут хочешь успокоить? Ее? Она по жизни такая. Ничего с ней не станется, если мы отъедем. Ненадолго. Я чувствую. Это будет именно сегодня!

Я только вздохнула. Подумаешь, легенда какая. Стоит себе на Ваське башня из кирпичей без окон, без дверей. Больше книг на сайте knigochei.net И что с того, что все они пронумерованы? И надо же было туда добавить мистику: вот в один из дней кирпичи меняют цифры, и если случится там оказаться, то исполнится любое твоё желание. Туда до кучи и мальчика Петю приплетали, который будучи сиротой получил по желанию родителей, и какого-то там инженера, которому вдруг резко повезло с карьерой. Да что там мелочиться? И даже дедушку Ленина. Откуда бы вы думали на него свалилась такая удача в форме огромного пряника — ешь-не хочу — с надписью «Твоя Россия»? Все оттуда же.

— Хватит тут торчать, — уже мягче продолжил Кир. Видно, до него дошло, что криком меня не возьмешь. — Поехали. У меня предчувствие — это случится сегодня. А вдруг я загадаю желание, и оно исполнится?

— Один уже такой загадал, — я хмыкнула.

— И что? — повелся Кир.

— Что — что? Видишь, — я развела руками, — исполнилось.

— Ну почему мы все не могли зависнуть в каком-то другом дне?! — вклинилась Алиска, прервав долгий и разочарованный выдох Кира. — Когда все было хорошо. И все друг друга любили!.. Неправда, были такие дни! Наверное, были. Мне... Вы мне не поверите, — после паузы тихо-тихо, как по секрету, добавила она, — мне бывает жалко сеструху. В тот последний день она рассердилась на меня. Что?! За дело, блин, за дело. Я не знаю, зачем я это сделала. Она спала с Димочкой, и все время говорила про него гадости. А он — такой хороший мальчик! Вот я ни за что не стала бы говорить про него такое! И что целуется со слюнями, и что кончает быстро... А Сонечка, моя подружка, еще та сплетница, все знают. Зачем я ей все это рассказала? Вот поэтому и рассказала. Что все знали, какая сеструха... И Димочка устроил разборку...

За окном солнце нырнуло в тучи. И тут же пошел дождь. Без всякого ритма застучали по подоконнику капли.

Не было смысла в солнце. Не было смысла в дожде. Некому стало обсуждать погоду, делить ее на солнечные и пасмурные дни. Падали капли, пузырились на стекле, текли вниз, зигзагами отыскивая легкие пути к подоконнику. Остаточное явление — вот, что напоминал мне этот лениво-усталый дождь. Словно где-то наверху перекрыли кранчик, а капли продолжали падать. Еще некоторое время.

— Во мне живут два человека, Влада, — так же устало забормотал Кир. — Первый страшный придурок. Он всем желает зла, и никому не верит. А второй наоборот — добрый, хороший. Настолько хороший и добрый, что все время доказывает первому, что его есть за что любить. Его... Или может, меня?

— Может, это и есть бог?

— Влада, ну ты даешь. Первый или второй?

— Это ты даешь! Кого ты придурком назвал?

— Бога нет.

— Ага. И то, что происходит с нами — сплошная физика.

— Конечно. А почему нет? Наш земной шарик ворочается в абсолютной пустоте. Огромный и большой. Не улетает в пространство и не падает на солнце. Ты можешь себе это

представить?

— Ну, в принципе...

— Не можешь, я знаю. Он перекачивается с боку на бок и за все эти бесконечные века так и не качнулся ни влево, ни вправо.

— Поймай, Кир, не могу понять. Ты это к чему? В любом случае, мы с тобой не те сущности, которые могут что-то решать. Мы просто выпали из обоймы. Для того, кто все это затеял, мы погрешности в эксперименте. Ненужные и никчемные.

— А может, все наоборот и это проверка! Может от того, останемся ли мы людьми, зависит будущее! Тот, кто отнял у нас все, может все и отдать! Вот выдержим испытание, проснемся в один прекрасный день — а все вокруг по-прежнему. Утро, лето, люди... Мама. Может, это от нас зависит, будет ли будущее. Я не верю, что мы не сможем выпросить прощения! Мы проснулись, когда все было кончено, почему не можем проснуться, когда все начнется? Может, надо сделать что-то серьезное, чтобы обозначить наше существование на этой земле? Может, если мы поведем себе лучшим образом, то все вернется на круги своя?

— Лучшим образом — это помогать Колюне закапывать трупы?

— Думаешь, я могу ответить на этот вопрос? А вдруг это все сделано для нас? Вдруг будущее человечества поставлено на карту из-за нас? И они — те, кто сделал ставку, смотрят на нас и ждут. Если мы правильно поступим, все будет как прежде.

— А если неправильно?

— Знаешь...

— Кир, я тебя сильно разочарую, если скажу: мне кажется, что я уже поступила. Неправильно.

— Ты запала на Сусанина, — внезапно, как всегда без всяких переходов, огорошил меня Кир.

— Что? — переспросила я, хотя отлично слышала его слова. Просто я хотела взять тайм-аут на раздумья.

— Ты отлично слышала, — Кир прищурился, разглядывая меня в упор.

— Слышала. Вот думаю, как реагировать на эту фигню.

— На правду? Нет. Ты хотела придумать, как правду скрыть. Чтоб у меня сложилось впечатление, что я ошибся. Ты просчитываешь варианты, но поверь мне, все они...

Я молчала.

— Может, я уже хочу извиниться. — Алиска приподнялась на кровати. По ее щекам текла тушь. — Может, я уже созрела. Может, мне хватило этих месяцев, чтобы осознать. Я не хочу, чтобы сеструха злилась... Я так давно не видела ее веселой. Никогда теперь... Василий Федорович прав. Это они остались доживать с обычным миром пусть и последние дни. А мы... Мы в аду.

— Так ничего и не ответишь? — вклинился в монолог Алиски Кир.

Я отрицательно покачала головой. И еще пожала плечами для верности.

— Зачем? Что бы я ни ответила, ты скажешь: «Значит, я прав».

— А разве не так?

За окном низкое небо спускалось на землю. Или наоборот — земля пыталась забраться на небо. За сплошной пеленой дождя укрылся противоположный берег Невы. Где-то сбоку — отсюда не видно — слепо искала жерлами многочисленных орудий давно потерянную цель «Аврора».

— Влада! — позвал меня Кир.

Я знала, как его бесит мое молчание, но ничего поделать с собой не могла. Алиска, наконец, устало откинулась на подушки и засопела. Я поднялась.

— Ты куда? — Кир вскинул на меня полные отчаяния глаза.

— Сиди здесь, — приказала я. — Еще не хватало, чтобы это чудо очнулось и пошло искать добавку.

— Я пойду с тобой.

— Сиди здесь, Кир. Я скоро.

— Я хочу с тобой!

Его крик ударил меня в спину и вытолкнул в коридор.

Дети — они все оставались детьми. Казалось бы, созданы идеальные условия для быстрого взросления, но они продолжали вести себя по-прежнему. Со старыми мерками лезли к новому миру. И Султан, с его животным желанием обрюхатить всех самок, и Данька, пытающийся ревом байка оживить город. И Борюсик с Головастиком, сваливающие все проблемы на стеклянные плечи Джека Дэниэлса. И даже старперцы, сменившие посиделки у парадных на «философские» беседы о предназначении избранных.

Я спустилась в холл. Теперь здесь стало пусто — охранников и девушек-ресепшенисток мужчины отнесли куда-то вниз. И там, запертые в подвале, они гнили. Им не повезло.

А мне? Мне повезло?

Я остановилась у окон. Дождь стихал. Туман рассеивался. С противоположного берега медленно выдвигалась на набережную громада домов. Нравился ли мне Сусанин? Я не знала ответа на этот вопрос. Во всяком случае, я не собиралась обсуждать эту тему с Киром. Мои нахмуренные брови или случайно вырвавшийся вздох расценивались не в мою пользу, а те выводы, к которым он приходил, выбить из него не представлялось возможным.

Запала я на Сусанина? Не знаю. Он казался мне самым разумным из всех. Особенно сейчас, когда у него опустились руки и угас огонь энтузиазма в глазах — захотелось вдохнуть в него жизнь, поддержать, обнадежить. Не осталось секретом для всех, что у них с Тасей завязался роман. Только Алиска могла отрицать очевидное. Я-то знала: Тая не из тех девушек, от которых уходят. Невредимыми. Живыми.

Так. Тая, Алиска, может, и я. Прямо Сусанин — парень нарасхват. Тоже мне — секс символ нашего замороженного мирка!

Сейчас мне кажется, что мои чувства к Сусанину и начались с вопроса, вернее, с утверждения Кира. А тогда...

Тогда я стояла и смотрела в окно. На заново прорисованные после дождя дома. И вдруг, в самый разгар моих рассуждений о собственной мудрости, мне дико, до боли в сердце захотелось домой. К маме.

Взрослая? Я маленькая! Я хочу к маме! Пусть она появится и снова станет решать все в моей жизни! Да, давно потерялись трогательно-нежные отношения — они остались в моем детстве. Да, я хмурилась, когда она надумывала меня обнимать. Но... Она должна у меня быть!! Эта возможность отмахнуться от маминых поцелуев и объятий!

По набережной я шла в сторону Стрелки Васильевского, к ростральным колоннам. На собрании предупреждали о неизвестном киллере, отстреливающем оставшихся в живых. Хотите знать мое мнение? Тот, кто затеял конец света, подчищал за собой хвосты. И уж если ему под силу угробить целый мир, что ему наша жалкая горстка! Развлечение.

Я не боялась умереть. Я боялась жить как остальные, забытые в субботу.

На проезжей части теснились машины, лежали обгорелые тела, сто лет назад залитые дождем. Ни обугленным телам с прилипшими кусками одежды, ни иссохшим мертвецам, улыбающимся мне беззубыми лицами, было меня не напугать. Мой страх, как забытая в транспорте вещь, с потерей которой давно смирился, остался в том дне, когда испуганная и ошарашенная происходящим, я оказалась на улице. Озираясь по сторонам, я перебежала Вознесенский, перекрытый аварией. Точнее, они все смешались в кучу — машины, люди. Прямо у меня на глазах из открытой дверцы разбитого джипа медленно вывалился мужчина. Он говорил что-то веселое, прижимая к уху пустую руку, с торчащей из локтя белой костью. Я обогнула маршрутку, с капотом, раздавленным столбом пополам — я не хотела смотреть в окна, словно специально затянутые дымом от таких неосторожных взглядов, как мой.

Я летела по Садовой, всюду натываясь на странных людей, которым было плевать не только на меня, но и на происходящее вокруг. На полном ходу велосипедист врезался в лежащую на боку детскую коляску. Он перелетел через голову и проехался по асфальту. Поднялся. Лицо темноволосого парня не выражало ничего, кроме сосредоточенности. Из разорванного плеча хлестала кровь, заливая футболку. Некоторое время он постоял, глядя прямо перед собой, потом, хромя, пошел дальше. Кап-кап, за ним потянулась кровавая дорожка. Как дотошная хозяйка, помешанная на чистоте — за парнем увязался дождь, заывая кровавые следы. Забытый велосипед лежал на боку, вращая колесом.

Я бежала, стараясь не вдаваться в детали — они нарочно лезли мне на глаза. Наверное, им всем было скучно сходиться с ума без зрителей. У Гороховой, с дома на реставрации сорвало тент, огораживающий стройку. Зеленое сетчатое полотно потянулось крылом через улицу, но слегло, прибитое дождем. С последнего этажа строительных лесов сорвался рабочий и полетел вниз. Я слышала хруст, с которым его голова воткнулась в бетон.

Разбивались машины, въезжали в столбы, давили не старающихся избежать столкновения прохожих. Грохот, скрежет металла, серия взрывов — далеких и близких. В механическую какофонию не вплетались звуки человеческих голосов — никто не ругался, не орал от боли или ярости, не бился в истерике. Они все, негромко переговариваясь, двигались, тихо и буднично принимая раны, переломы, ожоги. И смерть.

У Невского я остановилась. Меня стошнило. То ли от шока, то ли от запаха обгорелых тел, выпавших из объятых пламенем экскурсионного автобуса. Было ли мне страшно? Вообще не то слово. Я не чувствовала тела, мне даже казалось, что сердце не бьется, в моей голове царил хаос. Я металась в безумии, надеясь достичь границы, за которой все осталось по-прежнему. Куда бежать? Если дома не стало, разве существовало на свете место, где можно укрыться? Одна в целом мире — вот как я себя чувствовала — одна, среди разрушения, крови, мертвецов.

Не знаю, как мне удалось выжить. Как меня не долбануло чем-нибудь — всего-то нужен был кирпич, свалившийся мне на голову. Садист и насильник, овладевший городом, сохранил свидетелей. Меня, в том немногом числе.

Я нашла себя ближе к вечеру — промокшую, дрожащую, в каком-то кафе на Дворцовой набережной. Подтянув колени к груди, я сидела на диване и раскачивалась из стороны в сторону. Я смотрела на официантку с изрезанной щекой, на которой уже запеклась кровь. Улыбаясь, она поставила передо мной чайник и обгоревшую до черноты пиццу. Да, я встрепенулась и попробовала пристать к ней с вопросом. Опомнилась я лишь тогда, когда официантка направилась к стойке, на ходу кинув пустому столику:

— Минуту, я сейчас подойду.

Провожая девушку отчаянным взглядом, я опять впала в прострацию. Туда, где царило полное безразличие. К действительности меня вернул протяжный звук. Он постепенно разрастался, заполняя пространство. Остервенело, без перерыва выли собаки. Собаки выли так как не выли никогда. Умолкала одна, продолжала другая. Все протяжней, забираясь в немыслимые для собачьего горла верха и срываясь в визг, вызывающий зудящую в зубах боль. Под несмолкаемый дикий вой я вышла на набережную, затянутую дымом.

Мне некуда было идти, поэтому я пошла домой. Звук моих шагов тонул в долгом, нескончаемом вое.

Сколько времени я провела в постели, практически не выходя из своей комнаты? Я закрылась от них — Антошки с мамой. Я ничего не ела и не пила. Может, мне хотелось умереть, но точно не скажу. Когда я выныривала из слабого подобия сна, меня терзала мысль, что кошмар кончился. Крадучись, я выбиралась в коридор, чтобы в следующее мгновение рухнуть в неостывшую постель, унося с собой разбитую вдребезги надежду.

Был вечер, когда обессиленная, не имеющая за душой ни единой здоровой мысли, я выползла на кухню.

— А Влада скоро придет? — скрипнул Антошка.

Я вздрогнула.

— Надеюсь, часа через два. В лучшем случае, — ответила мама. Она стояла у плиты. На сковородке горело масло. Время от времени мама производила какие-то манипуляции с тарелкой и миской, а потом снова и снова опрокидывала над сковородкой пустой половник.

— Мама, я дома, — сказала я и испугалась звука собственного голоса, такого жалкого, беспомощного.

— Не торопись, зайчик, поперхнешься. — Мама, наконец, выключила плиту, поставила перед Антошкой пустую тарелку и села. — Возьми сверху горяченький.

— Когда я вырасту, я стану разведчиком, — выпалил Антошка.

— Разведчиком? — удивилась мама. — В смысле, военным?

— Не-а. Я буду разведчиком. Разведаю там всякие недра полезные в земле. Найду нефть и мы будем богатыми. Валерка сказал, если у тебя много нефти — ты богач.

Мама усмехнулась.

— И что ты будешь делать с богатством?

— Куплю себе всего. Айфон куплю, планшет. Игрухи всякие. Еще машину куплю. И тебе... И Владке тоже. Пусть катается, что мне жалко, что ли? Хоть она и вредная.

Мама рассмеялась. Почти весело.

Им было хорошо вдвоем. Они нашли общий язык. Вернее, они его и не теряли. Это я — исключенная из общей игры, застряла в дверях.

Распогодилось. Лучи закатного солнца добрались до пустой тарелки. И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Запредельно. До мозга костей. Все то, с чем я столкнулась на улице в первый день конца света, представилось мне дурным сном, но мама, не замечающая меня...

Я пятилась. Очень медленно. Солнечный луч успел оторваться от тарелки — он полз по маминому лицу, оставляя в моей памяти бледную щеку с морщинами, челку, закрывшую глаза, заострившийся нос...

Музыку я слышала на подступах к Биржевому мосту. Неизвестно, какую аппаратуру использовали, но звук сшибал с ног. Я знала лишь одного человека, не оставлявшего попыток разбудить впавший в вечную спячку город. Проникшись забойным ритмом, я застряла на

набережной. Облокотившись на решетку, я топила свой взгляд в речных волнах. Выглянуло солнце. Золотые лепестки несмело трогали свинцовое брюхо Невы. У Кронверкского пролива, не в силах вписаться в узкое жерло, бился в бетон плавучий ресторан, забитый трупами. Я знаю, мне не стоило поворачивать голову, но я устала разглядывать воду. Большинство мертвецов на открытой палубе улыбались мне. Я вспомнила как вчера, упитая вдребезги Алиска носилась по набережной, махала руками, посылая бесконечные приветы речному трамваю. Оттуда, снизу, на нее осуждающе смотрела семья мертвецов: мужчина в светлой куртке, почему-то полуголая женщина и двое мальчишек с исклеванными чайками лицами.

Я пошла дальше. Моя шея плохо ворочалась. Она не хотела поднимать голову. Она объявила мне бойкот. Наверное, они с головой сговорились. Потому что слишком много мертвецов, выставя напоказ свое гниущее уродство, нарочно лезло мне на глаза. Они пытались завоевать место в моем мозгу, чтобы в любой момент — стоило мне чуть расслабиться — подсунуть мне ужасную картинку. Мой мозг устал. Я смотрела вниз и все воспринимала на уровне ног. Наверное, так же видит кошка. Одни ноги. А чтобы увидеть наши лица, ей нужно так высоко задирать голову, что... Так и у меня. Все внизу, все под ногами. А стоило чуть поднять голову, как все сливалось в один размытый фон. Я сосредоточилась, я видела только ноги. Только асфальт, укрытый листьями. Только.

Свободный от машин мост блестел после дождя. Гремели басы, как сваи вбивая в бетонное основание стрелки Васильевского. Громкой музыке я была обязана тем, что не сразу услышала странный звук за спиной — долгий и шумный выдох. А уж когда я осознала, что этот шум — часть чего-то большего и обернулась, стало уже поздно.

Он стоял метрах в двадцати или тридцати от меня. Но даже с такого расстояния казался огромным. Не в силах не то чтобы шевельнуться — перевести дыхание, я застыла на месте. Мысли разбежались, оставив в голове звенящую пустоту.

Он не торопился. Мотнул башкой, настраиваясь на мою волну. Маленькие глазки, блеснувшие в темных зарослях, нашли меня. И вдруг, тяжело припав на передние лапы, он оттолкнулся от асфальта и выпрямился в полный рост.

Я видела приоткрытую пасть, маленькими дозами втягивающую воздух, лапы с когтями, прижатые к телу, свалывшуюся на животе шерсть.

У меня потемнело в глазах. Потерялись в сумраке дом и река, растворилась железная решетка моста. Пропало все. Осталась я — беспомощная, дрожащая, с пустым пространством за спиной, за которым ни спрятаться, ни скрыться.

И он. Медведь. Совсем не такой, каким виделся в зоопарке. Огромный, отъевшийся зверь, получивший в качестве охотничьих угодий заполненный под завязку ходячим мясом город. Говорят, по морде медведя невозможно понять, что он задумал. Я бы так не сказала. Он не выглядел голодным, нет. Он хотел развлечься. И его развлечением была я.

Никогда не думала, что животным удобно стоять на задних лапах. Мне казалось, что они должны покачиваться, с трудом удерживая равновесие. Этому зверю высокая стойка неудобств не доставляла. Он стоял, недвижный как монолит, вытянув морду по ветру. Он не смотрел на меня, он пытался обмануть меня, заставляя поверить в то, что ему нет дела до маленькой девочки.

Я шагнула назад. Я забыла, где я нахожусь и что там, за моей спиной. Если бы там оказалась пропасть, мое тело уже бы закончило свой полет. Начав пятиться, я не могла остановиться — полушагами, считанными сантиметрами отодвигала себя от чудовища.

Постоянное движение не успокаивало меня, скорее оттягивало тот момент, когда нужно было решаться: повернуться к зверю спиной и...

Тяжело, как будто пробиваясь к центру земли, медведь упал на передние лапы. На меня уставились крохотные глазки, блестящие в темноте шерсти. Зверюга мотнула головой, отгоняя то ли свои звериные мысли, то ли насекомых. И вдруг, без всяких прелюдий рванула вперед. Ко мне.

Уже поворачиваясь, я зацепила взглядом волну, поднявшую дыбом шерсть на спине, всю эту несущуюся на меня мощь — слишком большую, слишком свирепую для такой маленькой, беспомощной девочки.

Я бежала по мосту, с трудом переставляя ватные ноги. Мне казалось, что я двигаюсь во сне. И так же, как в сновидении, вместо мелькающих в реальности решеток, огораживающих мост, я видела собственное тело, на которое уже завершилась охота — окровавленное, с разорванным животом, ползущее в сторону от равнодушно бредущего по следу зверя.

Дыханье сбивалось. За бешеным ритмом музыки прятались прочие звуки — и мои шаги, и шаги медведя. Мост кончался. Дальше меня поджидало открытое пространство, упирающееся в закрытые двери домов. Где-то слева — боже, невообразимо далеко! — маячила опрокинутая набок машина экскурсионного автобуса. Все, на что я могла рассчитывать — оттянуть неизбежный конец, взлететь на крышу, до которой преследующему меня чудовищу оставался один, не самый мощный рывок.

Я поворачивала налево, когда боковым зрением уловила движение. Даже представить себе не могла, насколько я уступила в беге свирепому зверю! Отчаяние лишило меня сил. Мои ноги зацепились друг за друга и я кубарем полетела вниз, сдирая ладони о шершавое полотно асфальта. Я не чувствовала боли от содранной кожи, звуки музыки отдалились. Обреченная, я приподнялась на локтях, чтобы увидеть несущееся на меня чудовище, разглядеть приоткрытую пасть, пар от дыхания.

Звука первого выстрела я не слышала. Зато видела, как дернулся зверь, словно с размаху ткнулся головой в невидимую преграду. А над ним метнулось вверх темное облако. Медведь сбавил скорость, качнул головой, сея вокруг кровавые брызги. Шерсть на загривке поднялась. Косолапо загребая передними лапами, он пошел ко мне. Потом я услышала грохот. Один, другой и третий. Медведь принимал пули, словно отмахивался от чего-то, сильно ему досаждающему. Его движения замедлялись. Когти скребли асфальт, стремясь донести уже плохо слушающееся тело до вожаемой добычи. Почти мертвец, он был по-прежнему опасен. Один взмах огромной лапы запросто раскроил бы мне череп. Не говоря уж о том, что бы от меня осталось, вздумай он навалиться на меня всем телом просто для того, чтобы умереть. Я попыталась подняться, но рука моя подломилась и я завалилась набок. Мы оба ползли — зверь ко мне, я от него. Вполне возможно, все закончилось бы для меня плохо, если бы два последующих друг за другом выстрела не положили бы конец. На мое счастье, кровожадному любителю человеченки. Крупная дрожь последний раз пробила мощное тело и зверь затих. По асфальту, сначала быстро, потом все медленней потек красный ручей.

Пахло отвратительно. Меня замутило. Прямо перед глазами, выдвинувшись откуда-то из реальности, возникла протянутая рука. Я подняла голову.

— И что я могу сказать? Охота удалась. — Даниил улыбался. Только на лбу блестели капли пота.

Он говорил, старательно приводя в порядок сбитое дыхание. На боку, из странной, длинной кобуры торчала рукоять какого-то оружия. Я потянулась к его ладони, вложила туда

свою, окровавленную. Даньке пришлось поднатужиться, чтобы помочь мне утвердиться на негнущихся ногах. Он, точно как недавно медведь, не мог закончить движение. То ли хотел меня обнять, то ли наоборот — оттолкнуть. Хотел, но все не мог решиться.

— А ты неплохо справилась с ролью приманки, Влада. Только в следующий раз бегай быстрее. Планов — охренеть. Из зоопарка еще тигрица смылась, насколько я знаю.

Меня колотило. Я старалась не смотреть в ту сторону, где лежала туша.

— Не, Влада. Стометровка ни к черту, конечно. Будем тебя подтягивать. С завтрашнего дня и начнем тренировку. Зверей пока подключать не будем. Для начала надо тебе набраться сил. Ты как на это смотришь? Говорят, медвежье мясо...

Дальше я не слушала. Меня вывернуло наизнанку.

Глава 8. Сусанин

Сусанин

Они лежали рядом. Истощенные, в немыслимых позах. В тряпках, чуть прикрывающих высохшие тела. С гримасами — в спазмах эмоций, впечатанных в бледные лица напоследок. Мужчины, женщины, дети. Бывшие. Теперь просто трупы.

Спокойно, без суеты, Колюня укладывал мертвецов в свежевырытую яму. Высокий, нескладный, деревянно-ломкий в суставах, могильщик мало чем отличался от тех, кого отправлял в последнее путешествие. Толстовка на пару размеров больше болталась на худом теле, в растянутые рукава попадала земля. Колюня не обращал внимания на неудобства. Он трудился. Мертвецы безропотно принимали помощь, ложились себе рядами, насколько возможно плотно занимая свободное пространство. Страшный пазл складывался с трудом. Под трупами оседала земля, они шевелились, отчего казалось, что они пытаются устроиться удобнее.

Я стоял неподалеку, надвинув на голову капюшон, засунув руки в карманы куртки. От предложенной помощи Колюня отказался. Из неясного бормотания вычленилось несколько слов про «свой крест». Настаивать я, естественно, не стал. Моя совесть, облегченно зевнув, заснула сном праведника. Я смотрел на то, как старательно Колюня накрывает мертвецов каким-то полотном, как осторожно ступает между ними, стараясь не задеть конечности. Как чуть позже, по-прежнему бормоча себе под нос — на этот раз я четко расслышал «в лоно свое» — идет к экскаватору. Комы земли засыпали укрытые трупы. Кое-где ткань сбивалась, обнажая обращенные к небу лица.

В моей голове царила неразбериха. Единственное желание, с которым я отчаянно боролся — желание выпить. Мне приходилось держать данное Колюне слово.

— Ты, это, — с упреком сказал он мне утром, — не пей. Ты мне трезвым нужен. Чтобы потом не говорил.

Среди оголенных ветвей берез висело низкое солнце. Вполне угадываемое за легкой облачностью. Временами оно подглядывало за тем, что творилось на кладбище. Медленно светлело, потом снова все становилось серым.

Мне хотелось выпить. И чем дальше, тем сильнее. Я едва дождался, пока, удовлетворясь содеянным, Колюня спрыгнул с подножки экскаватора.

— Ну, это, — простужено сказал он, — все. Пойдем теперь в часовню. Ждать, того, недолго.

Чего именно собирался Колюня ждать, он толком не объяснил. Все, что я понял из его сбивчивой речи после собрания: с мертвецами происходит что-то не то, но лучше один раз увидеть, чем... Вот-вот. Через несколько часов после наступления темноты я вспомнил

Колюнено «увидеть». Конечно, выяснится, что он так не говорил. Вообще с моей точки зрения, последнее дело пытаться выяснять кто и что сказал. Это не срабатывает даже через пару минут, ибо каждый пытается перетянуть одеяло на себя, меняя слова, вкладывая свой смысл в междометия. А уж делать это на следующий день — стопроцентный повод к скандалу.

Более чем скромное кирпичное здание с окнами, выходящими на обновленный свежим холмом ландшафт, часовенка, казалось, застряла между двумя толстыми стволами берез. Колюня потянул на себя деревянную дверь, плотно засевшую в грязно-сером ковре из листьев. На удивление, та отворилась без скрипа, впустив в жалкую комнатенку хозяина и гостя. Внутри все обстояло аскетично, как и представлялось снаружи. Пара стульев, койка, стол, да шкаф, забитый иконами.

— Садись, что ли, там, — Колюня кивнул на один из стульев у окна. — Теперь подождем.

Я не стал уточнять сколько у нас осталось времени до намеченного часа Хэ. Я двинулся легким путем — лучше потратить одну из ночей своей страшно занятой жизни, чем слушать сбивчивый монолог, кроме сарказма и недоверия не вызывающий в моей голове ничего.

— Вот, сейчас свет зажжем, — бормотал Колюня, возясь со старинной лампой. — Да, зажжем. А куда денемся? Не сидеть же в темноте. А со светом все уютней. Жизненной как-то. Скоро все пройдет... Пстой, как там Соломон сказал? И это пройдет? Ну да, как-то так. А огонь, он что же? Он был до нас и останется после. Не ты, не я ему не судья. Это он нам, скорее, судья... Где тут у нас керосин? Долить в лампу надо. Не хватит, так-то, керосина надолго...

У Колюни обнаружилась привычка обсуждать каждое свое действие. Обычно меня это бесило, но сейчас мне было не до того. Категорически мне хотелось лишь одного — выпить. Ни о чем другом я думать не мог. Чтобы отвлечься, я вспомнил позавчерашний разговор с Гопником, сразу после собрания.

Тогда, в отеле «Санкт-Петербург» даже не пытаюсь разобраться в бреднях Колюни, битый час пытавшегося донести до меня мысль о том, что мертвецы перестали вести себя по понятиям, я добрался до местного бара. Бутылки, стоящие в ряд, вселили в меня уверенность в завтрашнем дне.

Так. Стоп.

Короче, хлебнув вискаря, я прихватил бутылку с собой. Спускаясь по лестнице, мимоходом вспомнил о том, что от меня чего-то хотел Гопник. Честно говоря, я не горел желанием с ним общаться. Да и что такого важного могло созреть в увенчанной бычьими рогами башке?

Он нашел меня сам — сидящего в холле напротив окон, выходящих на набережную. Распогодилось настолько, что больно было смотреть на солнечную канитель. Нестерпимо яркая, гордо терлась стальными боками к гранитному берегу «Аврора». С набережной сдуло мусор, да и противоположный берег вполне себе живописно перемигивался отраженным в окнах светом. Вид портило заброшенное в небо крыло Троицкого моста, вносящее диссонанс в стройную гармонию солнечного дня. Об этом я и думал, прикладываясь к бутылке.

— Это, Сусанин, разговор есть.

Не поворачивая головы, я кивнул, подтверждая, что слышу. Гопник плюхнулся в кресло напротив. В отвороте кожаной косухи мелькнула золотая цепь такой толщины, что я

засомневался — только ли для украшения она использовалась. Гопник скосил глаза на мою бутылку, но я был далек от желания делиться.

— Короче, мне одному не справиться, — без обиняков, с какой-то одному ему известной середины, начал он. — Будешь? — В его руке с обстриженными под корень ногтями возникла пачка сигарет. После моего отказа, он вытянул одну, воткнул в рот и прикурил.

Мне некуда было торопиться, поэтому я молчал.

— Ты, типа, в курсе, что кто-то отстреливает наших? — Он сделал основательную паузу, дожидаясь моей реакции.

— В курсе.

— Чё думаешь?

— Не только наших. Шизиков тоже. Думаю, кто-то из киллеров. Продолжает работать по профилю.

— В разных местах?

Я пожал плечами.

— Город большой. Уголовники тоже имелись в избытке.

— А вот что я тебе скажу, — Гопник подался вперед. — Это работает не шизик. Это свой брат. Из живых. А то, что попадал в шизиков — так, пристреливался.

— С чего решил?

— Я гнался за ним. И чуть не поймал, — добавил он напористой, натолкнувшись на мой недоверчивый взгляд. — Я тебе говорю! Я его загнал с Чайковского на Восстания. И поймал бы! Но он, сука, быстрый. Отель там, на Чайковского, знаешь? Там недалеко двор проходной. Этот гад на чердак ломанулся, видно пути отхода там у него были.

— Да ладно, не гони.

— Зуб даю! Я видел его, вот как тебя!

— Ну и? Описать можешь? Как он выглядел?

Гопник смутился.

— Темно было. Я держал его на мушке, — сказал он и тут же выпалил, оправдывая неуверенный тон. — Говорю же, тварь еще та! Чего мне врать? По-твоему, Валерик с дыркой в башке на своей хате, Марьиванна... Работа шизика? Да ни хрена!

Я задумался. Мне не приходило в голову серьезно отнестись к вопросу. С недавних пор смерть для меня стала такой же будничной составляющей как... дождь. Имело ли смысл скулить, провожая каждую отдельную каплю после потоков воды? У непредсказуемости стихии имелась лишь одна болевая точка, о которой я рассуждать не хотел. Дашка. Пока она в безопасности, все остальное меня не касалось. Но... Что будет с ней, если не станет меня? Неприятная мысль настолько задела меня, что я посмотрел Гопнику прямо в глаза. То, что всякая апокалиптическая хрень пролетала мимо, не задевая меня — разве не повод увериться в собственной неуязвимости? Я не верил Гопнику в историю с преследованием киллера, но Валерик, убитый в логове на Театральной... Было над чем пораскинуть мозгами. И еще: да, я не доверял Гопнику — тому было, что скрывать или он говорил не все. Однако, несомненно одно. Он боялся. Кого? Чего?

— Что ты хочешь? — спросил я.

— Надо организовать охоту. Говорю же, одному не справиться, уж очень неуловимая тварь. Глупо будет пережить всю эту хрень и откинуть копыта...

Что же. Резонно. Я отвинтил крышку, сделал один вдумчивый глоток.

— Может, ты и прав, — наконец, резюмировал я.

— А то! — обрадовался Гопник. — Договоримся, обсудим. Оружия до хрена, вот только, я тут подумал. Сусанин, нам без приманки не обойтись.

А пацан-то не так прост, как я решил. Хотя, чему я удивляюсь. Этот? Этот положит всех на тернистом пути псевдо-выживания.

— Надо подумать, — выдохнул я.

— Дело. — Гопник поднялся. — Вечерком в Октябрьском, норм?

— Не сегодня.

— Завтра?

— И не завтра, — я вспомнил уговор с Колюней. — Послезавтра.

Гопник дернулся лицом, но сдержался. Видать, парень любой день расценивает как угрозу для жизни.

— Добро, — нехотя сказал он. — Бывай.

Гопник исчез, оставив меня наедине с самой приятной собеседницей. Но сюрпризы еще не закончились. Причем, прятала их в рукаве не моя стеклянная подружка. Я успел приложиться в горлышку пару раз и уже стоял на грани решения. Меня со страшной силой тянуло домой. Не туда — в обустроенный быт, с камином, работающим генератором, сорокоградусной армией, лучезарно ждущей своего часа. Словом, не в берлогу, идеально подготовленную для зимней спячки. Нестерпимо захотелось к Дашке. Нырнуть под одеяло, дожидаться, после душа (моими стараниями), мокрая, придет она. Кутаясь в мою старую футболку, любимая девочка прижмется ко мне, уткнется в плечо, смешно чмокая губами.

Снова будет покой.

Раньше я забывался до утра. Теперь меня хватало на пару минут. Но даже ради этих минут, я готов был свернуть горы.

— Макс, занят?

Сиплый голос проплыл надо мной и я поднял голову. Нашел в пространстве небритое лицо Яровца. На общем фоне постаревших, похудевших людей, Кеша выделялся — он сильно прибавил в весе. То ли питался одним дерьмом вроде чипсов, то ли наоборот — я знал, что ему в наследство достались жена и дети. Субботний ужин. Мы никогда не говорили на эту тему, но по всему видать, парня угораздило застрять в каком-то удачном дне. Только взгляд больных, на выкате, Кешиных глаз выдавал его с головой. Там жила не безнадёга — обрыдлость, за которой кроме привычки жить, ничего не осталось.

— Будешь? — Я протянул ему бутылку, призывно обдавшую бока янтарным пойлом.

— Не сейчас, — он мотнул патлатой головой. Сел на то же место, где сидел Гопник. Облокотился на стол и с ожиданием посмотрел на меня. Словно я, а не он был инициатором разговора.

— Как знаешь, — я вернул бутылку себе. Однако выпить мне не дали.

— Леха прав, — услышал я.

— Какой Леха?

— А ты как его называешь? Вы только что разговаривали. Алексей Мельников.

— А... ну да. Подслушивал, Кеша?

— Ты выражения выбирай, Сусанин, — набычился Яровец. — Я слышал. Хотели бы перекинуться без свидетелей, что — другого места не нашли?

— Ладно, Кеша, проехали, — я примирительно кивнул.

— И я не вижу смысла тут ничего скрывать. Все уже знают. Только кто как относится

— это разные вещи. Я считаю, что нужно перед каждым поставить вопрос. И получить ответ. Кто-то отстреливает живых...

— Живых... Вот я называю оставшихся шизиками. А ты как? Мертвецами?

— Какая нахрен разница, Макс? — отмахнулся Яровец. — Факт остается фактом. И как бы на одном из собраний наши ряды не прорядились настолько, что некого станет агитировать.

— А может, ну это все к хренищам? Может, настало время присоединиться к остальным?

— Не пори чушь. Я не собираюсьдохнуть. Особенно, если мне выпал шанс. Один. Из миллиона.

— Решил принять бой?

— А ты? — после паузы спросил Яровец. — Решил сдохнуть?

— Пожалуй, нет.

— Вот именно. Верзила тоже с нами. Так что — вчетвером реальный шанс избавиться от проблемы.

— Верзила думает также?

Кеша кивнул.

— А тебе не кажется, что если киллер задумал положить нас всех, проще было бы сделать это здесь, — сказал я. — Пара тройка гранат или что посерьезней — и от нашего сборища осталось бы одно воспоминание.

— Я думал над этим. Валерик, — он стал загибать толстые сарделичные пальцы. — Марьиванна кассирша, Тамара Мироновна, Живодер. Это только те, кого мы знали. Вполне возможно, что мертвы те, кто пока к нам не присоединялся. Живые. Но уже ликвидированные.

— Мы об этом уже не узнаем.

— Верно. Но у нас есть шанс остановить беспредел.

Да, вполне возможно справиться с местечковым беспределом — подумал я. Потому что приложить руку к катаклизму всемирного масштаба мы не в состоянии.

— И, это, — помолчав, тихо добавил Яровец, — Леха еще в одном прав.

Я вопросительно вскинул брови.

— Разговор не для чужих ушей. Вы на завтра договорились?

— На послезавтра. Завтра у меня дела.

— Ну-ну. Мы с Верзилой подойдем. И еще, это, можно позвать еще одного парня. Хороший парень, с головой. А это уже команда.

Команда. Ага. Кто сможет поручиться за то, что отстрельщиком не окажется один из членов «команды»? Никто. Я подумал еще: только одно то, что они будут у меня на глазах, так сказать, под присмотром, стоило многого. И поэтому я согласился.

... - Эй, Макс! Проснись!

Я открыл глаза. Из яркого сна — успело присниться что-то прежнее — шагнул в крошечную тьму. Тут же подхватился, вскочил, не понимая, где нахожусь. И шальная мысль мелькнула на задворках: уж не успел ли меня Колюня похоронить вместе со всеми?

— Да не дергайся ты! — Руки Колюни подхватили меня на взлете, усадили на место.

— Блин, Колюня, — прохрипел я. — Где свет? Лампа погасла?

— Нет. Я выключил. Так надо, Макс. Иначе ничего не получится. Я пробовал.

— На хранище я вертел твои пробы, — не сдержался я, мокрый от пережитого страха. — Включи свет!

— Да говорю же тебе — успокойся. Сейчас глаза привыкнут. Тут не темно. Вон, луна какая, будто специально.

— Не видно ни зги. Мог бы хоть предупредить...

— Так ё... Я ж тебя предупреждал. Ты даже промычал мне в ответ.

— Промычал. Вырубился, наверное. Не знаю.

— Точно вырубился. Минут на двадцать, не больше.

Долго еще ждать твоих чудес?

Колюня тяжело вздохнул.

— Кто ж знает. Недолго уже. Наверное. Если все пойдет как надо.

— Кому надо?

— Ну, как обычно, я хотел сказать.

— О! Оно уже проходит по расписанию?

— Что ты прицепился, Макс? Недолго уж нам всем осталось.

— Чего осталось?

— Всего этого — стеба... Жизни. Как оказалось, для людей разумных без разума жизни нет. Не смогли они приспособиться выживать, как животные. Мы их называем шизиками. А какие ж они шизики? Все прежние паранойи и шизофрении — это ж просто отклонения. Ведь они ж оставались разумными. А сейчас? И ни люди, и ни животные...

— Колюня, — я сморщился. — Харе философствовать.

— Так ты ж со мной вроде согласился.

— С чем согласился?

— С моей теорией. Которую я тебе битый час излагал.

— Видно, плохо излагал, раз я прослушал.

— Жаль.

— Чего тебе жаль, Колюня? Время есть. Повтори.

— Если сам напросился, — Колюня пожал плечами. — Я ж говорю: разум — это волна. Космическая — она накрыла нашу землю, текла много веков, тысячелетий... А потом все. Кончилась волна. Укатилась дальше, к иным планетам. И унесла разум с собой. Мир есть — и ничего не изменилось. Земля осталась прежней. Только без разума. А мы? Что ж, жалкие остаточные явления. Еще немного, и мы станем такими же, как остальные. Ага, как в старой песне: кто был никем, тот стал ничем. Постой, — он вдруг перебил сам себя, — началось.

Колюня поднялся. Смутно угадываемый в темноте, подошел ко мне. Потянулся к окну и распахнул его.

Свежий ветер ворвался в затхлую комнатенку часовни — хотел бы сказать я. Но стало не так. Я представлял, как может пахнуть разрытая земля, но реальность превзошла мои ожидания. Запах удушал. Воздух, которым я тщетно пытался забить легкие, не приносил мне облегчения. Я задышал как паровоз. Широко открыв рот, я накачивал себя кислородом и все равно задыхался. Но было еще кое-что пострашнее внезапного удушья. Все пространство вокруг заполнили голоса. Множество. Сначала тихие — полупшепот, полувсхлипы, смешки. Взрослые, детские. Мужские, женские. Шум разрастался, распадался на отдельные слова, потом собрался воедино, подобрался ко мне, чтобы накинуть мне на шею удавку.

Я вскочил, разрывая на груди футболку. Рванулся, споткнулся обо что-то. И упал, полетел куда-то в темноту.

— Включи свет! — орал я, используя последний воздух, со свистом вырвавшийся из груди. И мой крик тонул в десятках, сотнях других. Таких же отчаянных, пронзительных, последних.

Не слыша себя, я метался по комнате, сшибая все на своем пути. Я не мог дышать. Я почти умер, когда в углу вспыхнул огонь: мертвенно бледный Колюня сидел на стуле. Его губы беззвучно хлопали. До меня не доносилось ни звука. Не сразу я понял, что снова могу дышать — кислород живительной волной заполнял мои легкие. Грудь вздымалась, причиняя легкую боль от царапин, что я оставил, пытаюсь сорвать одежду. Сквозь звенящую в ушах тишину ко мне пробились слова Колюни.

— ... почти каждую ночь после захоронения. Я же предупреждал тебя. Но вы все за одно. Думаете, Колюня свихнулся. Раз с мертвецами работает — значит, обязательно сошел с ума. А что в них страшного — в мертвецах? То, что происходит — вообще не их рук дело. Если можно так сказать.

Постепенно я успокоился. Занял прежнее место у окна. Даже желание выпить пропало. Мне не хотелось объяснять случившиеся. Одно дело, какой-то вирус, убивающий разум и превращающий людей в безобидных шизиков, и совсем другое дело — восставшие мертвецы.

— Нам только зомби тут и не хватало, — буркнул я.

— Кто говорил про зомби? Нет тут никаких зомби. Стоит включить свет, все и пропадает.

— Так может, массовые галлюцинации? Область неизученная, — предложил я.

Не знаю почему, но теперь, при свете, все произошедшее показалось мне несерьезным. Киллер, например, отстреливающий выживших — кое-что посущественней звуков и удушья.

— Может, это какая-нибудь акустическая аномалия, — выдвинул я еще одну версию. — Вполне возможно, что выжили те, кто остался в метро. Мы же и не пытались туда пробиться. Да и невозможно это — обследовать все завалы после взрывов.

— Ты здравомыслящий человек, — тихо сказал Колюня. — Именно поэтому я тебя и выбрал. Все твои версии имеют право на существование. Но как быть со всем остальным? С покойниками?

— В смысле? А что с ними не так?

— Так... Я не зря хотел, чтобы ты присутствовал при похоронах. Пойдем, я тебе покажу. Их просто нет в могилах.

Глава 9. Влада

Влада

«Тяжело передвигала ноги старая кляча, пытаясь удержать на спине всадника. Еще немного, совсем чуть-чуть, и ей удастся шагнуть с невысокой гранитной плиты. И тогда, возможно, опрокинется навзничь ездок, разобьет голову об острый угол пьедестала. И лошадь, освобожденная от вековой обузы, устремится вдаль, туда, к зеленеющей среди палой листвы траве. Но время идет, двигая годы. А все так».

Следы выдавали меня с головой. Словно маленькие зверьки перебирали крохотными лапками, они подбирались все ближе ко мне. Брызги крови стыли на мраморных плитах. В моей спине, прижатой к обнаженному бетону, обнаружились болевые точки в самых неподходящих местах. Ныло под лопаткой, кололо чуть ниже талии — это отвлекало меня от той, другой боли, что разрывала на части исполосованное запястье. Как я ни пыталась ее остановить, кровь капала. Наспех перетянутый рукав толстовки пропитался насквозь.

Я стояла в углу и тряслась от страха. Временами к горлу подступал нервный смешок, который я не могла удержать. Разве не за ним я сюда пришла, разве не за страхом? Терпеливо объездила весь город, претворяя в жизнь идиотскую идею Кира. Он сказал и забыл. А я? Как угорелая с утра мечусь от Башни Грифонов к Инженерному замку, от Смоленского кладбища к Семимостью. И так далее. Я успела побывать везде, где можно загадать желание. Озарение снизошло на меня неожиданно, как молния сверкнуло в мозгу — поможет, должно помочь! Конечно, они там сидят и ждут моих искренних слов, высказанных не абы где, а в определенных местах! Может, они способны воспринимать лишь те слова, что звучат в местах средоточия силы? Силы чего? А вот если представить, что веками сотни или даже тысячи людей ходили на тот же Обводный и говорили, говорили. Как обращение к последней инстанции бросали мольбы вверх, а иногда и вниз...

Вот так и я: от шепота у погасшего вечного огня на Марсовом поле и слов, обращенных к Сфинксам, от крика у Обводного и бесконечно долгого молчания у Башни Грифонов, я добралась сюда, в Дом Распутина. Я сделала все, что хотела, оставив на закуску его — мрачный переход по Гороховой к Дому с Ротондой. К тому самому, где по лестнице в полночь спускается сам. Дьявол? Если так, то он хозяин нынешней жизни. Получив новый мир в безраздельное господство, он, наверняка, страшно скучал от полученного результата.

Кир заронил в моей душе зерно надежды. Я повелась как маленькая девочка, заразилась бестолковой манией, как больная гоняла по городу на скутере. Почему-то казалось важным успеть все сделать за один день. Я даже попробовала заглянуть в глаза Медному Всаднику, но Петр Единственный в своем роде, выискивал что-то на другом берегу и меня не заметил. Надменные Сфинксы, проторчавшие три с половиной тысячи лет где-то в песках Африки, так и не смирились с новым местом. Их по-прежнему неудержимо рвало на родину. Там бы уже давно песок засыпал им глаза, погрузил в крепкий сон, а здесь? Промытые бесконечными дождями, изо дня в день они вынуждены пялиться на серую спину Невы. Я все равно загадала желание, для верности коснулась гранитного бока и одернула руку от ледяного ответа. На Обводном я терпеливо исследовала трещины на плитах, выдернутых из старинного могильника. Когда-то они служили надгробьями для сотен мертвецов, а теперь облицовывали набережную. Веками камни прикрывали в темноте чьи-то кости, чтобы в итоге развернуться к свету. От такого поворота у кого хочешь крышу снесет. Вот поэтому я легко объясняю себе те сотни самоубийц, чьи бедовые головы давно укрыли мутные воды канала — их тянул сюда могильник, привыкший к мертвецам.

Я молодец. Маршрут рассчитала так, чтобы ближе к полуночи оказаться в Доме на Гороховой, у Лестницы Дьявола. Я готовилась к встрече с любыми потусторонними силами. Я не верила в них. Я их ждала. Но не думала, что все окажется настолько реальным.

Нечто странное я заметила на подступах к Дому Распутина. На лавочке неожиданно обнаружилась старушка. Возможно, ей было лет тридцать, но испугалась я не меньше. Неизвестно, что удержало меня от крика, когда луч фонаря набрел на белое лицо с закрытыми глазами. Я забыла о том, что надо кричать. Разглядывала сидящую скрюченную фигуру, прижимающую к груди сумочку, сосульки светлых волос, сначала темными полосками растущими из головы, безгубый рот и страдальчески зажмуренные глаза. Страха я не испытывала. Что я, мертвецов не видела?

Все случилось внезапно — вот в чем дело. Безмолвный страж Распутинского дома снисходительно выдержал пятно света, блуждающего по лицу. Я совсем уж было собралась успокоиться. И луч, бьющий из фонаря, почти не дрожал в моих руках. Я набрала побольше

воздуха в легкие, готовясь вернуть «старушку» темноте. Не знаю, почему, но меня беспокоила тьма, что скроет белое лицо. Вдруг показалось, что фигура начнет двигаться, стоило убрать свет.

Я запыхтела, набираясь храбрости. И в тот миг, когда я почти решилась, женщина открыла глаза — бездонно-черные.

Не мертвая, живая! Наверное. Думала я, больной лошадью несясь назад, к выходу на Гороховую. Опомнилась лишь во дворе дома, который наметила для завершения миссии. Почти спокойная, умелым бегством распределившая потоки адреналина по самым отдаленным закоулкам своего тела.

Двор встретил меня шорохом листьев, приливной волной ползущих вдоль дома. Распахнутая дверь приглашала меня в темное нутро. Отдышавшись, я вошла. Задержалась лишь на пороге. Мне захотелось обернуться, я даже успела вспотеть, представив, что там, в темноте, за мной крадется полуживой человек. Я развернулась, пуская луч фонаря через бордюры, засыпанные мусором, через хребты машин.

Тут все и началось. В освещенном пространстве вдруг обозначилось тень. Я стояла и смотрела — еще не отдавая себе отчета в том, что вызвало беспокойство. Держала лучом фонаря тень, которую отбрасывать было нечему, я думала. Может, настало время загадать последнее желание?

— Пусть все станет как прежде, — зашептала я. — Или наоборот — заберите меня к себе! К маме, Антошке... Я согласна, согласна повторять один единственный, долгий, умирающий день, я согласна умирать вместе с ним!

Тень не от чего росла, колебалась, будто задумчиво подбираясь к моим ногам. Я отупела от страха — не слышала, как сильно бьется мое сердце. Я терпела. До тех пор, пока узкий черный язык, потянувшийся от тени, не лизнул носки моих ботинок.

Кажется, я вскрикнула. Кажется, шумно задышала, а может, попятилась.

Помню, что я упала и одновременно боль резанула мне запястье. Тут же я вскочила. Как суицидница, передумавшая сводить счеты с жизнью, зажала рану, пытаюсь вернуть кровь обратно в тело. Она заполнила промежутки между пальцами, каплями застучала по полу. Включенный фонарь, выпавший из рук, катился, ослепительными синкопами вычленяя из темноты части кирпичной стены, ступени и блестящие на мраморе черные капли.

Преследующая меня тень плевать хотела на свет. Она подбиралась ближе — несуразно объемная, выпуклая. Я задышалась. Слова заветного желания, повторенные сегодня десятки раз, застряли во мне, где-то на подступах к горлу. Я пятилась, вдавливая себя в проем открытой двери. Здесь горел свет. Одиноким, он падал сверху между колоннами, оставляя в темноте лестницу, ведущую наверх. Я захлопнула за собой дверь, смутно подозревая, что это ни есть препятствие для того, что ползло за мной. Я продолжала пятиться, пока моя спина не нащупала какие-то острые грани.

Стояла тишина. Только мое частое дыхание пыталось вклиниться туда, в совершенный покой отведенных для смерти минут. От закрытой двери потянулась горбатая тень. Остановилась, пригнувшись к кровавым каплям, вытекшим из меня, потом, словно обнаружив потерянное, двинулась ко мне.

Считая спиной острые иглы, впившиеся в меня, я ждала. И такая ленивая, скользкая мысль на задворках: разве не за тем ты сюда пришла, что ж, давай, загадывай желание, если... хватит... духу...

Его не хватало. Тень вздыбилась, проглотила половину света, выпавшего из лампы,

подалась ко мне. Ткнулась острым концом в ноги, поползла выше. Меня лихорадило. Выставив вперед окровавленную руку — как откуп — я искала нужные слова. Нашла. Указала дорогу, подтолкнув их к горлу.

— Хочу... чтобы все было как раньше. И не было ничего этого. Или... заberi меня с собой...

Тень не слушала. Ее не испугнул звук моего голоса. Она лизнула окровавленное запястье. И вдруг припала к ране, с диким свистом втянув в себя мою кровь.

Всю. Без остатка.

— Влада! Едрить тебя в карусель! Да открой же ты глаза!!

Меня трясли за плечи, меня пытались вернуть. Я хлюпала носом. Свое мокрое лицо я почувствовала в ладонях, приводящих меня в чувство.

— Ну же! Влада!! Это сон! Я с тобой, ну же!!

Под нескончаемые вопли я пропустила поворот на дорогу, ведущую к лестнице, поднимающейся во тьму. Я снова вернулась сюда, в страну несбывшихся желаний.

— Пу-усти, — прошипела я, предпринимая слабую попытку освободиться.

— Не пушу.

В долю секунды я успела оценить опасность, прежде чем Даниил буквально выбросил меня из объятий. Отстраненная, разбитая, я сердито пялилась на него — бодрого и свежего в это... время суток. Утро? День? Вечер? Судя по залитой солнцем гостиной — едва ли ночь.

— Сначала ты спала вообще тихо, как мышь. Я даже пару раз подходил проверять — жива ли. Будешь?

В поле моего затуманенного зрения попал бокал с мартини — этот запах я не спутаю ни с чем. Я помотала головой из стороны в сторону. Оставив знак отрицания за бортом, стакан сам с собой прыгнул мне в руку. И тут же заявил о себе — холодный, запотевший, хитро прячущий куски льда в тягучей глубине. В моей голове вчерашний день поделился на отдельные части: на тушу убитого медведя, истекающего кровью и паром, на капли пота на лбу у Даньки, на дорожное полотно, стремительно несущееся под колеса мощного мотоцикла. И еще кое-что подкинула мне память — волчью морду на черном крыле байка, молчание элитного дома, террасами выходящего на Малую Невку, ванну, твердо стоящую на львиных ногах.

Даниил не обманул. Закат удался на славу — в урочный час он набросился на Каменный остров, торопливо вылизывая пустые дома красным языком. Пугливо вспыхивали и гасли длинные окна в многочисленных пентхаусах. Позже, как усталый, измученный жаждой зверь, закат потянулся к реке, готовый лакать, лакать холодную, заполненную сентябрем воду.

Я долго сидела на террасе, глядя на то, как умело Даниил справляется с приготовлением шашлыков на мангале. Мне не хотелось думать о том, кого или уже что освещают уходящие лучи в огромных, заставленных дорогой мебелью гостиных. Я точно знала только одно — напротив, через Невку, занял почти аналогичный пентхаус Леха. Возможно, мы сейчас смотрели друг друга. Еда в меня не лезла. Совершенно напрасно распорядитель вечера раскладывал передо мной аппетитно пахнущее специями мясо — я смотреть на него не могла. Все, что мне удалось в себя запихнуть — пару банок консервированных фруктов, да пачку сухарей.

— Так что тебе снилось? Ты кричала. Правда, правда, — добавил Даниил,

натолкнувшись на мой недоверчивый взгляд. — Чего я и приперся сюда. Подумал, что случилось.

— Почему не разбудил? Я вдруг я бы умерла от остановки сердца? — буркнула я.

— Я и хотел. А потом передумал. Ты вдруг так застонала, так застонала, — он подмигнул мне, настраивая на легкость бытия. — Не поверишь, я камеру хотел притащить, но не успел.

— У тебя камера? И для чего она тебе? Ты что, ей пользуешься?

— Да. А что здесь такого? — Данька пожал плечами.

— Еще не знаю. И что ты снимаешь?

— Все вокруг. Дома, город, памятники. Диво-остров, аттракционы.

— Тебе что, аттракционов в жизни не хватает?

— Кто-то же должен отражать действительность.

— Действительность была раньше, — вздохнула я. — А теперь... Один сплошной арт-хаус.

— И пусть даже так. Все равно: кто-то же должен.

— Планируешь оставить будущим поколениям? — усмехнулась я.

— Хрен его знает, что тут можно планировать. Посмотреть мою видюху не хочешь? Пока все не рассыпалось к ...ням.

— Не думаю, что это произойдет на наших глазах, — я покачала головой. — Я себе пару веков не отмерила.

— Я тоже. Но и подыхать завтра не собираюсь.

— Дань, — неожиданно вырвалось из меня, — если бы тебе сказали, что тебе надо умереть, чтобы все стало как раньше, ты бы умер?

Сказала и сама удивилась — как из меня могли вывалиться такие беспомощно-детские слова? Но затолкать их назад не представлялось возможным, поэтому все, что мне оставалось — глупо хмуриться, да греть в руках бокал с мартини. Вполне ожидаемо, Даниил не ответил. Его темные брови забрались на немыслимую высоту. Мне даже показалось, что морщинами пошел не только лоб, но и бритый до синевы череп.

— Ты, Влада, меня порой удивляешь, — начал он, но я прервала созревшую цепь критических замечаний в свой адрес.

— Так что ты там вчера за дискотеку устроил на Ваське, все забываю у тебя спросить?

— Так это... Днюху отмечал.

Я опешила.

— Свою?

— А чью же еще? Прадедушки Петра?

— И сколько тебе треснуло? А чего никого не позвал?

— Я позвал.

— В смысле? Там же никого не было.

— Я позвал. Тебя, — и он так серьезно посмотрел мне в глаза, что мне стало грустно.

Накаченный парень, сидящий напротив, так нагло демонстрирующий мне в майке свое тело, собирался усилить впечатление от сказанных слов. Я видела решимость в его глазах, указавших мне на губы, во вздохе, стремительно заваленном на взлете.

— Извини, — как можно язвительней хмыкнула я, — что-то я плохо уловила твой мысленный призыв, поэтому явилась без подарка.

— Ты сама — подарок. — Он никак не хотел сходить с выбранного пути. Более того, его

байк стал набирать скорость — Даниил потянулся ко мне, добрался руками до дивана, на котором я сидела, поджав ноги.

— И медведя ты тоже пригласил? На днюху? — выпалила я, готовая к бегству.

— Нет, этот сам приперся. На тот случай, если ты не придешь.

— Чтоб ты не скучал? — с вызовом спросила я, отодвигаясь.

Данька хмыкнул. Подумал, вздохнул и занял прежнее место — в глубине кресла, придвинутого почти вплотную к дивану.

— А что делать? — глухо сказал он. — Хоть с медведем повеселились бы.

— Ты всегда с оружием ходишь? — уже с легким сердцем поинтересовалась я, одобряя его выбор. Мне вспомнились белые пальцы, сжимающие рукоять ружья.

— Мне удивительно другое! — Даниил снова так стремительно подался ко мне, что я вздрогнула. Правда, рук на сиденье класть не стал. — Почему ты до сих пор ходишь без оружия! Сколько раз я тебе предлагал: пойдем, подберем то, что тебе понравится! Пристреляемся.

— Вот. У вас, мальчишек, только одно на уме — пострелять!

— Ты упрямая. Я вижу только один выход из положения.

— Какой это еще? — насупилась я, смутно понимая, о чем опять пойдет речь.

— Тебе нужно завести телохранителя. Я вполне подойду на эту роль.

Я отвела глаза. Неужели ему трудно понять, что я не хочу говорить на эту тему!

— И вообще, каким хером ты потащилась одна? Где твоя свита?

— О да, — хмыкнула я, — Кирюха с Алиской помогли бы стопудово.

— Почему нет? Пока Мишка занимался бы ими, ты смогла бы убежать.

— Ай, — я махнула рукой, — ты что, правда боишься смерти?

— А ты будто бы нет! Не гони, Влада. Родные, близкие. Мама, папы. Сестры, братья. На самом деле все мы боимся только одной смерти. Своей.

— Не знаю. Мама, Антошка... Как я стану жить, если не за кого станет цепляться...

— Ты хочешь сказать, что способна покончить с собой, если они умрут?

— Не говори так! — сорвалась я. — Я не хочу, чтобы ты так говорил!

— Ладно, успокойся. Еще налить?

Даниил мотнул головой. Проследив за его взглядом, я с удивлением поняла, что пью. Мой бокал незаметно опустел.

— Не буду, — задумчиво сказала я. — И это-то пить не хотела. Я вообще не пью. Ни раньше. Ни особенно теперь. Стоит выпить, как я вообще теряю всякое представление о том, где нахожусь.

— Не вижу в этом ничего плохого. Скорее, наоборот.

— Ага. И так все происходящее мало чем реальность напоминает. А тут еще алкоголь. Так легко заблудиться.

— Так и что?

— И не найти больше выхода в реальность? Ну уж нет. Я предпочитаю идти знакомой дорогой. Пусть даже заваленной мусором. С ямами и выбоинами. Зато я знаю, где нахожусь. Откуда вышла и куда иду.

— А я бы хотел заблудиться, — Даниил мечтательно посмотрел в окно. Солнце ответило ему долгим, белым взглядом.

— Зачем?

— Я не хочу знать, куда иду. Лучше... Неизвестность.

— Неизвестность может быть еще хуже.

— Куда уж хуже, Влада. Ты сама это прекрасно понимаешь.

— Ага, — кровожадно улыбнулась я, — значит, в глубине души ты надеешься на лучшее.

И кто из нас мечтатель, а, Дань?

Мы помолчали, переваривая мои слова.

— Ты так мне и не ответил, — напомнила я. — Так сколько тебе исполнилось?

— Ты тоже мне не ответила.

— Когда?

— Так что тебе снилось?

Я прислушалась к себе. От сна у меня осталась странная смесь надежды и обмана. Все остальное память моя растворила.

— Не помню, — честно призналась я. — Ты тоже не помнишь, сколько тебе лет?

— Девятнадцать. Ну? Тебе стало легче?

Я выдохнула скопившуюся злость. И, правда, мне стало легче. То ли оттого, что Даниил был старше меня всего на четыре года, то ли просто начал действовать алкоголь.

Ровный белый свет заливал огромных размеров гостиную, в которой мы беседовали. Наверное, вся моя квартира могла тут поместиться. И необъятный диван из натуральной кожи, на котором я полулежала, вряд ли смог бы войти в мою комнату. Не говоря уж о том, что там бы никогда ни разместились все эти шкафы и комоды, с инкрустированными серебром пузатыми боками и стеклами. Меня кольнуло — но так, тупым концом — вот мы сидим тут на чужих диванах, пользуемся чужой посудой, смотрим в окна, не предназначенные для чужих глаз. А хозяева, даже если б и были живы, не сказали бы нам ни слова.

Я свесила ноги с дивана. Мои белые носки погрузились в длинноворсовый ковер. Даниил дернулся и перед моими глазами возникли кроссовки. Не модные, не дорогие — я не любила брать у новой жизни. Я признала прежние, старые и любимые вещи. Зато мои. Глядя на то, как я влезаю с растоптанную обувь, Данька молчал. Я была ему благодарна за то, что не слышала обычную фразу Кира «давай тебе уже подберем что-нибудь приличное». Что мне можно было давать или не давать в городе, больше напоминающем бутик, где у тебя на руках карточка с неограниченным лимитом?

Накинув капюшон, я вышла на террасу. Небо готовилось хмуриться. Облачная пелена подбиралась к солнцу. Слабый ветерок занимался оставленными в мангале углями.

Тихо. Стыло. Неуютно.

Неожиданно, я почувствовала голод. Я испугалась, что пустота снаружи способна заполнить меня внутри. Будто прочитав мои мысли, Даниил спросил:

— Есть надумала?

Я кивнула. Касаясь меня плечом, крепкий парень стоял рядом и никуда не торопился. Высокий и почти красивый в профиль. Я обняла себя руками, удерживая тепло.

— Влада, а у тебя бывают острые приступы счастья? — хрипло спросил Даниил.

— Сейчас? Как раньше? — я глянула на него исподлобья. — Нет, не бывают.

— А у меня таки да. Бывают. Иногда после пары банок пива, я мчусь по западному скоростному. Там есть такие участки, где нет машин. Нет людей. Скорость, ветер, город на ладонях. И не могу удержаться: я счастлив абсолютно.

— Везет, — тихо вставила я. — У меня другие приступы бывают.

Даниил повернул голову.

— Какие?

— Острые приступы несчастья.

Я повернулась, чтобы уйти и натолкнулась на Даньку, перегородившего мне дорогу.

— Ты зря бегаешь от меня, Влада, — зло сказал он. — Я уверен, что смогу.

Я обошла его по широкой дуге. Мне не хотелось знать, что он сможет с таким злым лицом.

Глава 10. Not found

Not found

— Сначала я по-настоящему разозлился. Придурок вздумал притащить с собой еще трех уродов, а я здесь причем? Прикинь, стою в долбанной Октябрьской, руки в брюки. Сбоку в окне торчит этот столб. Вся площадь забита машинами — прямо стойбище из машин. Если не приглядываться, то кажется, просто пробка. Все это я отлично вижу перепендрическим зрением. Короче, пытаюсь отвлечься. Потому что больше всего мне хотелось спустить пар. Ну очень захотелось воспользоваться стволом! Стою такой, прикидываю места на рожах, которые с удовольствием перекроил бы мой резвый дружок...

— Он! Говорю тебе — это сказал мне он! Ладно, я могла еще себе представить, что фотографии простой фотошоп. Что кому-то захотелось мне нагадить. Но, Светка, он не стал возражать. Мне даже показалось, что он был в курсе... Чего-чего? В курсе всего! Стоял, смотрел на меня. И молчал. Потом, знаешь, когда я уже в истерике билась, тихо так сказал. Специально, наверное, чтобы я не расслышала. «Хорошо, что все прояснилось». Прояснилось у него, б...!

Сколько раз мне хотелось прервать задолбавший меня триндеж. Сколько раз я так и делал. Брюнетка, сидевшая за столом напротив меня, равнодушно относилась не только к моим ругательствам, но и к пощечинам тоже. Болтала и болтала с подружкой, которая давно сдохла. О неверном муже, который давно сдох.

— Завали хлебало, — беззлобно сказал я. Машка замолчала. Совсем не потому, что вняла моим словам. — Прикинь, козабля, пока я разглядывал их самодовольные рожи — как будто это в их ...лядские головы пришла мысль об охоте — я успокоился. Как стукнуло что-то в башку — это ж киллером может быть любой из них! Ну? Я ж гений, ёптить, прям Джеймс Бонд! Я так пригляделся повнимательней. Сусанин, блин, забился в угол. Сидит, помалкивает в тряпочку. Бледный какой-то, смурной. Видно, с перепоя очередного или, скорее, не проходящего. Какой нахрен из него лидер?.. Да и киллер, честно говоря, тоже. Скоро руки начнут трястись и печень откажет. А докторов у нас йок. Не, я пас так бухать.

Машка поднялась, почесала себе лобок. Неправду говорят, что только мужики яйца чешут. Бабы тоже это делают. Уж не знаю, что им там мешает. Машка и в носу ковыряется — и хорошо так, с удовольствием. И... странное что-то я испытываю, когда на это все смотрю. Красивая такая, холенная баба, а ведет себя так, словно за ней некому подглядывать. Я еще люблю смотреть как она моется, даже как сикает. Не могу сказать точно, что я испытываю. Может, превосходство от того, что она оказывается хуже чем я — по крайней мере, за мной подглядывать некому.

Машка давилась на кухне своим йогуртом, так что я говорил в пустоту. Но громко, давая ей шанс меня услышать.

— Яровец? Тупой ублюдок. Весь в своей отъехавшей семье. В жене и детях. На первых порах, когда все квасили по-черному — Борюсик с Головастиком всех сгношили! — он все домой отпрашивался. Нашел мне дом, придурок. Сидит такой, глазами хлопает. А как

сморозит что-нибудь, как в лужу пернет. Не, киллер из него никакой. Да и тяжелый он. В смысле, толстый. А тот... Я помню, полегче парень.

Отбулькав, наконец, свою хрень, Машка потащилась в туалет, напевая себе под нос всегдашнюю фигню. Что-то там про мир, который она согласна подарить очередному говнюку. Ее пение периодически прерывалось. Она вставляла туда шипящее «с-с-сука». Я знал ее программу наизусть: не фигу не поможет ей пение, сейчас она потащится в ванную, реветь. Кстати, на это тоже прикольно смотреть.

Верзила еще менее тех двоих походил на киллера. Неуклюжий, поворотливый не больше стремянки, он не сказал и двух слов подряд. Только зыркал и угукал. Чаще не к месту. Слова, блин, настоящий подарок, выдавались у него по запросу. Причем, делать его нужно было заранее, иначе хрен что дойдет вовремя.

— Нет, точно тебе говорю, — я хмыкнул, — вот молчит, молчит и вдруг откроет рот и как... Хрен тебе. Захлопнет рот и снова молчит. Ну какой из жердяя профи? Уё — одним словом.

В ванной рыдала Машка. Она захлебывалась словами, которые уже сбылись.

— Что б ты сдох, козлина вонючий, — всхлипывала она. — Гаденыш. Это за все, что я для тебя сделала? Десять лет коту под хвост — готовила тебе, стирала, убирала. Сколько мужиков у меня могло быть, один Стасик чего стоил... Чтоб ты сдох, сученок.

Я отвлекся. Представил ее мужа — вон фоток сколько по углам расставлено. Даже если бы я притащил сюда этого придурка. Дохлого, вонючего, сунул бы ей под нос — она не вздохнула бы с облегчением. Не перестала бы реветь в ванной, ругаться и жаловаться своей дохлой подруге.

Машка пришла из ванной и села за столик в кресло напротив меня. Она принесла с собой открытую бутылку вина. Поначалу, я приносил ей то, что было. Потом любое вино, что попадалось на глаза в магазинах.

Иногда это было пиво. Иногда водка.

Иногда вода.

Эффект был одинаковым. Давно. Всегда.

Сейчас в бокал плеснуло вино. Очень дорогое по старым меркам — я решил побаловать свою брюнеточку.

— Сука, как я тебя ненавижу, — глядя в бокал, она хлопнула красным носом.

— Тебе тоже не хворать, — я поддержал ее стаканом, в котором пенилось баночное пиво.

Огромное окно от пола до потолка за Машкиной спиной вместило в себя очередную Невку, почти зеленую полосу Елагина острова. Хмурое небо с вечной Питерской игрой «Угадай, где солнце». В целом все смотрелось как картина. Вполне себе ничего. С вписанной в середину Машкой. Она выпила свой бокал до дна. Грохнула его на стол. Пряди волос, от балды подрезанных мной пару месяцев назад, снова упали на лоб, закрыв пол-лица. Машка засопела, разглядывая что-то на столе. По крайней мере, мне казалось, что меня слушают.

— Яровец все время нес какую-то пургу, — поморщился я. — Что-то про то, что киллер обычно охотится в центре, что отстреливает живых один-два раза в неделю. И это только те случаи, о которых мы знаем. Короче, говорил то, что и так известно. Потом, правда — я уж почти заснул — вдруг как ляпнет: «Я догадываюсь, кто на самом деле убийца!». Все, конечно, возбудились. Перебрали всех. Вспомнили даже Колюню! Типа, а может, он всех

хочет положить в могилу, а не только что шизиков? Жирика, Сан Саныча еще приплели. Докатались даже до Борюсика с Головастиком, прикинь? В конце все сошлись на том, что Султан — реальный персонаж. А я-то уже догадывался, кто есть ху, — я подмигнул Машке. — Этот самый ху сидел напротив меня и делал вид, что болтовня его не касается. Между прочим, я тоже помалкивал. Смотрел на них и думал: хрен ли вы все придурки. Языками трепать горазды. Никто из них — слышишь? — никто не видел киллера так близко, как я! Никто за ним... ну, типа, не гнался. Никто не был так близок к тому, чтобы всадить в него пулю! Ну, или наоборот. Не важно. Короче, я вдруг почувал, что мы с ним на одной волне — с тем, кто сидел напротив меня. Ну вот. Дождался, когда все замолчат и предложил охоту на живца.

Машка снова плеснула себе вина, снова стала бубнить себе под нос то, что опротивело мне полжизни назад. Я дернул за язык очередную банку с пивом, опрокинул в стакан, утопил в пене.

— Сука, ты мне за все заплатишь, — прошипела она, разработав с своим мозгу страшный план мести.

Я снова ее поддержал. В смысле, с выпивкой. Потом потянулся через стол и отодвинул ее бокал подальше. Сейчас она типа зафиндюрит его в стену над камином, потом пойдет на кухню за метлой и будет убирать то, чего нет. Мне насрать на ее телодвижения, но так бокалов не напасешься, а выпить, бывает, хочется.

Хоть с кем-то.

— Разумеется, — говорил я в Машкину спину, — живцом послужить общему делу желающих не нашлось. Сусанин отмотался головой, Яровец прикрылся семьей. Верзила вообще промычал что-то невразумительное. Короче, все хотели быть охотниками. А я сидел и смотрел в глаза чуваку, сидящему напротив и ждал, что он скажет.

Вернулась за стол Машка. Она прижимала к щеке руку, потому что расквашенный мной мобильник давно гнил где-то на помойке. Машка говорила туда, в ничто. Никакие слова. Никому. Они пытались придать хоть какой-то смысл Машкиному существованию. Оправдать ту, кто сидел, разложив на столе сиськи. Зачем? Нужная кому? Разве мне? Я могу уйти и забыть, забить. Тогда Машка умрет — со всеми своими большими сиськами, вполне приличной жопой и нежной кожей. Могу выбросить ее через балкон. Наверняка она полетит как кукла, смешно болтая руками и ногами. С восьмого этажа. И будет лежать там, растекаясь мозгами и кровью по асфальту.

Ненужная там.

Ненужная здесь.

На меня накатило. Нашло душной волной и отрубилло. Желание продолжать жить? Жить ли? Не знаю. Иногда на меня находит. Вдруг я решаю, что еще чуть-чуть, еще совсем немного и я все пойму. И главное — зачем, для чего.

А вот кому это нужно — я понимать не хочу.

Машка расслабилась, хватанув вина прямо из горла. Встала, неуверенно утвердившись на ногах. Потом пошла в спальню, на ходу снимая футболку. Я вспомнил, что вчера постелил свежее постельное белье — не могу объяснить почему. Некоторое время я сидел, уставившись на круги, оставленные на столешнице бокалом с красным вином. Получалось почти восьмерка. Или знак бесконечности — под настроение. Потом мне вспомнились Машкины сиськи, лежащие на столе.

Я пошел в спальню, разделся. Слегка отодвинув Машку, лег под одеяло, в место,

согретое ее телом. Она спала. Во сне ее лицо разгладилось, прошли красные пятна. Я зарылся рукой в ее волосы, убрал их с лица. Красивая. Маленький ровный нос, пухлые губы. Меня давно не волновал вопрос — а дала бы мне она, если бы все было по-прежнему. Я знал ответ. Но это не помешало мне перевернуть Машку на спину, сжать ее груди, оставляя на белой коже свежие синяки в дополнение к старым. Я наклонился, втянул в себя коричневый сосок. Моя рука прошлась по плоскому животу, коснулась темных зарослей. Я не собирался доставлять ей удовольствие — даже если бы она и могла что-то чувствовать. Она обросла за последнее время да, наверное, я мог бы ее побрить. Но не хотел. Для меня, это было доказательством ее живучести.

Или оправданием того, что я трахаю не совсем труп.

Машка ровно дышала, изредка всхрапывала, когда я не без труда вошел в нее. Горячая, она принимала меня, не сопротивляясь. Ее тело дергалось в такт моим движениям, сиськи колыхались. Почти беззвучная, почти живая.

— С-сука, — чуть позже скажет она в ответ на свои мысли.

Поначалу меня бесило такое совпадение. Моей полумертвой подружке досталась не одна пощечина прежде, чем мне стало все равно. Теперь, когда выхожу голым к окну покурить, я равнодушно принимаю спиной ругательство.

За окном все погасло, погрузилось в темноту. Я давно сорвал шторы, меня бесило подобие склепа, в который превращалась квартира. Где-то за рекой сентябрь трепал ветки старинного парка. Ветер собирал горы облетевших листьев, нес их ближе к городу, накрывал улицы и проспекты, заботливо подтыкая с двух сторон как одеяло лежащему больному.

На самом деле Машку звали Надькой. Я нашел ее паспорт, в ту пору, когда для меня представляли интерес чужие вещи. Так что, в крайнем случае, я мог назвать бывшую хозяйку квартиры Надюхой.

Потому что какая-никакая Надюха еще имелась.

А вот Надежды не было.

— Слышь, козабля, — я выдохнул дым в оконную темноту, — ты не дослушала. Короче, сошлись на том, что постараемся найти кого-то на роль живца. Может, удастся уговорить кого-то из стариков, но я лично сомневаюсь. Послезавтра выходим на охоту. Планчик, типа, определили. Стали уже расходиться, и тут я торможу чувака, с которым мы переглядывались и тихо так спрашиваю: а ты, Даниил, кого в киллеры определяешь?

Глава 11. Влада

Влада

«Смотри», — говорил он. Но сам отвернулся — его рука без ведома хозяина указывала в другую сторону. На музеефицированную квартиру прославленного другими временами покойника. У бунтаря, одержимого "бесстыдным бешенством желаний" не могло быть ничего общего с создателем многочисленных клонов канувшей в небытие эпохи. Ленино-Сталины, они продолжали агитировать с портретов. За митинги, за субботники. За войну. У "безобразного потомка негра" глаза не смотрели в ту сторону. Впрочем, на голубей, сидящих на его плече, тоже».

Как всегда мы ошивались в бутике. Где-то на задворках Итальянской Алиска отыскивала очередной магазин, по странному стечению обстоятельств обойденный стороной. Хмурое небо пропускало свет. Иногда солнце прорывало кордоны, воробьем ныряло в лужи,

разбрызгивая по мокрому асфальту осколки света.

— Почему именно там? — спросила я.

— А где еще? — пожала плечами Алиска. — В Эрмитаже? Не интересно. Да и не нравилось мне там никогда. Неуютно как-то там.

— А в Юсуповском уютно? — фыркнул Кир.

— Если хочешь знать — да! — Алиска развернулась. Ее руки, усыпанные бриллиантами, заняли привычное положение — на боках. — Вполне себе уютненький дворец! Мне исполняется восемнадцать ни каждый день. И я не собираюсь встречать днюху черти как.

— И черти где? — задал Кир вопрос, который вертелся у меня на языке.

Безупречное Алискино лицо (что там было намазано, я затруднилась бы сказать) отразило пасмурный день сентября.

— Вот смотри, Кир, — учительским тоном сказала хозяйка лица. — Мне исполняется восемнадцать, с тебе всего четырнадцать. У нас с тобой разница пока в три года. Если ты понимаешь, о чем я говорю...

Мы с Киrom переглянулись. Любое рассуждение у Алиски могло закончиться слезами. Либо мартини, что практически одно и то же.

— Все, понял, — Кир поднял руки, сдаваясь на милость. — Я — малолетка. Мне не дано.

— Нет, правда, — Алискин взгляд, минуя витрину, покотился далеко. Она молчала, нахмуренная, суровая. И уже не нашей волне. — Я думаю вот: что мы будем делать, если кто-то из девчонок забеременеет. К примеру, от тебя, Кир. — Длинный палец с ногтем, выкрашенным в черный цвет, потянулся к опешившему парню.

Наш общий друг вздрогнул. Насколько я знала, Кир оставался девственником. И перспектива внезапно стать отцом не могла его не удивить. Впрочем, как и меня. Я не хочу об этом говорить, но раз уж зашел разговор... О сексе. В наши дни...

О-па. Я заговорила как старушка. Короче, в лице не принято было обсуждать эту тему. Вернее, говорили те, кто уже отстрелялся. Вот у них закатывались глаза и терялись слова. От удовольствия, наверное. Остальные — те, кто не перешел Рубикон, молчали. В каждом классе находилась любительница выдавать желаемое за действительность, но фантазерка кололась на деталях. И тогда все вокруг понимали, что она врет. Все, кроме нее.

— Алиска, ты что завелась? — Я встала на сторону Кира, у которого и со второй попытки не получилось закрыть рот.

— Просто, — она сдулась, как воздушный шарик. Со стуком плюхнулась в кресло и уставилась в окно. К ее ногам, как добыча какой-нибудь старинной Артемиды-охотницы жалась меховая черно-бело-коричневая гора.

— Даже трахаться без опаски нельзя, — охотница пнула ногой давно поверженных животных.

— Как будто раньше было можно, — тихо сказала я и добавила еще тише, но меня слышали.

— Трахайся с презервативами, — передразнила меня Алиска. — Я бы и трахалась. Если б было с кем.

«Чем тебя Данька не устроил?» — хотела поинтересоваться я и прикусила язык. Насколько я поняла из последней исповеди пьяной Алиски, у них с ним что-то было. Однако он, как последний козел и придурок, посмел не настаивать на продолжении этого «что-

то»... Да, и вообще она сама его послала.

Времени на подготовку к мероприятию Алиска нам оставила всего ничего. Но мы с Киром умудрились все успеть. За два дня до наступления часа икс, мы пригласили всех, кого смогли. С Киром за спиной, я гоняла на мотике, заставляя простуженный город чихать, впитывая рев мотора. В принципе, я ожидала, что отзовутся некоторые, но оказалась не готова к тому, что пришли почти все. Исключая старичков — уверена, именинница не одобрила бы их появление, я поступила благородно: в числе приглашенных имелись и те, кого мне приятно было видеть. Очень немногочисленные те.

Кир раздобыл где-то баллон с гелием и в назначенное время, или в те цифры, на которые показывали стрелки многочисленных часов, Юсуповский ожил. Много, разноцветные — шарики парили под потолком одной из гостиных (Кир назвал ее, но я забыла), медленно перемещались ближе у окнам, просились наружу. Все это бардово-бархатное, стенно-портретное великолепие пялилось на нас — тех, кто не мог ответить бывшим великим таким же уверенным в завтрашнем дне взором.

Даниил копался полдня, подключая электрику дворца к какой-то странной железной машине, но результата добился: дворец частично сиял, встречая гостей. Конечно, он предупредил, что надолго сверкающего великолепия не хватит, но ожидание праздника не внимало доводам разума.

Алиска тоже сияла. В прямом и переносном смысле. Свободным от брюлликсов местом можно было назвать только лицо. Нет, правда, не удивлюсь, если и нижнее белье украшали драгоценные камешки. Где она их брала, я не знаю, но те, которые сверкали в ушах, завораживали. Какой-то своей сердцевиной, спрятанной внутри, они ловили свет, удерживали, рассеивали, десятками тонких острых лучей скользили по щеке, по шее, по безупречной Алискиной коже. Немыслимое по красоте платье, расшитое по аналогии не стразами, превращало именинницу в волшебную фею. Дрожащий ореол света, который генерировали крохотные линзы, отрывал ее от земли, казалось, еще мгновение, а она взлетит.

— Пусть все скажут — ты красива. Я скажу — ты прекрасна. Разе можно сравнивать солнце и луну? Каждое из них красиво по-своему, но нет человека, который бы не признал эту красоту. Алиса, звезда и услада моих очей, когда я смотрю на тебя, душа моя поет, а сердце бьется в груди. Если бы можно было бросить его к твоим прекрасным ногам, я так бы и сделал. Ты — как роза. Прекрасная, нежная. Но роз без шипов не бывает...

Султан нес всякий вздор. Он явился без своего гарема, поэтому все внимание досталось виновнице торжества. В полном объеме. Она цвела, по-королевски принимая подарки. Сильной кавказской рукой Султан сдвинул на край стола весь наш долгоиграющий консервный инвентарь. На белоснежной скатерти возникли многочисленные закуски — еще теплые хачапури, чахохбили, чашушули, еще какие-то блюда с названиями, состоящими из сплошных шипящих. Домашнее вино и чача пузатыми боками растолкали враз потускневший иноземный потенциал. На соседний столик, инкрустированный цветочным рисунком, приземлилось ведро, заполненное мясом, чуть позже превращенным Султаном во дворе на мангале в ароматный шашлык.

— Боже, Султан, ты волшебник, — ворковала Алиска, касаясь пальцами, естественно унизанными перстнями, волос на руке восточного мужчины.

— Звезда моя, тебе стоит только захотеть. — Султан не двигался с места, чтобы не вспугнуть добычу, по своей воле идущую прямо в сети. Но взгляд его тянулся, обволакивал,

брал в плен.

Уплетая за обе щеки хачапури, я легко представила себе любимую гюльчитай Султана — Алиску, с утра до вечера лежащую на огромной кровати, заваленной разноцветными подушками, отстегивающую тонкими пальцами виноград с веточки, заботливо выращенный в теплицах менее любимыми женами.

— Я думаю, мой подарок тоже в тему. Поздравляю, — скучно сказал Яровец. Преодолевая сопротивление живота, он сложился в два раза и откуда-то из под стола достал и водрузил на стол два куриных трупя, приготовленных на гриле. Наверняка, оставил семью без двух субботних обедов.

Мне стало жаль и его жену, и детей. И тут же, усугубляя грусть-печаль, мне вспомнился Антошка. Мое сердце в очередной раз разорвалось от жалости. Может, Кир прав и мне стоит перестать к ним ездить? Позволить им... уйти? Слово «умереть» душило меня. Я думала об этом иногда, отрешенно от ситуации. Однако как только перед моим внутренним взором вставало бескровное, немое Антошкино лицо... Мне хотелось бросить все и оказаться с ними. Вместе. На днях я воспользовалась тем, что мама сидела неподвижно в кресле, высматривая что-то на черном экране телевизора. Подобное зрелище также резало мне душу. Поначалу, чтобы не видеть... Как бы это объяснить — того, что подтверждало мамину болезнь, я включала ей видик. Крутилась какая-то ерунда, мама иногда попадала в тему, реагируя на происходящее. И если слегка сойти с ума, то легко представлялось прежнее. Настоящее. Обычное.

Мое.

Я отвлекалась. Так вот. Мама сидела тихая, неподвижная. Она пыталась участвовать в экранном действии, даже хмыкала временами. Или брала в руки дешевый смартфон, терла пальцем мертвый экран. Потом надолго задумывалась, так и не решаясь поднести его к уху.

— Ладно, не стоит, — хмурилась она и бормотала еле слышно. — Пусть девочка отдохнет. Столько времени занимает учеба... В конце концов, может я зря гайки закручиваю? В сети не сидит, не пьет, не курит...

Конечно, слова касались меня. Они прыгали мне сразу в сердце, минуя мозг. Селились там, переговаривались. Даже после того, как мама замолкала, они еще долго шевелились во мне, острыми углами задевая не заживающие места.

Мама сидела такая незащищенная, такая... жалкая... Я взяла ножницы с шумом лязгнула, чтобы прервать монолог. Не на самом деле — куда мне! В своей голове.

— ... типа, я уж не знаю, чем тебя можно удивить. На, держи.

Леха по случаю праздника приоделся: под черной косухой торчала белая футболка с какой-то темой из жизни монстров на груди. Он протянул имениннице небольшую черную коробку, которая тут же стала больше, стоило ей переключиться в маленькие ручки.

— Боже, что это, Алексей?

— Там есть защелка сбоку. Нажми. У тебя, типа, все есть...

— Как впрочем, у нас у всех, — не сдержался Сусанин. Сидел весь такой из себя, со свежестриженной эспаньолкой, отражал бритым черепом свет ламп и пил чачу. Рюмка за рюмкой. И пользуясь тостами, и между.

Беловолосая Тая хмыкнула, поддержав своего спутника. Уж она-то знала, с их подарком вряд ли что-нибудь сравнится. Большую императорскую корону — точную копию оригинала, этонепонятно где раздобытое ослепительно-бриллиантовое сокровище, Алиска

не выпускала из рук с начала застолья. Она попыталась короновать свою голову, но кушать и царствовать одновременно у нее не получилось.

— Какая красивая коробочка, что же там, интересно? — стрекотала Алиска, отыскивая защелку.

— Там, сбоку. — Леха поднялся, опережая движение жаждущего быть полезным Султана, подлетел к нашей местечковой императрице, но замок уже щелкнул.

Большая корона, отставленная в сторону, неодобрительно взирала на дамский пистолет, уютно устроенный в бархатном ложе.

— Боже-боже, какая прелесть, — ахнула Алиска, не делая попыток выманить из черного нутра усыпанное бриллиантами оружие. — Спасибо, Лешенька. Ты такой милый! Научишь меня потом стрелять из него?

Леха пожал плечами, скрывая довольную усмешку.

— Звезда моя, — наклонился к имениннице Султан. — Настоящее оружие женщины, это умело подобранный мужчина, который решает все ее проблемы...

— Ладно, леди найт, давай за тебя жажнем! Чё, думаешь, легко было раздобыть этот коньяк? Ему ж больше ста лет, ёптить.

С того времени, когда я видела сладкую парочку последний раз, Борюсик стал еще противней, а Головастик еще толще. Я и приглашать их на днюху отправила Кира. Они не удосужились помыться, хотя на мой взгляд, могли позволить себе ванну не только из шампанского. Сидели они не так чтобы рядом со мной, но запах давно не мытых тел витал повсюду.

— Готовьте посуду, гаврики, — приказал Борюсик. С горлышка старинной бутылки слетело сургучное клеймо, усыпая коричневой крошкой белую скатерть. — А запах ничё так.

Борюсик одолел наконец-то стойко хранившую девственность бутылку, дал понюхать Головастику и вытянул руку на середину стола.

— Ну?

Желающих нашлось. Со всех сторон потянулись бокалы. С некоторым удивлением в числе прочих я заметила и свою протянутую руку. Сидящий справа от меня Кир фыркнул, сидящий слева Даниил промолчал. Ловя стеклом темно-коричневый напиток, я натолкнулась на взгляд Сусанина. У меня внутри похолодело. Вдруг, на короткий миг я решила, что тот станет читать мне мораль. В том плане, что хо-хо не хо-хо в твои шестнадцать без малого?

Но он промолчал. Просто глянул на меня как сэнсей на нерадивого падавана, прищурился и благополучно выпал из поля моего зрения.

— Давай, Алиска, цветы и пахни, — сказал Борюсик и не дожидаясь всеобщего одобрения, плеснул в привычно открытый рот содержимое бокала.

Я выпила залпом, как все. И не почувствовала ничего, кроме горечи в горле. Наверное, чтобы научиться разбирать эту горечь на запчасти, как сделали остальные, нужно было пить ее литрами.

— Ты закусывай, Влада, окосеешь, — услышала я слева.

— Там досталось каждому грамм по пятьдесят, — отмахнулась я, не поворачивая головы.

— Латентная алкоголичка. Я тебя на себе не попру...

— Я попру! — вставили справа.

— Слушайте, угомонитесь. Оба, — сказала я.

— Я к тому, что нам еще выступать. Ты не передумала? — шепнул Даниил, найдя путь к моему уху.

Я не забыла. Надо было выдвигаться ближе к сцене, пока имелось электричество, но я не могла заставить себя подняться. За столом гудело. Гости ели, пили. Когда спиртное отказывалось лезть в горло, они подбадривали себя тостами.

Появившийся как призрак Колюня вручил Алиске старинную икону, обозвав ее чудотворной. Под страстные ахи и охи, подарок занял достойное место на отдельном столе. Чуть позже неуловимая троица в лице Любы-Любаши вывалила к ногам уже слегка шальной императрицы с будущими задатками снайпера шубу из заморской викуны, чем ввела Алиску в состояние экстаза.

Под вовсе непередаваемые вопли, я наклонилась к Даниилу.

— Ладно, пошли мы переодеваться. Зови всех минут через тридцать.

— Будет сделано, моя госпожа, — он шутливо мне отсалютовал.

Кир поднялся со мной. Кроме запланированного сюрприза, наша доблестная тройка отстрелялась перед героиней сегодняшнего дня презентом — супер-платьем одной из жен бывшего олигарха. Наверное, я точно не знаю. Я уверена лишь в одном — платье убойное, мы с Киром перли его от Константиновского дворца. Мне оно оказалось чуть велико, значит, значит Алиске подойдет в самый раз. Она обещала появиться в нем в конце вечера. Как я теперь понимаю, в императорской короне, да и еще и в шубе, небрежно наброшенной поверх...

Если бы я точно не знала, что Алиска одна из нас, то решила бы, что она шизик, случайно затесавшийся в наши ряды.

На переходе к семейному театру Юсуповых, мини копии Мариинского, нас с Киром встретила тишина, сонно откликающаяся на звук шагов. Я шла мимо картин, мимо скульптур и не могла отделаться от мысли, что они неодобрительно качают нам вслед головами, вертя пальцами у висков.

Позже, когда все, кто хотел и мог заняли места в зрительном зале, занавес открылся. Под оглушительные аплодисменты, конечно. Нет нужды описывать целиком наше незамысловатое выступление. Наверное, золотисто-бархатные стены содрогнулись, когда на сцене возникла я. В брендовом коротком платье, в «боевой» раскраске, на шпильках и в светлом парике, я изображала Алиску. В свою очередь Кир был Сусаниным, а Данька Султаном. Каждый из них старался склонить Алиску в свою веру.

— Что вы плачете здесь, одинокая глупая деточка? — демоном-искусителем под минусовку Вертинского вещал Даниил. — Все вам кажется кончилась ваша и жизнь и судьба.

А хотите я вам расскажу, моя чудо-конфеточка,

Что смогу предложить вам в ответ на заветное «да»!

В роли Султана он был хорош. С моей точки зрения. Ему шел темный парик, амбициозная рубашка цвета утренней зари, расстегнутая до самого не могу на груди и даже золотая цепь. Образ узнавался, вызывал восторг зрителей и не обижал прототип. Я на это надеялась. К тому же, он хорошо пел. Не знаю, какой голос у Султана, но Даниил вытягивал. Это да.

— Что за дети нынче право, никакой на них управы, — манерно, совсем в духе Сусанина под арию царя из «Бременских музыкантов» выводил Кир. Слуха у него не было, он брал громкостью. Впрочем, Сусанина я не так боялась обидеть. Менталитет другой, за

нож не схватится. Максимум, унизит словом. А что мне слова? Во мне давно уже завелись другие слова, которые близко не подпускали к себе сородичей.

— Я свое здоровье трачу,

Но на это наплевать им!

— А я не хочу, не хочу по расчету!

А я по любви, по любви хочу!

Свободу, пожалуйста, дайте свободу!

Я выберу, что захочу!

Я отбивалась от них под песенку из мультика «Летучий корабль». Какой у меня голос? Мальчишки сказали, что он есть. И ладно.

Потом два лидера объединились, пытаюсь додавить «Алиску» дуэтом «Bell», из мюзикла, где в названии собора так много тире.

— Я... обещаю мир тебе и платье, — вполне сносно выводил «Султан».

— Я! Обещаю снять с тебя проклятье, — орал Кир.

В конце представления, они сошлись во мнении, что за красивую девушку не жалко отдать жизнь, чем вызвали бурные и долго не смолкающие овации. Громче всех кричала «Браво» виновница торжества, вытирая слезы радости, которые, впрочем, никак не отразились на ее макияже. Когда мы вышли кланяться, нас упростили исполнить сценку на бис, но пожеланию зрителей не суждено было сбыться. В тот момент, когда я дала «добро», погас свет. Стены не выдержали позора, и я была им благодарна.

Мы вернулись сначала в зал, потом спустились во двор жарить шашлыки. Много говорили, много ели, много пили. Даниил затеял фейерверк и в темное небо летели ракеты.

Я плохо помню последовательность событий. Я пила. В какой-то момент мне показалось, что я здесь лишняя. Я опять вспомнила, как пару дней назад подстригла маму. Она внимательно разглядывала темную ночь экрана, оставляя в моих неумелых руках неровно отстриженные пряди тонких волос. Никогда не думала, что у нее такие редкие волосы. Я старалась стричь ровнее. Я отвлекалась, давя в себе острую до спазм в горле жалость. Тогда. И делала это снова, стоя сейчас в одиночестве на набережной. Меня тошнило. Все вокруг играло в чехарду.

Я забыла, куда шла.

— Эй, Влада, ты не заблудилась?

Услышала я сквозь шум в ушах и оглянулась. Рядом возник Сусанин. Я знаю, я смотрела на него больными глазами. Настолько больными, что ощущала это физически. Он стоял у моста — чуть сгорбленный, сумасшедший, как все мы. Он оставался там, в моем фокусе. Но. Я не видела его четко. Прыгали в небо огни, оставляя в темноте разводы от фейерверков. Сусанин плыл — отрывался от земли, падал в небо, потом возвращался обратно. Я моргала, я честно пыталась поймать его — он не давался. Высокая слегка надломленная фигура с надвинутым на лоб капюшоном искала верх, потом низ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Какого черта ты тут ходишь одна по ночам, — сварливо начал он. Наверное, с той первой рюмки коньяка, которую я выпила на вечере, мораль засела в нем занозой, и вот теперь нашла время, чтобы вырваться наружу.

— А кого здесь бояться? — запинаясь, спросила я. — Медведи кончились. А я сильно сомневаюсь, что до нас есть дело сторонним силам. Впрочем, как и потусторонним.

— Какие медведи? — удивился он. — Понятно. Напилась. Пойдем, перекантуем тебя до

утра. Алкоголичка.

Он поймал меня за непослушную руку и потянул куда-то в сторону.

— «Астория» подойдет? Вы же там вечно тусуетесь, — отчитывал он меня на ходу. Не знаю, как у него получалось.

Я не стала его поправлять, что обычно мы обитаем в «Англетере». Зачем? Меня волновали глобальные проблемы.

— Ходит тут одна, — ворчал Сусанин.

— А вот тебе, правильный человек, есть с кем разделить вечность? — со второй попытки поинтересовалась я.

— С чего это ты озадачилась таким вопросом? — усмехнулся он.

Влекомая мужской силой, я чувствовала сквозь толстовку горячее плечо. И дыхание, греющее-холодящее мне шею.

— Ты не ответил. И в конечном итоге вопрос «с кем разделить вечность» повис в воздухе. И те, кто ответил на него, ушли из жизни. А те, кто сомневается, еще задержались. Но уже как другие люди. Ненастоящие.

— Ты хочешь сказать, что умерли те, кому есть с кем разделить эту твою вечность?

— Не-а. Наоборот. Это нам. Тем, кто выжил, есть с кем. Мне с мамой... Тебе с женой.

— Ерунда, Влада. Миллионы людей нашли себе пару. Дети с родителями, влюбленные...

— Может и так, — я перебила его. — А может... Им там и без нас хорошо. Вот смотрят на нас... Смотрят нас как сериал. И каждый болеет за своего героя.

— Ну, я думаю, за тебя болеет большинство, — тихо сказал он.

— Почему? — От неожиданности я остановилась.

И споткнулась. Макс подхватил меня, ухватил за плечи, утвердил на ногах.

— Почему ты так думаешь?

Перед моими глазами все плыло, крутилось, прыгало — я не могла уловить систему. Из круговерти временами проявлялся Сусанин, выплывал из темно-домного небытия — смотрел на меня странно, потерянно, и уходил в неизвестность.

Мы стояли на Исаакиевской площади грудь-в-грудь. В темноте ночи, на лавочке пряталась старушка, которую время от времени я кормила. Она — голубей, а я ее. Уже неделю, как старушка перестала дышать, а обнаглевшие голуби, в отсутствие корма, стали клевать ее.

Сусанин молчал. Я ощущала на щеках его дыхание.

И еще — сильные руки, удерживающие меня за спину.

И еще. Его тело. Всего его — большого, сильного. На непонятно какой отрезок времени абсолютно и безоговорочно моего.

Какая-то мысль созрела во мне, повисла хрустальным шариком на нитке, потом полетела вниз и грохнулась оземь, расплескавшись на осколки.

Я не дышала.

Я стала свободна от всех желаний. Или почти от всех.

Кроме одного.

Глава 12. Not found

Not found

Гоп-команду, дорвавшуюся до халявы — вот, что мне напоминало доморощенное войско. Яровец, чей толстый живот с трудом выдерживал профессиональный напор

спецжилета, наверняка казался себе неотразимым. Ага. В кривом зеркале тех стекляшек, в которые давно превратились глаза его шизанутой супружницы. Прямо вижу как он, уходя на «операцию века» спросил у своей лярвы «как я выгляжу?». И хрен еще с вопросом. Думаю, он и ответил за нее. Типа «Кеша, ты у меня красавчик». Что там говорили в прежние времена? Если ты спрашиваешь у бога не беда, а вот если он отвечает тебе — говно дело.

Верзила, в разгрузке с карманами, набитыми всякой херней, на тонких ножках напоминал початок кукурузы. С набалдашником в виде маленькой головы. Еще бы шлем на нее напялил и я бы не сдержался. Заржал.

Даниил выглядел так, словно вышел прогуляться. С парой валын у пояса. Скорее всего под курткой прятался бронежилет, но точно утверждать я бы не стал. Надвинутый капюшон прятал лицо, но по звукам, которые доносились из тени, я сделал вывод — парень забил болт на ситуацию. И дырки не в его башке — это дырки не в его башке. Он вел себя так, как у должен был себя вести снайпер, на которого нацелена охота. Ему хотелось поиграть. А чего хотел я? Выхватить мой ГШ и выпустить все восемнадцать пуль в тень под капюшоном, только чтоб заткнуть самодовольный фонтан.

Единственный адекват (кроме меня, конечно) — Сусанин. В камуфляже, без выпендрежа, в темной шапке, с парой приличных стволов... И все равно. Несерьезное, придурковатое. И я еще пришил бы пару матюгов для убедительности — вот такое отношение было у всех к тому, что задумано.

Мне что, больше всех надо? — вместе с плевком под ноги вертелось у меня в голове. Я не верил в успех того дерьма, которое заварил. Несмотря на то, что договорились отслеживать ситуацию как минимум неделю. Короче, дежурить по ночным улицам — идея поначалу казалась мне ничегошной. До того, пока слова не перешли в дело. Теперь меня реально бесили все. Исключение я оставил для подсадной утки. Не пойму, как Максуд удалось его уговорить, но вот он — стоял передо мной. Худой, в шапке, из-под которой выбились волосы. Толстовка едва сходилась на бронежилете. Какой в том толк, если снайпер любил работать беспроектный вариант? К примеру, начинал и заканчивал одним выстрелом, контрольным? А от пули в башке как известно не спасет и вязанная шапка.

Охотничьи угодья имели границы — центр города. Наша отчаянная (мля) пятерка собралась центрее не придумаешь, в Генштабе. Сусанин первым обратил внимание на то, что трупы отстрелены в определенных местах. Просто взял и отметил на карте города то, что странным образом расположилось кучно. Я потом удивился, как подобная мысль ухитрилась прийти не в мою голову!

— Я не знаю, с чем это связано. С тем, что снайпер обожает исторический центр города, или с тем, что работа на окраине не дает той степени защиты, — начал вчера Сусанин, но Верзила его перебил.

— Или с тем, что в планы снайпера входит сначала зачистить центр, а потом уже перейти к окраинам.

— Или так, — согласился трезвый и хмурый Сусанин. — Го... Леха гнал его по Жуковского. Сильно сомневаюсь, что в ближайшее время случай повторится. А вот троица Влады практически постоянно тусуется в «Англетере». Конечно, не каждый день. Но я смогу уговорить их пожить там с недельку. Место подходящее. Удобное, в смысле. Ребята часто бродят по ночам. Что на руку нам.

— И киллеру, — вставил толстяк Яровец.

— Конечно, самое удобное для него место — крыша Исаакия, но... Оттуда хрен

удерешь. А, как я понимаю, киллер — орешек тертый. Я предлагаю установить посты здесь и здесь.

Пока они болтали, пока Сусанин тыкал пальцем карту в разные места, я думал, что бы это значило? «Го» в начале моего имени. Как он там меня называет про себя. Говнюк? Вот ведь сука. Я его только Сусанин, да Макс. Дерьмо. Надо тоже придумать ему погоняло. Буду начинать: «Эй, пи... Сусанин». Понравится ему это, интересно?

За окнами стемнело. На Дворцовой ошалело перемигивались фонари. Какие-то сплошные точки-тире. Была же реально такая хрень. Морзе называлась. Вот и идет гребанный пунктир по району, от фонаря к фонарю предупреждая летучего киллера о том, что четверо лузеров вышли на, блин, охоту. В том случае, конечно, если я сейчас не смотрю ему прямо в глаза... Хрен там еще их отыщешь под капюшоном.

Толстяк нервничал, всю дорогу дергал плечом. Меня бесило, но я молчал. Мне не хотелось опять слышать «Го... Леха», не хотелось залупляться раньше времени. С тяжелой ГэШухой в кобуре я мог пойти до конца. Правда. Не сомневаюсь, что после пожалел бы... Но после.

— Слышь, Яровец. Ты чего все время дергаешься, нервы замучили? — ухмыльнулся Верзила.

— Да, блин, руку отлежал, — в тон ему отозвался Яровец. — Прилег днем и вырубился напрочь. А потом, это, просыпаюсь, рядом жена устроилась. Типа, не хотел...

— А у меня в армии случай был, — быстро заговорил Верзила, будто боялся, что его перебьют. — Я связистом был, при штабе. Каморка у меня была там отдельная. Запрусь, бывало на дежурстве. Пока ничего срочного нет, привалюсь башкой к стене и дрыхну. Так вот. Однажды рубанулся по-черному. Просыпаюсь, блин, чую — шеей не могу пошевелить. Не, ну точно говорю — как переклинило. Мне дежурство сдавать, через плац тащиться, честь там отдавать офицерам — а у меня башку свело. Добро бы на правую сторону! Так нет! Я и так, и сяк — башка к левому плечу как приклеилась! Куда, блин, деться? Ну, иду по плацу и думаю, только бы не Шеленберг — был у нас такой лейтенантик. Зверь тот еще. Ну, закон подлости, понятно. Подхожу уже к казарме — мне навстречу этот хрен валит. Я, как положено, честь отдаю, а голова-то намертво лежит на левом плече! И Шеленберг мне такой: «Ты, Смирнов, издеваешься?» Я в отказку. Товарищ лейтенант, у меня, типа, фурункул вскочил, шею повернуть не могу. А сам думаю, в медпункт меня сейчас пошлет, вот там и определят какой у меня «фурункул». А этот сучонок прищурился и мне так с улыбочкой говорит: «До дембеля полгода, Смирнов. Думаешь, я не смогу сделать так, чтобы вся предыдущая служба тебе раем показалась? А для начала я знаю хорошее лекарство от фурункулов — два наряда вне очереди за нарушение устава».

— Нет большей тупости, чем эта ваша армия, — вдруг услышал я с того места, где стоял Кир. — Одна дедовщина чего стоит, все эти черпаки, деды... Приказы начальства не обсуждаются. А если начальник дурак?

— Слышь, парень, — с кресла поднялся Сусанин, подошел к пацану.

Я решил, что он не сдержится. Вывалит на пацана типа «хлебало завали» и тогда прости прощай наша подсадная утка. Улетит, и некому будет крылышки подрезать.

— Оставим разговор для другого случая, — отеческим тоном успокоил Кира Сусанин и взглядом остановил готового сорваться Верзилу.

— Ладно, парни, хорош пи... болтать, — сказал Яровец, поднимаясь с дивана. — Стемнело.

Сусанин кивнул.

— Гарнитуры проверили, переговорники в порядке. Что ж. До связи. И по местам.

Я сам вызвался дежурить с Данькой. Мы поднимались по лестнице на крышу здания. Я отстал от него, обдумывая план дальнейших действий. Неожиданно, на одном из переходов я услышал звуки. Гитарный перебор. Ну, точно — быстрый, заводной латино. Я притормозил, вслушиваясь. Маловероятно, что кому-то из шизиков удалось выжить. За полгода их почти не осталось. Только те, за кем ухаживали родственники. Мой отчим... Вот ведь хрень. Он тоже жил. Получается, я заботился о нем? Дурь какая. Все, даю себе слово — мать умерла, и я туда больше ни ногой. А как же, блин, обещание наблюдать за долгой и мучительной смертью Михалыча — вдруг кипятком плеснуло внутри меня. Так... я и буду наблюдать. Буду появляться на квартире, только перестану таскать пиво и жратву. Тухлятину в том числе. Осточертело смотреть, с каким удовольствием он все жрет. Отчим не чувствовал боли, не реагировал на унижения... Может, поэтому я перестал испытывать радость, издеваясь над ним, когда это понял? Пусть сдохнет. И опять жалость кольнула левый бок: умрет единственный, последний, знавший меня... Мля. Я схожу с ума. Виновата та сволочь, что взяла в руки гитару! Наверное, за дверью доживает свои дни отшельник, не пожелавший себя объявить! Матерый чел, у которого хватило сил забить на нас, жалких слабаков, называвшие всякие мусюсю планами на будущее.

— Слышь, Леха, ты чё там завис? — упало на меня сверху через пару лестничных пролетов.

Я хотел огрызнуться и передумал. Не нужно злить его заранее. Сначала нужно оглядеться, присмотреть пути отхода, место для укрытия. Словом, дел до хера.

— Иду, — хрипло отозвался я. — Чё, блин, уже соскучился?

Даниил не ответил. Сверху донесся скрип давно немазанных петель и торопливый свист ветра, тут же отрезанный закрывшейся дверью. Я взлетел на пятый этаж и остановился как вкопанный. Согретая в моей руке рукоять пистолета малость успокоила меня. Как ни хреново признавать, но я ссал открывать дверь. Я реально представил себе, как получаю пулю в лоб, стоило мне войти. Черт меня дернул задержаться!

Звуки музыки стихли и я остался без поддержки. И да — надо было решаться. Я снял предохранитель, прижался к косяку и потянул ручку на себя. В открывшийся проем ворвался ветер. Я осторожно заглянул в щель и не увидел ничего, кроме темного неба в паутине мелких неярких звезд — я уж забыл, как они выглядят.

— Я уж думал, ты не придешь, Леха.

Даниил стоял на самом краю, между двух бетонных дымоходов, у решетки. Я сделал вид, что закрываю дверь, а сам убрал пистолет в кобуру.

— Оптику не догадался с собой взять? — спросил он. И застыл, картинно облокотившись на решетку, показывая, что его нисколько не заботило то, что железо могло проржаветь.

Я отрицательно мотнул головой, отвечая на его вопрос.

— Эт понятно. Первый блин комом.

С крыши открывался обалденный вид на Исаакиевскую площадь. Мерцали звезды над головой, под ногами мигали фонари. Все ничье. Все наше.

— Завтра принесу такую оптику, охренеешь, — мечтательно произнес Даниил. — Я вам удивляюсь, мужики. Лучше надо готовиться. Макс — неплохой мужик, но кроме жены и бухла его не интересуется ни хрена. Удивительно, как он вообще на это подписался.

Он говорил, все больше входя в раж. А меня вдруг осенило: это не я его в пару выбрал, а он меня! Если я почти уверен в том, что он киллер и есть, то мы с ним уже встречались. Он-то меня узнал! И теперь сомневался, а не веду ли я двойную игру? И если нет, не торкнет ли меня неожиданно это узнавание? По такому раскладу выходило, что я — первоочередная цель киллера!

Мне поплохело.

— Да, Леха, — Даниил перебил сам себя. — Давно хочу тебя спросить, ты чего на меня вечно пялишься? Нравлюсь я тебе, что ли?

Меня обожгло, с детства не терплю такие шутки. Прибью гада.

— Ты базар фильтруй, — сквозь зубы протолкнул я. — Почки целее будут.

— Да ладно, Леха. Шуток не понимаешь?

— Шутки я понимаю. Давай, шути.

— Не заводись. Делить нечего. И некого.

— Власть? — подсказал я.

— Ага, — усмехнулся Данька. — Над парой баб. Хрен ты заставишь мужиков оторваться от бывших. Так будет. До конца. А кто сказал, что это не растянется на десятилетия? Галку у Яровца видел? Жирненькая такая, жопастая. И два пацана. Здоровяки. Он им в жрачку витамины подмешивает. И, прикинь, гулять выводит. У Сусанина — Дашка, у Влады братуха и мать. Что? Насильно, в наручниках притащишь их к Султану?.. Тебя вот ни хрена не держит, правильно я понимаю?

Я не нашелся с ответом. Думал, он сейчас спросит: «Какого ты не с Султаном? Или Сусаниным?», но он спросил:

— Какого хрена ты не свалишь из города к ...ням?

— А что там? За городом? Вечный праздник?

— Не знаю. По мне так везде лучше, чем здесь.

— Так чего сам не подорвешься?

— Тоже вопрос. Значит есть то, что держит.

— Та?

— Что?

— Есть та, что держит, — подсказал я.

— А... — отчего-то усмехнулся Даниил. — С тобой все понятно.

Я собрался было сказать, что не надо, типа, переносить с больной головы на здоровую, но напарник меня перебил.

— Ладно. Пойду отолю. Держи пост, Леха. Пожрать надо было с собой захватить, — уже за спиной услышал я.

Не знаю, как далеко успел он отойти. Может, и не успел. Грохнуло где-то рядом. И сомнений у меня не осталось — это выстрел. Тут же сработал зуммер.

— Леха, Данька, это на вашей стороне! Что-нибудь заметили? — голосом Сусанина сказал переговорник.

Глава 13. Сусанин

Сусанин

Нас вела рука судьбы, не иначе. Сильная, мускулистая, она вздернула нас за шкурку и как слепых котят ткнула мордами в арку дома на Малой Морской. И не бросила ведь, сучка, хлопнула окном на пятом этаже фешенебельного отеля. Я еще благодарен ей за то, что

просвистела мимо Дома Пиковой Дамы — вот только мистического апломба нам сейчас и не хватало! Для совсем уж тупых и дверь в парадную приоткрылась, подталкиваемая ветром.

Да ладно. Далеко я был от предрассудков. Скорее, склонялся к согласию с Верзилой: маньяк хотел, чтобы его поймали.

Наверху приглашающе хлопнуло. Я ускорился, но у входа вынужден был сбавить темп. Яровец не пыхтел, он шипел как камни в парилке, если на них плеснуть водой. Только в кошмарном сне жиртрест мог представить себе подъем на последний этаж. Я внял его безмолвной тоске.

— Кеша, останься. Если что, стреляй без предупреждения, — бросил я и нырнул в парадную, на пару секунд опередив Верзилу. Он успел нацепить очки ночного видения, но стал выглядеть еще комичней, этакая ветреная мельница с тюнингом. Короче, ни в трынду ни в красную армию.

Парадная проглотила нашу пару, выпустив наружу поток воздуха. Темно, не видно ни зги. Я дернул очки на нос, заставив проявиться то, что пряталось в темноте. Троекратный лестничный пролет с вмурованными в ниши статуями вел в неизвестность. Я обернулся на Верзилу, кивнул в сторону дверей — так, на всякий случай. На самом деле я сильно сомневался в том, что наш маньячелло планирует скрыться за одной из них. Любой замок запросто сносился парой пуль, пущенных в упор. Между лестничными пролетами что-то посыпалось — подлец рвался на чердак. Если хоть на секунду предположить, что в рассказе Гопника имелась правдивая нить, то наш убийца порхал по крышам аки бабочка. Но лично я склонялся к другой версии развития событий: под наставленным в упор стволом отошел Леха в сторону и выпустил киллера. А вот почему тот не пристрелил его, вопрос. Может, его заводит охота? Такой вот пунктик наметил себе наш боевичок.

С такими вот мыслями я преодолел пару пролетов. За мной, немного отстав, громко топал Верзила. Я ломанулся было наверх, но вдруг меня осенило. Ловушка. Вот на что это все походило. И потом, кто сказал, что киллеру должно быть одному? А если предположить, что их двое, то неожиданный спарринг Леха-Даниил представал в ином свете. Хотя... Хрен бы эти ребята не пользовались бы глушаком. А может, в этом и есть цимус? Бравада подростковая, а?

Обилие выводов, к которым я не пришел раньше из-за отсутствия трезвых просветов, тормозило меня. Я шикнул Верзиле, призывая того к тишине. Без толку. Он топал как слон и тот, кто скрывался наверху, успел подготовиться к встрече. Не то, чтобы я бздел, но тяжесть пистолета в руке настроила меня на приемлемый лад. Я задержался на последнем этаже, дожидаясь, пока напарник мимоходом проверит двери. Они все оказались заперты. По три каждом этаже. Если наверху никого нет, проверочка предстоит что надо. И вот тогда следует дожидаться Леху с Данькой (а заодно и посмотреть, откуда они явятся). Ибо из нас с Верзилой группа захвата еще та.

Хлюпало разбитое окно. Вяло, без энтузиазма. На решетке, огораживающей выход на чердак, красовался навесной замок. В задумчивости я взялся за дужку. И не успел коснуться, как железка выпала — я едва успел ее подхватить. И все равно, звяков больше, чем достаточно.

Я открывал решетку, когда Верзила положил мне руку на плечо.

— Опасно, — шепнул он. Как будто открытие сделал.

— Так прикрывай, — зло вырвалось у меня.

— Может, подождем пацанов? — начал он, но я не дослушал.

Выставив вперед оружие, я поднимался по ступеням. Медленно, чувствуя плечом стену. Туда, в темноту распаханного чрева чердака.

Не имея намерения входить сразу, я решил выглянуть и оценить ситуацию. И движение — такое законченное на раз-два — спасло мне жизнь. Я еще нес в памяти просторное помещение в перекрестьях балок на потолке — пустое, пыльное, когда раздался выстрел. Я услышал свист пули возле правого уха и покрылся холодным потом, уже вжимаясь спиной в стену у дверного косяка. Рядом, одолев в один присест несколько ступенек, пригнувшись, шумно дышал Верзила.

— Черт-черт-черт, — шептал он, пока я его не перебил. Нужно было либо ждать подмогу, либо решаться.

— Прикрой, мля. Пару раз стрельнешь, как скажу.

— Макс!

— Давай! — прошипел я.

Верзила выдохнул — резко, шумно. Потом отбросил себя от стены и выстрелил в полумрак провала. Выстрелы один за одним слились практически в очередь, в то время как я буквально вкатился на чердак. И успел, согнувшись, добежать до угла, когда Верзила получил ответку. Вспышка осветила противоположную стену. Туда я и выстрелил. И сделал бы это еще раз, если бы не услышал вскрик. Чудовищно тонкий. Бабский.

— Бросай оружие! — рявкнул я.

— Сволочи, вот сволочи, — мой приказ сопровождал аккомпанемент жалобного завывания. Сомнений не осталось — в угол забились женщина.

— Слышала, что я сказал? Бросай оружие! — менее грозно приказал я, держа ее на мушке. — Считаю до трех.

— Да бросила уже, — всхлипнула та, кто минутой раньше чуть меня не убила. Очередного, в списке.

— Сиди на месте, — зло сказал я. — Одно движение...

— Мерзавец, какой же ты мерзавец, — жалобно причитала киллерша.

— Это что, баба, что ли? — за моей спиной недоумевал Верзила.

Я медленно подходил, держа на прицеле ту, что качалась из стороны в сторону, обхватив себя руками.

— Баба, блин, — недоверчиво скрипел Верзила. — Ни хрена себе, вот сучка... Черт, так это же что?.

Я вздохнул. Я взял пару минут на раздумье. Отфутболив подальше снайперскую винтовку, я разглядывал скрюченную фигуру. Я не видел, куда вошла моя пуля. Длинные волосы закрыли лицо. Женщина качалась — волосы то падали вниз, то открывали впалые щеки. Несмотря на это, я ее узнал.

— Зачем, Вера? — не выдержал я. Тайм-аут, отпущенный на принятие решения, истек, а я не знал, что делать с беременной бабой Султана.

— Все вы, козлы, одинаковые! — давилась слюной Вера. — Вы все должны были сдохнуть! Самое вам место в могилах, придурки. Гнить! Гнить! Чтобы черви вас всех жрали, козлов! Жалкие говнюки, ходят тут, рассуждают... Будьте вы все прокляты!

— Что ж с Султана не начала? — повысил голос Верзила. — А? Сучка? Чем тебе Марьиванна не угодила?

Он не поленился. Нагнулся, вздернул скрюченное тело. Переждал долгий, захлебывающийся крик боли, втолкнул туда, в относительную тишину уже щенячьего

скулежа злое шипение:

— Чем тебя Валерик не устроил? Доставал он тебя? Тамару Мироновну не пожалела падла. С себя! С себя надо было начинать! Слышишь, паскуда!

— И себя бы, — всхлипывала любовница Султана. — И себя бы... В конце...

— Верзила, слышь, оставь ее, — я по-прежнему не знал, как поступить с беременной киллершей.

— Сука... Марьиванну... не пожалела, кусок дерьма, — Верзила меня не слушал. — Не хочешь жить, другим не мешай!

— Это ты называешь жизнь? — вдруг взвилась Верка, откуда только силы взялись? — Вот все это вокруг ты называешь жизнью? Проснитесь, придурки! Вы что же решили, что вас оставят в живых? Чем таким вы эту милость заслужили? А? Этот твой бомжара Валерка? И придурошная хабалка Тамарка?

— Что ты мелешь?

— Да потому что права я! И вы отлично знаете! Только признаться не хотите! Вы все, придурки, решили, что вас оставят в живых? Да вы тупые! До нас всех просто руки не дошли. Мы шелуха — жалкая и никчемная шелуха! Еще месяц, два... Хоть год! И нас раздавят как клопов! Если сдохли миллионы, что помешает додавить полсотни придурков? А они рассуждают тут всерьез, слушать противно: избранные, блин... Слепцы! Так что вы рыпаетесь, когда конец один? Уж лучше сразу... быстро...

— Слышь, Верка, заткнись, а? Тебе ж рожать скоро. Откуда столько злобы, ты ж, вроде как, мать будущая, — начал я.

— Мать? Будущая? Какое у нас у всех, на хрен, будущее? А кого я рожу, ты знаешь? — она оттолкнула Верзилу. Вернее, попыталась оттолкнуть. — Знаешь, как существуют в новом мире детки? Младенцы? Каждый день... месяц... растут. И не меняются. Бессмысленные... бестолковые. А роженицы? Что вы о них знаете? Каждый день они как будто рожают. Мучаются... Вы что, хотите, чтобы меня зациклили... на том самом дне? Страдать каждый день... и рожать, рожать... очередного уроды...

— Блин, Верка, если ты не заткнешься, — выдохнул я.

— То что, Сусанин? Ты, — она попробовала дотянуться до меня рукой, но сморщившись от боли, уронила ее вдоль тела. — Ты отлично знаешь, что я права. И когда нас всех накроет следующей волной, уже некому будет за нами ухаживать, некому будет нас кормить с ложечки... Как твою Дашку, как Галку Яровца...

Верзила не выдержал, с силой ее толкнул. Она попятилась, упала. Завозилась в темноте, села у стены, прижав к груди раненую руку. Но вместо стонов мы с Верзилой слышали смех. Хриплый, отвратительный, он разрастался, заражая нас безумием.

Глава 14. Влада

Влада

«Камни мостовой остановили долгий полет воина. Падая, он разбил голову об острый угол декора, выступающего сбоку. Она отлетела в сторону и долго прыгала, воскрешая забытым звоном старинную площадь. За бесславным концом бронзового воина наблюдали кони, давно уставшие от скачек. Сама богиня, взметнувшая над головой орла, от которого осталась безглавая тушка, не заметила потери бойца. Ее больше занимал обрубок, оставшийся от ее правой руки. Больше, чем усталые кони, чем поверженный воин. Больше, чем угасающий город».

Зачем он мне это сказал? Как там?.. Либо не пить много, либо научиться себя контролировать. Чепуха какая-то. Нашел мне бесконтрольную. Вот я понимаю — Алиска. Вот она — бесконтрольность в действии! Вот ей бы и говорил, придурок!

Сидя у изголовья на кровати, я пошевелилась — все, что находилось во мне, тут же запросилось наружу. Нет, правда. Не только содержимое желудка, но и то, что было в голове: болезненно пульсируя, оно тяжело ткнулось в черепную коробку, надавив на виски.

Я вторые сутки лежала в «Астории», на кровати, облокотившись на подушку. В номере люкс на втором этаже. У меня перед глазами в квадратной оконной раме готовился то ли взятый штурмом Исаакиевский дворец, то ли догнать Медного всадника, бронзовый царь на коне. Мне опять было плохо. Мою голову в сотый раз посетила противная мысль о том, что не следовало пить. И еще. Откуда-то из позавчерашнего круговорота вывалился образ Сусанина, укладывающего меня как младенца в постель. Кажется, он даже пел мне колыбельную. Прикалывался, конечно, но...

Блин. Да, хлюпая носом, я рассказала ему об отце, который бросил нас с мамой сразу после того, как родился Антошка. С самого начала мой папочка противился рождению второго ребенка. Мама отказалась делать аборт. Я узнала об этом спустя пару лет и с тех пор не могла отделаться от мысли: то, что должно было бесформенной кровавой массой плескаться в тазу, бегало, смеялось, задавало глупые вопросы и временами получало подзатыльники. Я была далека от желания осудить отца (только за Антошку, ибо у меня имелись и другие причины для осуждения — и слава-те, я не стала рассказывать о них Сусанину!) — и встать на сторону матери. Тогда мне казалось, что я не испытываю особой любви к брату. Но сейчас, особенно в те редкие моменты, когда я почти готовилась смириться с обстоятельствами, стоило мне представить изможденное, укутанное синими тенями лицо Антошки, меня заносило — сердце мое рвалось от жалости. Это разве любовь? Она что, всегда будет такой... больной? И если я влюблюсь в человека, мне что — необходимо будет его жалеть? До боли, до слез?

Во-во. Подобные вопросы позавчера я и задавала Сусанину. Черт. Сколько раз за двое суток давала себе слово, что не буду вспоминать, и все равно!

— Влада, ты задаешь инфантильные вопросы. Надеюсь, завтра это пройдет. Тебе нельзя пить. Ты говоришь, что в прежние времена у тебя, и у твоих друзей был принцип — не пить спиртного. Так куда он делся, твой принцип? Хочешь, я отвечу на вопрос? Не было никакого принципа. Вы все боялись родителей. И, чтобы не называть вещи своими именами, пошли по пути наименьшего сопротивления — решили, что это ваш выбор. Да, так проще тешить самолюбие. Сейчас тебя контролировать некому и ты стала самой собой. Обычным подростком, которому хочется попробовать все. Так вот что я тебе скажу, Влада. Нет у тебя времени быть максималисткой. Либо ты бросаешь пить, либо научись контролировать себя. Здесь не осталось тех, кто мог бы с тобой нянчиться. Особенно, когда начинаются пьяные закидоны. В один... Далеко не прекрасный день, когда тебя снова потянет в ночь глухую, даже я, несмотря на буйную фантазию, не рискну предположить, как именно ты не проснешься. Собаки ли бродячие растащат тебя на запчасти, или вышибет мозги пуля киллера.

Я дослушала тогда мораль не потому, что хватило терпения. А потому, что во время пространного монолога пыталась найти доводы для того, чтобы возразить. А уж когда не нашла...

— Какого черта я должна все это выслушивать? — удивилась я. Вместе со мной

удивленно потянулось вверх пламя от десятков свечей, зажженных в комнате. — Самым умным себя считаешь? Что ты сделал такого из того, что не сделала я? За женой ухаживаешь? Ты этим собрался передо мной хвастаться? Этим собираешься заслужить мое уважение? Морали он мне читает... Папочка-мамочка нашелся.

— Вот именно, Влада. Вот именно, — и очередной долгий выдох снова заколебал многострадальное пламя свечей. — Нет у тебя. Ни папочки, ни мамочки.

От воспоминаний мне стало хуже. Я всерьез озадачилась выбором: то ли переварить съеденное вчера, то ли избавиться от него навсегда. Я склонялась ко второму, когда открылась дверь. С предварительным стуком, на который я, в силу вышеперечисленных причин, отреагировать не успела.

Сусанин, до неприличия бодрый, водрузил на прикроватный столик канистру с водой. Не поленился, открутил пробку и налил в стакан. Вчерашнюю бутылку я выдула. Съела и то, что он принес мне вечером — остатки роскоши с днюхи Алиски. Наверное, мне не следовало этого делать. Я уже не понимала, отчего меня так выбило на двое суток.

— Сегодня полегче, пьянь? — тепло спросил он, протянув мне стакан с водой.

Сначала я хотела вспылить, но тот выключатель с моим организмом, что спонсирует взрывы, сломался. Я взяла стакан и без сил рухнула на подушку.

— Держи, поможет. — Сусанин как фокусник распахнул ладонь и на свет явилась таблетка. — Точно тебе говорю. Ну, ясен пень, похмелиться тебе не предлагаю.

Я отрицательно мукнула. Я не стала уточнять в своей голове, как выглядит банка пива и как на нее способен отреагировать мой организм. Безропотно приняла лекарство, втолкнула белую гостью в сухой рот и залила водой. Некоторое время я слушала звонкое урчание, с которым мой желудок комментировал новое содержимое. Страшного не случилось, стоило готовиться к лучшему.

Сусанин, гладковыбритый, свежий, в джемпере с милитаристской расцветкой, стоял у окна, разглядывая площадь, затопленную листьями. Он наблюдал за разноцветными волнами, разбивающимися о борта машин и автобусов. Его взгляд скользил по свежим, ярким, желто-красным брызгам, тем, что ветер бросал в лицо мертвой старушке, сидящей на лавке у памятника. Короче, Сусанин забыл обо мне минут на пять.

Мне полегчало, но вместе с тем это облегчение не принесло мне облегчения. Прояснение в моем мозгу опять вызвало к памяти еще одну ночную картинку и когда она нарисовалась в полной красе, из моей груди вырвался судорожный всхлип.

Именно. Я приставала к Сусанину в том самом смысле. В плохом. Я сидела у него на коленях, прижимала его голову к груди, целовала лицо, говорила что-то о своей девственности.

Боже. От стыда кровь так сильно прильнула к моим щекам, что мир вокруг порозовел. Я поймала себя на том, что шумно соплю, пытаюсь перевести дыхание. Пытаясь найти позу, в которой мне не было бы так стыдно, я ерзала, скрябала ногтями пушистую ткань пижамы, неизвестно как на мне оказавшуюся. И дышала, дышала.

— Ну что, полегче? — Он обернулся, смерил меня насмешливым взглядом, от которого мне стало еще хуже.

— Откуда пижамка взялась? — Я царапнула махрового котенка. — Забыла тебя вчера спросить. Такая веселенькая.

— Понравилась? Здесь полно вещей. Все чистое, не сомневайся. Забыла она... Да ты вчера была мертвая. Я подойти к тебе боялся, только передачи носил.

Я фыркнула как старинный паровоз, выпускающий пар и добавила, не зная куда деваться от стыда.

— Не знаешь, где мои вещи? Я не помню...

— Конечно не помнишь. Я тебя раздевал. И одевал. И укладывал.

— И песенку пел, — не сдержалась я. Как ни странно, от уточнений мне становилось легче.

— И песенку пел, — кивнул Сусанин. Он подошел к белому шкафу, занимавшему всю стену, распахнул дверцы. Среди прочей одежды я разглядела на плечиках сиротливо прижавшуюся к шкафному боку и свою футболку с толстовкой. — Вот, все в целости и сохранности.

Максим Сусанин странно глянул на меня. Потом как-то неуверенно подошел к кровати и сел. Рядом со мной. Его рука нырнула под одеяло, нащупала мою дернувшуюся пятку, скользнула по икре, зацепив колено. Я съежилась, подтянувшись к изголовью.

— Так что, Влада, — растягивая слова, сказал он. — Продолжим с того места, на котором остановились позавчерашней ночью?

Состояние, близкое к панике, охватило меня. Раскаленными иглами вонзились в мою многострадальную голову ночные поцелуя и объятия. Посиделки на коленях... Боже. Я сидела у него на коленях полуголая!! А, может, и вовсе...

— Так что, Влада, твое предложение остается в силе? — Его рука продолжала щупать мою ногу, оголенную задравшейся до задницы штаниной.

— Макс, знаешь, я немного перебрала, — залепетала я.

— Пора отвечать за свои слова, Влада. В конце концов, ты взрослая девушка. Тем более, что ты сама предложила.

Я потерялась. Стремительно понеслись мысли: здравомыслящий... ночью же сдержался... бывает, от желания у парней крышу сносит... и что дальше?... царапаться, кусаться... сама виновата. Слова, слова — где, черт побери, найти слова, чтобы...

— Знаешь, Макс, я не готова...

— Когда не готова? Сейчас? Помнится, позавчера ты была более чем готова, — он придвинулся. Его рука, преодолев защитный барьер свернутой трубочки штанины, осторожно забралась выше. Я дернулась. — Ты просила меня. Заметь! Сама просила. Уговаривала. Практически применяла запрещенные приемы. Я не пошел у тебя на поводу. Как человек здравомыслящий, я сдержался. Потому что предпочитаю иметь дело с трезвой девушкой. Более того, я дал тебе целые сутки — подумать, подготовиться. Но сегодня...

— Макс! Прошу! — Мое сердце колотилось. — Ты должен...

— Конечно, я никому и ничего не должен. Но для тебя сделаю исключение. Ты так настаивала, так настаивала. Разве я могу отказать девушке? Тем более, когда она меня так настойчиво просит. Помнишь, как настойчиво ты меня просила?

— Не помню! Я не помню! — Я попыталась отодвинуться и не смогла — он сидел, прижав вместе с одеялом и край моей одежды.

— Так я тебе напомним, девочка моя! — Он подался ко мне и тихо так сказал: — Потому что за базар надо отвечать. Это тебе не прежние времена, когда на твоей стороне стояло общество и закон. Ты умоляла меня. Я тебе обещал. И слово свое сдержу.

Я дышала как рыба, выброшенная на лед. Не знаю, какая муха меня укусила, какая вожжа попала мне под хвост и зачем мне нужно было знать, где зимуют раки, но сейчас ничего такого я не хотела! Ничего! Ни мух, ни вожжей, ни раков!!

— Я всегда держу свое слово, девочка моя. Поэтому, как бы ни было плохо, я дам тебе пару минут подготовиться... А потом мы поедem на Ваську, потому что тебе, видите ли, до одури захотелось навестить отца, который бросил вас с матерью лет пять назад. Кажется, ты хотела его похоронить.

Когда до меня — не сразу — дошел смысл сказанных слов, во мне что-то щелкнуло.

— Что за идея, не знаю. Навестить отца, — удрученно повторял Макс. — Так, подожди, а ты что подумала, испорченная девчонка?

— Ах ты...

Он едва успел увернуться — вторая подушка, свободная от моей спины, полетела ему в голову. Макс перехватил мою руку и дернул на себя. Я кошкой выскользнула из захвата, навалилась на шутника сверху и не заметила, как оказалась сидящей на нем. Он смеялся. Прижимая меня к себе, он перевернулся. Раз, другой. Я видела его то на фоне белоснежного одеяла, то на фоне покрытого лепниной потолка. Потом я устала и сразу же, без переходов, почувствовала тяжесть его тела, тепло, накрывающее меня сверху, дыхание, щекочущее мне шею. Я увидела его лицо — совсем близко. Разглядела лоб со шрамом над левой бровью, нос, глаза. Прикольную бородку, в которую вписались губы. Лежа на мне, он дышал. Взгляд его — растерянный, задумчивый, искал что-то на моем лице. Видимо, нашел. Потому что он расплылся, приближаясь.

Я не знаю, чего я хочу! Я не умею играть в эти ваши взрослые игры! Я еще маленькая!.. Хотела крикнуть я, но вместо этого отвернулась, уходя от обстрела его глаз. От губ, способных лишить меня дыхания.

— Ладно. Поиграли и будет, — тихо сказал Макс. Поворочался, сползая на кровать. — Тебе полегчало, я смотрю. Тогда поднимайся. Пока ты тут прохлаждалась, я скатался к бабе Шуре. Короче, яичницу будешь?

— Черт, у тебя есть яйца?

Макс хмыкнул, поднимаясь с кровати.

— Ты в этом сомневалась?

— У бабы Шуры же все куры сдохли!

— Так она новых завела. Отстала ты от жизни, Влада. Плохо несутся, это факт. Но для меня десяток-другой баба Шура насобираала.

— Ма-а-акс. Ма-а-а-ксик, ты поделишься?

Он вздохнул.

— Как просить будешь.

— Максик, слушай, хорошо буду просить! Ну пожалуйста!

— Куда от тебя денешься. Договорились. Вставай давай. Я жду тебя в ресторане.

Все время, пока я толкала себя к шкафу, заставляла снимать с плечиков упирающуюся одежду, меня не оставляла мысль о том, что мне уже не светит хорошее самочувствие. Никогда. И все мои планы на будущее должны сначала пройти в игольное ушко вечного похмелья, постоянной тошноты и слабости. Не понимаю, как все они могли вечно вливать в себя такую мерзость, зная, что на следующий день обречены?

Спускаясь по парадной лестнице фешенебельного отеля, я дала себе слово, что брошу пить. И не только потому, что веселье, казавшееся безбашенным, на следующий день обернулось чувством стыда. Я не хотела себя обманывать, не хотела сходить с ума. Даже на время. Смотреть на все, что творится вокруг трезвыми глазами — путь это будет мое решение. Мой выбор в мире, где все решено за меня.

Ресторан встретил меня празднично. Солнце, отыскивавшее окошко в бесконечно плотном графике, резвилось в бокалах, расставленных на столах, закручивало пылевые вихри в столбах света. Словом, делало все, чтобы загладить вину за долгие пасмурные дни. Но я видела, как город щурится, оконными портьерами заслоняясь от неожиданной милости.

— Яичницу будешь? — спросили откуда-то сбоку голосом Сусанина.

— Ага, — ответила я и вместе со мной ответил кто-то еще.

Я повернула за колонну и оказалась не готова к осуждающему взгляду темных глаз. Кир сидел на столе и смотрел на меня так, словно вина за все происходящее в его жизни лежит на мне. В душе шевельнулась досада: почти за двое суток отсутствия я так и не удосужилась его предупредить. Но ведь он мог и догадаться, как мне было плохо! Ну почему я должна всех понимать, а меня никто! Злая, я плюхнулась на стул.

Видимо, на это ушла вся моя смелость, потому что на то, чтобы посмотреть Киру в глаза злости уже не осталось. Я знала, что он сидит на другом конце стола, дышит, занавесившись длинными волосами. Потерянный больше обычного, он пытается достать меня осуждающим взглядом, который никак не находит цель.

— О! Влада объявилась. — На пороге кухни появился Сусанин, подпоясанный фартуком. Он постоял, излучая жизнерадостность и спокойствие. До такой степени, что мне стало завидно. — Тебе сколько яиц? Два, три?

— Какая роскошь, — буркнула я.

— Значит, три. А тебе, Кир?

— Два, — встряла я. — Я больше не съем.

— Мне тоже, — бросил Кир куда-то в пол.

— Понятно. Хрен вас откормишь.

Сусанин исчез. Мы сидели, уставившись каждый в свою точку. Кир молчал и я постепенно успокоилась. И тогда он еле слышно сказал:

— А если я пропаду, ты тоже не станешь меня искать?

Я вздохнула.

— Никто не станет нас искать, Кир. Давно пора привыкнуть к этой мысли. Мы потеряли сами себя. И никому нет до нас дела.

— Меня не интересуют все. Я спросил тебя.

— Буду, — соврала я. И он мне не поверил.

— Ты помнишь, что я сказал тебе, когда мы встретились?

Я помнила, я не смогла бы забыть нашу встречу никогда. На третий день после конца света, я выползла из укрытия, в котором просидела без малого сутки. Без сна, без еды, без надежды. Я шла по улицам незнакомого города, который не смог родиться и в кошмарных фантазиях. Бродить среди полулюдей-полутрупов, перешагивать через мертвецов, продираться сквозь баррикады тлеющих машин, вздрагивать от взрывов — далеких и близких, стирать с лица пепел, падающий сверху, видеть, как умирают раздавленные люди с выпущенными внутренностями, как захлебываясь кровью — без стонов, без всхлипов — несут всякий обыденный беспричинный вздор — и думать лишь об одном. Кто создатель этого хоррора, супер-мега-масштабного фильма ужасов?..

Страх был, я помню. Наверное, он был. Но еще больше я боялась, когда сидела в кафе, сводя себя с ума сотнями попыток достучаться до разума официантки.

Я тащилась по дороге. Мне хотелось то ли домой, то ли умереть. И вдруг в какофонию звуков, прорвался одинокий крик.

— Люди! Лю-юди! Прошу вас, откликнитесь! Хоть кто-нибудь живой!! Лю-у-уди!

Я пошла на голос вовсе не потому, что возрадовалась товарищу по несчастью. Крик казался мне такой же составляющей происходящего. Мне было по пути — я осознала, что хочу домой, к маме. Я ведь ничего и не пыталась сделать! Боже, какая я дура! О, у меня наверняка имелись в запасе — наверняка имелись! — слова, возвращающие маму к жизни!

Приняв решение, я тут же его нарушила — движимая заунывным «лю-у-уди», я отклонилась от маршрута.

Худой мальчишка сидел на коленях посреди двора-колодца.

— Э-эй. Кто-нибудь! Отзовитесь! Что происходит?! Ну пожалуйста, хоть кто-нибудь, прошу вас! Разве я так много прошу, Господи! Пусть хоть кто-нибудь мне объяснит, я хочу понять! Умоляю, пожалуйста!!

Мальчишка кричал, почти выл. Протяжные гласные звуки уносились вверх, вырывались в небо, покрытое плесенью темных с проседью облаков. Я стояла в арке. Я ждала. Я надеялась, что ему ответят.

Сверху падали серые хлопья и застревали в черных длинных волосах мальчишки.

— Эй, — не выдержала я. — Ты живой?

Пока он поворачивал голову на мой голос, я успела удивиться непривычности. То, что кто-то отреагировал на мой вопрос, показалось мне противоестественным. Я успела привыкнуть к другим правилам.

Ты кто, ангел? — спросил он, когда его обреченный взгляд нащупал меня...

Теперь я сидела за столом ресторана в «Астории». Из кухни вкусно пахло. Со мной рядом был тот же Кир, тот же город. И то же бесконечное ожидание ответов на прежние вопросы.

— Налетай, молодежь.

Две тарелки, откуда на нас пялилась оранжевыми кругляшками яичница-глазунья, возникли на столе. На скатерть со звоном высыпались ножи и вилки. Рядом появилась пара стаканов с соком. Сусанин сел, придвинул ближе свою порцию и, вооружившись приборами, решительно избавился от одного из трех яиц.

— Приятного! — вдогонку пожелал Кир.

Макс кивнул. Я тоже — во рту у меня растекался желток.

— Ну, — чуть позже сказал инициатор королевского завтрака, когда с едой было покончено, — как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — отозвалась я и вместе со мной ответил Кир.

Подняв голову, я удивилась: оказывается, Макс ждал ответа не от меня.

— Нормально, — повторил Кир. — Да если честно, я не особенно и боялся.

— Давай, рассказывай. И я бы сдрейфил. Бродить в темноте, не зная, откуда и что прилетит... — Сусанин развел руками. — Но все равно, ты мужик!

— Ну да... Сначала мне было не по себе, — продолжал Кир. — А потом... Ну, во-первых, я не особо верил, что все случится в первый же день. Думал, так бродить придется неделями. Киллер же не дурак. А вас слишком много, чтобы сохранить все в тайне.

— Мы старались, конечно. Но я с тобой согласен. Надежды на тайность операции было мало. А когда раздался выстрел?

— Не поверишь. Свиста пули я не слышал. Так, грохнуло что-то и все. Такое впечатление, что стреляли просто чтобы стрелять. Я до сих пор удивляюсь.

— Я сам удивляюсь. Верзила был прав, киллер хотел, чтобы мы его остановили. Какое еще может быть объяснение? Ну, как говорится, и хрен с ним. Пока пусть Султан голову ломает, как он такое проворонил.

— Слушайте, ребята, — вкрадчиво вклинилась я. — Может, кто-нибудь мне объяснит, в чем дело?

— Киллера поймали, — снизошел Кир. — Сегодня ночью.

— Да ладно!

— Вот тебе и да ладно! — усмехнулся Сусанин. — Пока ты дрыхла с похмелья, твой дружбан принял участие в военной операции. К тому же, в самой опасной роли — подсадной утки. Короче, под пулями ходил.

— Не томите! — чуть не крикнула я. — Кто?

— Ты не поверишь, — начал Макс.

— Я уже не верю! Ну?!

— Беременная баба Султана, Верка!

Я открыла рот. Информация в моей голове укладывать не хотела.

— Не может быть... Вы уверены?

— Да уже куда уверенней, — Кир вздохнул. — Она Макса чуть не убила.

— Макса? Правда?

Сусанин утвердительно покачал головой.

— Ничего себе. И что теперь? — растерянno спросила я.

— Что теперь, — Макс отхлебнул сока. — Отвезли ее Султану. Рука не поднялась... Сразу разобраться. Пока посидит под замком, а через неделю соберемся все и будем принимать решение.

— Типа, судить? — Я вскинула брови.

— А ты что предлагаешь?

— Ну да... Я тоже предлагаю... А если все решат «расстрелять», то кто...

— Думаешь, не найдутся желающие? — улыбнулся Макс. — Найдутся, не бойсь.

— Не беременную же! Пусть родит, что ли...

— Уж не знаю, кого она там родит, с таким настроем, — Кир облокотился на стол. — Тетка рехнулась, это точно.

— А Султан что говорит?

— А что ему говорить? Цокал. Охал и ахал. Да и не до того ему, честно говоря, было. У него там новое развлечение — Алиска.

— Алиска? С Султаном? — Моему удивлению не было предела: вот сколько новостей я проспала!

— Алиска. С Султаном. Она после днюхи с ним и уехала. Она уехала, ты сбежала. Я один остался...

— Значит, теперь у Султана новая любимая жена, — я перебила Кира.

— Надолго ли, — пожал плечами Кир. — А то ты Алиску не знаешь.

— Ладно, ребята, потом пообщаетесь, — Сусанин решительно поднялся. — Мы едем, Влада?

Я кивнула, вставая из-за стола.

— Куда вы едете? — неожиданно услышала я. Кир вскочил. Волосы крыльями плеснули назад, освобождая белое лицо. «Куда вы едете без меня?» — прочла я в осуждающе сверкающем взгляде.

— Кир, я не надолго, — попробовала оправдаться я. — Давно собиралась отца навестить...

— Какого отца, Влада? Разве сегодня не пора твоих навестить? — сорвался на крик Кир. — Ты не была у них уже два дня! Два! Ты же знаешь, и молоко кончилось, и яйца! Мы собирались ехать еще перед днем рождения!

— Кир, мы...

— Как ты не понимаешь?! Для меня твоя семья — это моя семья! У меня никого — ты слышишь? — никого не осталось! Я каждый раз езжу туда с тобой... И как будто о своих забочусь! Вы что, все считаете, что мне не нужно это? Родные, о которых нужно заботиться? Пусть даже так... Я тебе не Алиска! Это она была бы счастлива, если бы ее родители... неизвестно где... в самолете... А я хотел, чтобы остались! Чтобы ездить к ним, кормить с ложки! Маму! Отца! Сеструху! Чтобы хоть кто-то... Хоть кого-то...

Я слушала, не дыша. Он почти плакал, в его голосе было прежнее то, от всех этих «лююди, умоляю, хоть кто-нибудь».

— Слушай, Кир, ты чего завелся? Езжайте с Владой, — недоуменно пожал плечами Макс, но я его перебила.

— Кир, мы едем к моим. Сейчас. Собирай продукты.

Он сник в один миг, как оставшийся без ветра парус. Пару раз набирал полную грудь воздуха для ответа, но каждый раз слова выходили из него тяжелым выдохом. Он едва сдерживал слезы.

- Ладно, ребята, увидимся позже. Обещанные яйца на столе. Бывайте, — попрощался Макс. Он зачем-то собрал грязную посуду и исчез на кухне.

— Соберешь продукты, или тебе помочь? — Я не знала, как принято успокаивать плачущих парней.

Кир кивнул. Волосы снова закрыли лицо. Круто развернулся, сбив стул. Его длинные тонкие пальцы оторвались от столешницы и взлетели куда-то к вороту толстовки.

...А потом я сидела на мостике, оббегающем купол Исаакия. Мои ноги болтались и до опоры была сотня метров. Позади меня в окнах горели свечи. Их пламя металось. Так же как пламя, металась моя душа. Был ветер. С бешенством налетал на железную конструкцию, давно требующую ремонта. Я могла погибнуть. Скажу больше, я думала об этом так же просто, как думала о том, чтобы встать и уйти.

Шаг вперед, шаг назад.

Я запретила Киру подниматься на смотровую площадку и он честно держал данное слово. Он стоял под мигающим фонарем и дрожал от страха: он не знал, чего от меня ждать.

И я не знала, чего ждать от себя — шаг вперед или шаг назад.

Я до последнего занимала свои руки, тело действиями, чтобы оттянуть момент истины. Теперь действия кончились и началась пытка. Память не стеснялась в деталях. Она подсовывала мне их — яркие, четкие картинки, словно была не моя, а чья-то чужая, специально заброшенная в мою голову, чтобы свести меня с ума.

Память толкала меня вперед.

Полдня назад я, онемевшая, столбом стояла в своей квартире. Дома, у открытой в кухню двери. Раньше, когда я отгоняла от себя страшные мысли, мне представлялось, как все будет ужасно. Но было еще хуже.

Я хотела отвернуться и не смотреть, но стояла и смотрела. Кир говорил что-то

успокоительное. Если бы слова могли оказывать такое же действие, как таблетки, мне бы наверняка помогло. В моей голове замкнулась мысль, бегущая по кругу: как я смогу это пережить? Мама умерла у плиты, так и не закончив печь свои вечные блины. По странному стечению обстоятельств Антошка умер вместе с ней. Он упал со стула, и так получилось, что они лежали вместе, голова к голове. С открытыми глазами. Они смотрели друг на друга — худые, бледные. Их связывала одна тайна, к которой я отношения не имела. Она называлась смерть.

Я шагнула на кухню и меня словно выключили. Я опустилась на пол и долго просидела без движения, слушая стук сердца. Я даже не догадывалась, что оно может так тяжело толкать ребра. Каждый стук я ждала с замиранием, заранее готовилась к нему. Так больно мне не было никогда. До такой степени, что я захотела: пусть следующий удар станет последним! Но сердце билось, не обращая внимания на мое желание. Выбрало где-то в груди самую болезненную точку и долбилось, долбилось в одно место.

— Завтра, — сказала я между двумя пытками — тук-тук. — Мы похороним их завтра.

Мы долго шли к Исаакию. По дороге мы зашли в Казанский за свечами. Мне показалось важным зажечь их в ночи.

— Знаешь, Влада, я никогда тебе не рассказывал, что почувствовал, когда осознал, что мои никогда не вернутся, — Кир начал говорить и я остановилась. Повернулась и закрыла ему рот рукой.

— Не надо, — еле слышно попросила я.

Я шла, неся в сердце каждый из этих больных тук-тук, и у меня не оставалось сил ни на что другое. Оставив Кира, я поднималась по долгой лестнице на смотровую площадку. Каждую из пятисот шестидесяти двух ступеней я брала штурмом. Мне хотелось бы наполнить их пятьсот шестьюдесятью двумя воспоминаниями о маме с Антошкой, но перед глазами стояли два тела, лежащие рядом.

Шел дождь. Я промокла насквозь. И мне хотелось только одного — чтобы все кончилось. Внизу под фонарем стоял Кир, бродила невесть откуда взявшаяся лошадь. Подступающая темнота обманывала меня, скрывая сотню метров пустоты под ногами. Шаг назад...

Шаг вперед.

Зима. Глава 1. Сусанин

Часть вторая

Зима

Сусанин

Вашу мать, твою мать, мать его. И ее — до кучи. Мы похоронили не того. Вернее, не ту. На суде... А как еще назвать ту сходку, на которую собралось столько народу, сколько не собиралось никогда. Я их видел на разных собраниях, но чтобы так, всех вместе...

Старперцы отвели душу, в выражениях не стесняясь, громкость подачи оскорблений не регулируя. Молодежь сидела пасмурная и пришибленная, тяжело вздыхала под особо жгучие перлы. Типа «стрельнуть эту мразь прямо сейчас, что за ублюдка она способна родить?». Гарем Султана вел себя по-разному. По всему видно, появление Алиски внесло диссонанс в привычное распределение вакантных мест будущей иерархии. Натаха — разбитная девица неопределенных лет, в прежнюю бытность наверняка спец по продажам, продолжала заниматься тем же и сейчас. Непонятно? Я поясню — она продавала себя.

— Я вам говорю! Верка сошла с ума! Точно вам говорю, — приливной волной топила

собравшихся Натаха. — Тут Ксения Петровна заикнулась о том, чтобы ее изолировать...

— Именно! — подтвердила вклинившаяся в монолог Ксения Петровна. Фиолетовые волосы растрепались, на раскрасневшемся лице изрядно увядшим цветком морщились губы в яркой помаде. — Граждане, не берите на душу грех! Так нельзя! Если вы все тут жаждете крови, давайте хотя бы позволим ей родить, а там посмотрим!

— Что посмотрим? На кого мы смотреть будем? — Натаха напирала. — Вылечить мы ее не вылечим. Тогда что остается? Посадить под замок и держать там до скончания веков? Вдумайтесь! Может, она нас всех переживет! Кто будет ее кормить, поить. Ее и ее ублюдка? Я вас спрашиваю? Ты? Ты? Ты?

Натахин палец пулеметной очередью пробил первый ряд зрителей, но нашел лишь тех, кто согласно кивал головами.

— Я вас спрашиваю, кто за это возьмется? А если она сбежит?

— Так-то оно так, — удрученно вздыхал Сан Саныч. — Но она ж беременная. У кого ж рука поднимется?

— А у нее? У нее рука поднималась? Когда она отстреливала нас, как животных? — кричал Василий Федорович. — Марьиванну, Валерика, Борисыча...

— Тамару Мироновну, — подсказал кто-то с задних рядов.

— Она, эта гнида, — на сей раз указующий перст Натахи без труда отыскал жертву. — Смотрела нам в глаза, говорила с нами, как ни в чем не бывало. А стоило нам отвернуться и что? Пулю в спину — вот что!

— Это так, — вступил молчавший до сих пор Иван Иванович с логическим завершением ФИО Иванов — благообразный интеллигент с седой бородой. — Но внутри у ней дитё...

— Дитё? — межконтинентальной ракетой взвилась Натаха.

Я до сих пор не пойму, как Султану удалось заманить в свои сети такую горячую штучку? И почему до сих пор она предпочитала держаться в тени? Или запах власти в последнее время стал сильно чувствителен для ее ноздрей?

— Ты знаешь, что за дети рождаются в нашем мире? — продолжала наступление Натаха. — Ты видел этих детей?

— А то как же, у меня внучка... была, — Иван Иванович сел, поник.

— Плодить шизиков, возиться с ребенком который до конца своих дней останется младенцем? В этом будет состоять Веркина заслуга?

Боевая подруга командора кричала, а я задумался: тоже, кстати, вопрос. А что за дети способны родиться сейчас? И, похоже, в ответе прозвучит приговор. Точно ли от здоровых людей получатся обычные дети, или... Я положительно ответил на вопрос и остался жить в новом мире, ответил отрицательно — и вымер. Как сам. Как человечество. Так просто оказалось подвести черту — нам, забытым, всего лишь случайно отмерили лишний полтинник (в лучшем случае), а мы успели прикинуть на себя глобальную идею продолжения человеческого рода. Тогда крайне важно позволить Верке родить. Хотя бы в качестве эксперимента.

Я чуть не высказался вслух, но вовремя остановился: стало интересно, к какому выводу придут остальные. Или я один такой умный?

Страсти разгорались. Натаха сцепилась со стариками. Кто подобнее защищал Верку, кто позлее — вынес ей смертный приговор. И все дразги продолжались под заунывную песню Елены Николаевны о месте избранных в новом мире. Наконец, не выдержал Султан. Вскочил со своего места, и, пылая огненным взором, метнул в толпу:

— Она женщина! Беременная! Как вы все не можете этого понять? Она носит под сердцем ребенка! Вы что, планируете убить заодно и невинного младенца? Эй, люди, кто возьмет на себя такой грех? Чем вы тогда будете отличаться от нее?

— На твоём месте я бы закрыл рот, — веско вставил Яровец. — Ты с ней трахался. Ты что, умник, не мог понять, что у нее на уме? Чем она занимается по ночам, где шляется? Охренеть. И он еще собрался вести за собой людей. Вождь, мать твою.

У Султана не нашлись слова для ответа. Он забубнил что-то быстрое на своем языке, сел, отвернулся.

— Если вас всех тут волнует вопрос: кто станет за ней ухаживать, так не переживайте, — вступилась за Верку баба Шура. Вся такая румяная, ядреная — а ля бабуля из забытого рекламного ролика. — Я готова! У меня и комнатка с решеткой на окне имеется.

— И что, будете ее кормить, убийцу? — не хотела сдавать позиции Натаха.

— Буду. Что мне, жалко, что ли? Куры есть, вон, Кеша мне обещал корову пригнать, коз. Я и роды могу принять, и ребенка воспитаю.

— Воспитает она, — хмыкнул Саныч. — Если будет чё воспитывать.

— А вот если будет нельзя, тогда и станем решать, — не унималась баба Шура.

— Правильно, — поддержал ее Иван Иванович. — Нужно будет, так соберемся во второй раз. У нас что, свободного времени в обрез?

— Это ж не сразу все, — ворчал Саныч. — Это ж сколько времени должно пройти прежде, чем станет ясно.

— Вот я и говорю: нет у нас проблем со свободным временем..

— Хотите знать мое мнение? — не поднимаясь с кресла, заявил Борюсик.

Лично я знать не хотел, но он высказался все равно.

— Убить эту гребанную суку с ее отродьем. Не хочет нормально жить, пусть не живет. Если хотите — я готов. Так сказать, привести приговор в исполнение.

Его слова утонули во вновь разгоревшемся гуле.

— Я не дам вам ее убить, слышите вы, уроды! — перекрикивая всех, выступила Тая. Белым демоном в кожаной косухе она вылетела из бокового прохода и возникла перед рядами. Говорила она, как и трахалась — страстно, вкладывая эмоции в каждое слово.

С момента нашей последней встречи мы не виделись недели две. Такой же разгневанной она мне и запомнилась, когда застучала меня с Дашкой на прежней квартире... Застучала. Ну и слово я подобрал. Без приглашения, охваченная «праведным» негодованием, она ворвалась в комнату, толкнув плечом мою Дашку.

— И вот это ты предпочитаешь общению со мной? — яростно бросила в меня Тая, но не попала. В смысле, слова пулями просвистели у моего виска и ушли в молоко.

— Чего ты разоралась? — спокойно спросил я.

Чтобы не мешать Дашке, я стоял у окна, облокотившись на подоконник. Моя жена хозяйничала — стирала пыль, напевая себе под нос вечную песню. Чисто вымытые, благодаря моим стараниям, волосы мешали ей. Минут через пять она найдет вечную заколку, лежащую на вечном месте и соберет на затылке вечный хвост.

— Ты вот с этим предпочитаешь жить? — не унималась фурия.

Внутри у нее все кипело. Я видел: она сдерживается, чтобы не позволить вырваться совсем уж обидным словам.

— Что за бред, Макс? Ты же понимаешь, нам не дано вернуться к прежней жизни. Хоть тысячу раз ухаживай за ними — ни хрена они не оживут! Нужно оставить их в покое,

слышишь? Ты же здравомыслящий человек, подумай сам! Что ты можешь? Продлить ее мученья? Уверен, что хочешь именно этого? Уверен, что хочешь возиться с ней? Еще лет пятьдесят ухаживать за живым трупом — таким ты себя видишь? Как вы все не понимаете: здесь! — уже не осталось жизни! И вы сами не живете с ними! Обреченные на свою гребанную заботу, чем вы отличаетесь от них? Такие же придурочные, такие же больные своей жалостью...

Тая стояла, уперев руки в бока. Раскрасневшаяся, взъерошенная. Она перешла на обобщения, потому что пошла ва-банк. Либо я бросаю Дашку и мы с Таей живем долго и... как получится, либо...

Она строила планы, уверенная в результате. А я?

— Успокойся, — сказал я, поднимаясь.

— Я спокойна, — уже на порядок тише отозвалась она. — Я просто не могу понять.

— Ты не можешь понять, — я педалировал первое слово. — А причем здесь я?

Незванная гостя помолчала, переваривая сказанное. За ней, повинувшись обычному маршруту забуксовала Дашка. В ее отставленной тонкой руке дрожала лейка, нацеленная на полив растений. Каждодневная поливка не пугала комнатных монстров. Они заметно прибавили, в отличие от Дашки. Моя старая футболка, в которой она ходила, болталась на худенькой фигурке, выделяя два вечно торчащих на груди бугорка.

— Отойди в сторону, — беззлобно попросил я. — Дай ей пройти.

Съедая меня ехидным взглядом, Тая отодвинулась.

— А знаешь, Макс, — сказала она, — я абсолютно уверена, что ты согласен со мной. Ты отлично понимаешь, что ведешь себя как... Тебе просто не хватает смелости, чтобы сделать выбор. Хочешь, я тебе помогу?

Она подошла. Попыталась положить руку мне на плечо, но я весьма невежливо отбился от нежданной ласки. Мне вдруг — остро — показалось кощунственным обниматься с любовницей в присутствии Дашки.

И Тая это поняла.

— Ты что? — ее брови изогнулись насмешливой дугой. — Стесняешься? Ее?

— Я не собираюсь обсуждать эту тему. Чего ты хочешь?

— Чего я хочу, я знаю. Вопрос: чего хочешь ты?

— В данный момент я хочу, чтобы ты ушла, — злость — на нее, на себя? — постепенно вступала в свои права. — А не в данный хочу, чтобы ты забыла сюда дорогу. Итс май лайф, Тая. И я не собираюсь ею ни с кем делиться.

— Ага. Понятно, — она, было успокоившись, снова начала закипать. — Значит, у тебя своя жизнь, у меня своя. И из общего у нас только постель.

Я молчал, но о сказанном не жалел.

— Ну же, скажи! Чего ты молчишь? Может, хоть здесь наберешься смелости и честно скажешь?

Мне нечего было ей ответить. Нечего из того, что она хотела бы услышать.

— Молчишь? — она наступала. — А хочешь, я тебе скажу? Уж у меня-то смелости хватит. Ты считаешь, что сможешь трахать меня, когда тебе захочется, а в постели будешь думать о ней! — она кивнула в сторону Дашки, чудом вписавшейся в дверной проем. — Ну, готов? Признайся в этом. Только не себе — это и так понятно. А мне. Сусанин, если уж тебе так нравятся неживые, давай, заведем тебе резиновую куклу. Будешь возиться с ней — кормить ее с ложечки, спать укладывать...

— Уходи.

— Вот что ты решил! Понятно. Только я собираюсь уйти не только отсюда. А из твоей жизни! Вообще!

— Уходи.

— Правда? Ты отдаешь отчет в своих словах? — прошипела она. — Не пожалеешь? Потом?

В тот момент мне так и казалось. Что не пожалею.

— Уходи, — повторил я, насилу сдерживаясь.

— Ах ты...

Я не знаю, для чего она замахнулась — чтобы ткнуть меня в грудь, или вклепать пощечину. В любом случае, это осталось для меня тайной — я вовремя перехватил ее руку и сжал запястье.

— Пусти.

— Хватит. Устраивать. Истерику. Просто уйди, — в такт словам я тряс ее руку, прежде чем отпустить.

Тая засопела, растирая запястье, всем видом показывая какое я животное, раз причинил ей «такую» боль. Потом из нее вырвалось что-то обидное типа «еще пожалеешь» и она ушла, хлопнув дверью.

Я пошел следом, закрыл входную дверь на замок — чего не делал никогда. Прислонясь к железному полотну разгоряченным лбом, я закрыл глаза, слушая как за спиной — то удаляясь, то приближаясь, фальшивит Дашка.

Я ни на миг не усомнился в правильности принятого решения. Вероятно, имелось зерно истины в тех словах, что в сердцах бросила Тая и мои практически каждодневные визиты к Дашке мало чем напоминали любовь. Скажу больше, не любовь к близким читаю я в глазах братьев по несчастью. Наша жизнь начиналась от порога прежнего дома и вела туда же. Дашка — мой крест. И я его нес. Сам взвалил его себе на плечи и жаловаться на тяжесть ноши мне не хотелось.

Только повеситься. Иногда.

Тая, выступавшая в зале перед собравшимися с обвинительной речью, никогда не рассказывала о своих родственниках, но мне хотелось верить, что говорит она то, что думает. Голос девушки дрожал от сдерживаемых эмоций, ей удалось перетащить на свою сторону парочку старпёров. Имел ли значение незначительный перевес сил? В глубине души я догадывался, чем закончится голосование. Султану, сидевшему рядом с гаремом, слова Таи нравились. Я видел, как он настойчиво кивал, отмечая особо достойные места.

Алиска скучала, отсутствующим видом показывая, что не желает иметь отношения не только к гарему, но и к Султану. В немыслимом манто из трупов черт знает каких животных, она сидела на отшибе, разложив по меховым плечам тщательно закрученные волосы. Ей на ухо что-то говорил Даниил. Я уж не помнил, кто к кому подсел — она к парню или он к ней. Сильно сомневаюсь, что она займет место, пусть даже и определяющее, в гареме кавказца. Не тот человек, чтобы довольствоваться кем-то одним.

Неразлучная парочка Влада-Кир сидели в углу, недалеко от Алиски. Я с удивлением заметил рядом с ними Гопника. Он пытался что-то втолковать Владе, но она — безучастная — ни на что не реагировала. Мне опять некстати вспомнилась она — другая — точенная, хрупкая, голенькая, сидящая у меня на коленях, прижимающая к моему лицу нежные груди.

Раньше мне б светило лет восемь за подобную сцену, но сейчас...

Закона не было, но мораль, засевшая глубоко в сердце, осталась. Возможно, у меня одного. Я ощущал себя ни много ни мало, хранителем устоев. Особенно в том случае, если большинство решит пустить в расход беременную бабу. Однако отказать себе в удовольствии вспоминать круглую попку Влады я не мог. Хотя и перебивало теперь ту картинку белое лицо Кира, когда прибежал он ко мне, уговаривая снять Владу с крыши Исаакия. И позже — дрожащая девчонка, до физической боли напомнившая мне прежнюю Дашку — безутешно как маленькая, взхлеб рыдающая на моей груди. Тогда я отвел их к себе в логово, дал Владе успокоительного из своего безупречного аптечного арсенала. А потом мы с Киром до утра сидели в столовой, пока выпитое пиво не отправило нас в аут.

— Итак, голосуем! — наконец, услышал я принятое решение. — Напоминаю: цифра один — привести приговор в исполнение немедленно. Цифра два — дожидаться родов. Ручки и бумага есть у всех?

Я оглянулся, в надежде разглядеть такое же снисходительное облегчение от окончания долгих дебатов в глазах господ присяжных. Но вокруг царила коллективная одержимость и заключалась она в желании вершить чужую судьбу, хоть так опосредованно определяя собственную значимость в мире, где от клопа зависело больше, чем от тебя.

Колюня притаился — я не подберу другого слова — в темном углу. Загорелый до черноты, худой настолько, что, казалось, трещала кожа, туго обтянувшая скулы, он выбрал место с краю в последнем ряду. Могильщик сидел неподвижно, уставившись в одну точку, явно находившуюся не вне, а внутри него и пока я к нему шел, меня не покидало ощущение того, что вместо разговора мне скорее предстояло констатировать смерть.

— Колюня, привет, — поздоровался я. Пара моих слов не заставила его вывернуться наизнанку — он по-прежнему разглядывал то, что засело у него внутри.

Я с шумом откинул сиденье и занял место прямо перед ним, в соседнем ряду. Ему пришлось вывалиться в реальность из того пограничного состояния, в котором он находился. И я бы определил шаткую границу ни между нормальностью и сумасшествием, в между шизофренией и паранойей.

— Как ты? — спросил я. Конечно, мне было с большой колокольни по-маленькому на все ответы Колюни, мне хотелось просто поддержать беседу.

— Привет, Макс, — прошелестел Колюня.

— Что думаешь по поводу Верки?

— Я нормально, — с опозданием на один уровень отозвался на мой прежний вопрос собеседник. — Думаю, что я в норме.

Мы помолчали. И я спросил снова.

— Что думаешь по поводу Верки?

— Верки? Так что же, — тихо заговорил Колюня. — Лучше уж быстрее.

— В смысле? Не дожидаясь родов? Вот не думал, что ты такой кровожадный.

— Скорей бы уж. Скоро они все будут с нами, — не слушая меня, заговорил он. — Или мы с ними, это уж как хочешь.

— Что ты имеешь в виду? Мертвые, наконец, восстанут и грядет Зомби-апокалипсис? — усмехнулся я.

— Зомби-апокалипсис давно идет. Ты же не назовешь их живыми.

— А ты, значит, считаешь их мертвыми?

— Мертвыми я считаю нас, — выдохнул Колюня. — Даже не так... Я считаю нас

ником. Ничем. Да от насекомых на этой Земле зависит больше, чем от нас, — добавил он, подтверждая мои мысли.

— Так а что ты думаешь по поводу Верки? — я снова попытался направить его в нужное русло. — Ты за что голосовать будешь?

— Я бы... Но они не хотят.

— Кто «они»? Те, кто здесь собрался?

— Они не хотят ребенка. И его не будет — раз они так решили. От нас вообще не должно остаться ничего. Никого. Что остается от мусорщиков? Чистота. Так должно. Вы все поймете... Потом, после... Что у нас всех осталось немного будущего — дом. Тот дом, в котором следует навести порядок.

— Может и так, — меня внезапно охватило раздражение. Уж кого, а горе пророков у нас хватало и без Колюни! — Но я собираюсь просто жить. Не так, словно ничего не случилось — что я, дурак? Я способен... и принял новое. И собираюсь жить на полную катушку. Не думая о завтрашнем дне, о том, чем это все может закончиться, и насколько меня устроит этот конец.

Колюня меня не слушал.

— ...ночью, — бубнил он одновременно со мной. — Когда я выхожу, они уже стоят. Их много. Очень много, я не могу их всех разглядеть. Они бледные, разные. Они смотрят. И что-то все время говорят. Не хором, знаешь, а так. Каждый в отдельности. Но все вместе. Сначала я думал, что одно и то же, а потом пригляделся — разное. Я уже запомнил... Многих. По именам — это я дал им имена. Если... им не лежит в могилах, разве я смогу их удержать? Или кто?.. Еще немного, и они заполнят город и вы — вы! — для вас не будет места. Они...

Он говорил. С каждым вдохом, словом, отдаляясь. Возвращаясь туда, где его ждали — к тем ордам незримых собеседников, что поселились у него внутри.

Я отвернулся. Одним шизиком стало больше. На этот раз, настоящим. Первый сумасшедший нового времени... Или второй, после Верки?

В зале стало шумно. Натаха обходила ряды, проверяя наличие канцелярских принадлежностей. Я тоже получил все, что мне причиталось.

Голосование неожиданно для меня завершилось быстро. Влепив Верке двойку, я вместе с Яровцом занялся подсчетами. Я готовил пылкую речь, где основополагающим было не «жалость», а «эксперимент», но она не понадобилась. Тридцать пять человек проголосовали за то, чтобы сохранить Верке жизнь, вручив ее заботам бабы Шуры. И одиннадцать человек проголосовали против. Яровец вошел в их число, я это знал.

Мы с мужиками отвезли Верку на Заячий, в хоромы бабы Шуры. Проверили комнату, где должна была находиться заключенная. Обговорили дежурства — такую вот повинность взвалили на крепкие плечи мужчины нашего мирка. Да и не были мы особенно против — перекантоваться сутки под крылом бабы Шуры на добром и старом довольствии — не обязанность, а скорее развлечение. Распределив дежурства, мы разошлись, рассчитывая собраться никак не раньше весны. Но Верка — вот ведь говнистая баба — распорядилась по-другому. В гробу она видела все наши надежды. В прямом смысле — в гробу.

Это случилось в дежурство Иван Иваныча, на тридцать шестой день вахты после суда. Сплела Верка из одежды веревку, накинула себе на шею и сбежала в мир иной, оставив нас всех с носом.

Да похоронили ее и хрен с ней! Но еще через пару недель, в прекрасный декабрьский

денек, занавесившийся от солнца пологом летящих с неба хлопьев, у порога моего логова как привидения возникли двое: Кир и Влада.

— Помоги, — прохрипела Влада, передавая мне на руки обессиленное тело мальчишки. И только прижав его к себе, я почувствовал на руках горячую, липкую влагу.

Глава 2. Влада

Влада

«Каждый из нас несет крохотную частицу большого взрыва. Она знает ответы на вопросы. Вместо того чтобы спрашивать у мира, нужно спросить мир внутри себя».

Пытаюсь философствовать.

А куда мне еще его было везти? Только в самом страшном сне я могла себе представить, что на мои плечи свалится забота о раненом! Мне даже снилась в тот день какая-то подходящая под этот ужас ерунда.

Я обычно днем не сплю, но тут, ближе к обеду, меня словно выключили. Наверное, всему виной снег, упавший на город. Читай больше книг на Книгочей. нет Он шел сутки плотной стеной, сквозь которую едва просеивался дневной свет. Утром, выглянув в окно, я онемела. Такой отчаянной белизны я не видела никогда. Ослепительным саваном снег укрыл тихий, испуганный город. Досталось памятнику на площади и деревьям — темные пятна угадывались с трудом.

Было удивительно. И тихо-тихо. Если бы выглянуло солнце, я бы ослепла, точно знаю. Потому что таким чистым снег я еще не видела. Исчезли улицы, дорожки, пропали остовы сгоревших машин, в сугробах притаились забытые покойники. Мертвая старушка на лавочке — всего лишь странный, загадочный по форме снеговик.

Все это я разглядывала с противоположной от «Астории» стороны. Мы переехали в дом напротив и заняли весь второй этаж. Квартыры с каминами, на всякий случай — так объяснил Даниил. Благодаря ему у нас было светло и тепло — работал генератор. Наверное, мы бы зимовали без газа, света и воды в кране, если бы не — Алиска? Получается так. После суда к Султану она не вернулась. Только фыркала, стоило упомянуть его имя. Зато она поступила лучше, на мой взгляд: она сошлась с Даниилом. И тот оказался способным парнем. Скорее учеником, но какая разница, если со стариками вроде Верзилы, он договаривался сам. Вряд ли кто-нибудь из нас докатился бы до просьб, даже если бы дело касалось выживания.

Они взялись меня бесить с утра.

Накинув на плечи толстовку, еще сонная, я вошла не в прекрасную столовую, отделанную красным деревом, а в царивший там бедлам. Орал Кир, ему вторил Даниил. Слава-те, отсутствовала Алиска. Я примерно предполагала, чем она занята: стояла у открытого шкафа и пыталась вытащить из плотно спрессованной на плечиках кучи подходящую шмотку. Она считала неприличным дважды надевать одну и ту же вещь, в отличие от меня. Я наоборот, предпочитала ходить в одном и том же. В своем, доставшемся в наследство от прежней меня.

— Ты чё, тупой, Кир? — Даниил говорил на эмоциях, от звука его голоса у меня закладывало уши. — Все сходится!

— Сам ты тупой, — возмущался Кир. — Если хочешь знать, я тут больше вас всех знаю!

— Ты что, правда считаешь себя умником только потому, что прочитал больше чем я?

Нет, интересно, Кир, ты что, правда думаешь, что человек автоматически становится умным если много читает? Уметь читать, блин, тоже, нашел мне заслугу!

— Не столько читать, а уметь пропускать информацию через себя, перерабатывать и выдавать...

— О-па. Охренеть. Это что ты там собрался выдавать переработанное и пропущенное через себя кроме говна?

Кир вскочил.

— Если будешь меня оскорблять, я... — задыхаясь от обиды начал он.

Даниил поймал его, уходящего, за рукав толстовки и насильно усадил за стол.

— Кир, брось, — примирительно сказал он. — Я же пошутил. Ты что, шуток не понимаешь? Давай вернемся к прежней теме. Почему ты считаешь, что моя версия неправдоподобна? Помнишь, раньше был сериал, не помню названия. Там все жили вместе и пытались построить семейную жизнь. Ругались там, дрались...

— Я помню, — сбросив пар, вяло отмахнулся Кир.

— Вот. Ничего не напоминает?

День еще толком не начался, а я уже устала — вот о чем думала я, насыпая себе в чашку растворимого кофе с ложкой сухого молока. Я долго мешала все это с сахаром, долив чуть-чуть кипятка. Получалась прикольная пенка. Я терпеть не могла кофе, но чай с утра в меня тоже не лез. С чашкой в руке, я шла к столу, когда услышала голос Даниила.

— Вот Влада не даст соврать.

— Дам. Дам соврать, — сказала я, усаживаясь на стул. Я не представляла, о чем идет речь.

— Нет, правда, Влада, — прицепился ко мне Кир, не дав сделать и глотка. — Данька тут толкал идею о том, что мы не избранные, как все считают, а наоборот. Наказанные! Даже заключенные!

— Только не говори, что так уж трудно в это поверить, — хмыкнул Даниил.

— Нет, я еще могу поверить в то, что у нас были прошлые жизни...

— Во-от. Если ты веришь в то, что мог жить раньше, что тебе не устраивает в продолжении?

— Что мы все в прошлых жизнях были убийцами и насильниками и поэтому наказаны?

— Да. И что тебя так сильно удивило?

— Нашел мне наказание! — Кир развел руками. — Посмотри вокруг! Да, мы потеряли близких, потеряли привычный мир, но мы живы! И... страшно сказать, не так уж плохо устроились. Весь город... Да что там город — мир! — к нашим услугам. Это твое наказание? Да если хочешь, наказаны скорее все остальные! Это они в прошлой жизни были...

— Гитлерами? — подсказал Даниил. — Прямо тебе. Не напасешься столько гитлеров на всех. Я скорее поверю в то, что ты в прошлой жизни был Сталиным. А, к примеру, Влада — Дракулой.

Кир усмехнулся. Я отрицательно покачала головой — Дракулой я быть не хотела. Кир принял мой молчаливый жест за поддержку.

— Ага! — В его угасшую топку доводов подкинули дровишек — Кир разгорелся снова. — Прикольное наказание, ничего не скажешь. Кто-то, или что-то пустило в расход все человечество для того, чтобы наказать горстку придурков?

— Почему сразу пустило в расход? Кто тебе сказал, что где-то они не продолжают себе жить припеваючи? Они мертвы только в нашем персональном аду. И не придурков, Кир,

бери выше — а горстку супер-злодеев!

— Ну нет... Влада, ты только послушай его! Я прав, ну скажи, я прав?

Я вдохнула и выдохнула. Я не следила за темой разговора. Меня давно достали предполагаемые версии и гипотезы. В них я не видела смысла. Они не помогали мне принять действительность. Я и так мучилась от того, что хотела жить дальше и не могла.

— Вы все не правы. Права я, — ответила я. Просто мне хотелось, чтобы они замолчали.

— В смысле? — удивился Кир.

— Какой тебе еще нужен смысл? — сказала я. — Задаешь глупый вопрос, получаешь глупый ответ. Вот и весь смысл!

Я поднялась, не дожидаясь реакции повторно обиженного Кира. В дверях я столкнулась с Алиской. Она возникла как пассажирка круизного лайнера, спустившаяся в ресторан на ужин — макияж, полубезумное платье, драгоценности.

— Влада, — Алиска удержала меня за рукав. — Мне кажется, черный жемчуг сюда не подходит, как ты считаешь?

— Вы что все сегодня, сговорились? — не выдержала я. — У нас сегодня акция проходит, я одна не в курсе, да?

— Какая акция?

— Ответ на вопросы двух придурков, третьего получи в подарок!

— Влада, ты чего? — опешила Алиска.

Я не знаю, чего я. Наверное, мне иногда следует держаться подальше от людей. Вот поэтому я слонялась до обеда, такая же тихая и неприкаянная, как укрытый снегом город. Обиженный Кир куда-то делся, Алиска уговорила Стаса проехаться на снегоходе по очередным еще странным образом не охваченным магазинам. А я не заметила, как оказалась в постели.

Когда я проснулась, был еще день. Застегнув куртку, я вышла на балкон смотреть на снег. Странное одиночество заполнило меня. Оно было настолько совершенным, что я поразилась — я не чувствовала боли. Я впервые не казалась себе ущербной от того, что мне не с кем стало его разделить — мое одиночество.

Внезапно мое спокойствие рассыпалось как карточный домик — я увидела Кира.

Темное пятно на белом фоне. Со второго этажа я отлично видела следы, две дорожки в рыхлом полотне снега. Прижимая руку к груди, Кир шел медленно, как-то неуверенно, словно ему предстоял подъем в гору, в не ровная дорога до парадной.

Я не сразу их заметила — сначала возник некий цветовой сбой, что-то нарушило девственную картину мира. Объяснение нашлось: обжигаяще яркие красные пятна. Редкие, частые, они прожигали снег, будто пытались забраться глубже, будто им было стыдно за ту войну, что они объявили белому цвету.

Мне хватило десятка секунд, чтобы перепрыгивая через несколько ступенек, появиться на улице в тот момент, когда Кир стал падать.

Он мог умереть. Правда. Много раз. Потом я задавала себе вопрос, пыталась себя — в прямом смысле этого слова — но так и не смогла ответить. Зачем?.. Зачем я потащила его к Сусанину?

Он мог умереть в тот момент, когда я сажала его на снегоход, даже не удосужившись перевязать. Когда мчалась по дороге, встречая ветер в лицо, чувствуя, как слабеют руки, обнимающие меня за талию.

Он мог умереть, если бы Сусанина не оказалось на месте. Киру вряд ли довелось бы

пережить обратную дорогу — он истек бы кровью.

Я не знаю, зачем я так рисковала. Наверное, следовало бы разместить раненного в спальне, перевязать, потом сгонять к Сусанину и привезти его с медикаментами, объяснив ситуацию. Так было бы умно. Долго, но умно. Но в тот момент...

Паника лишила меня разума. Все, чего мне хотелось — спихнуть страшную проблему на чьи-нибудь взрослые плечи!!

На наше с Киром счастье, Сусанин оказался на месте. И сообразил быстро, надо отдать ему должное. Позже, когда перемотанный бинтами, с обезболивающим, текущим по венам, раненный уснул, меня стало трясти.

Я сидела напротив кровати, и не могла открыть рот. Мне казалось, если я это сделаю, то откушу себе пол-языка.

— Тебе надо успокоиться, Влада. Выпей. — Макс протягивал на ладони очередное белое чудо.

Я приняла стакан воды из его рук и таблетку. Но прошла целая вечность, прежде мои зубы разжались настолько, чтобы втолкнуть ее в рот.

— Он будет жить? — спросила я, когда смогла говорить.

— Надеюсь. Я же не врач. Я сделал все, как написано, но... Могу сказать, что пуля прошла навывлет — это уже хорошо. Не знаю, сколько б мне пришлось выпить, чтобы ковыряться пинцетом в живом теле! А так, я вколол ему дицинон и лидокаин... Короче, кровоостанавливающий и обезболивающий. Пойдем. Пусть спит.

Я предоставила ему возможность вытянуть себя со стула, отвести в соседнюю комнату, усадить в кресло рядом с камином. Там силы, которых и так-то не осталось в моем распоряжении, покинули меня.

Давно стемнело. В ночи остался единственный хозяин — огонь. Он лениво переваривал темноту, озаряя яркими вспышками стены и мое лицо. Сусанин устроился в кресле рядом со мной. В его руке привычно возник бокал с темным содержимым. Может, коньяк, может, виски. Кто разберет?

— Ты думаешь о том же, о чем думаю я? — спросил он.

Я ни о чем не думала. Но стоило ему спросить, я сразу поняла, о чем идет речь.

— Верка? — я подняла на него усталые глаза.

— Точно. Похоже, мы похоронили не ту.

— Или кто-то решил продолжить ее дело.

— Возможно. Такая мысль тоже приходила мне в голову.

— Или еще одно или.

— Какое? Что ты имеешь в виду?

— То, что с самого начала киллером была не она. У беременной тетки сдали нервы. Или завелись тараканы.

— Ничего себе тараканы, — Макс поставил бокал на столик. — Ты хочешь сказать, что она решила закосить под киллера? На фига?

— Похоже, ей вообще жизнь была до большой звезды. Осточертело все настолько, что она решила на самоубийство. В смысле, я не так выражаюсь. Захотела перед смертью сказать нам все, что о нас думает. Какое мы тут все дикое... дерьмо. Думала, ее сразу грохнут, а когда все затянулось, сил у нее не осталось. Чтобы ждать.

Макс подумал.

— Вполне могло такое быть. Значит, впереди у нас по-прежнему два врага.

— Киллер — это понятно. А второй-то кто?

— Зима, Влада. Зима. Не все ее переживут, так мне думается.

— Значит, у тебя весной прибавится последователей. Как видишь, я уже готова вступить в твои ряды. Свободная, — и чуть не подавилась слезами, которые пошли горлом.

— Влада, — вдруг услышала я слабый голос Кира и подскочила — откуда только силы взялись?

Мы вдвоем ворвались к нему в спальню — только я чуть раньше. Белый как простыня Кир протягивал мне руку.

— Не уходи, Влада, — прошептал он. — Будь со мной. Рядом, — он бросил безвольную руку на кровать.

— Кир, тебе нужен покой, — пролепетала я, но он не слушал.

— Ляг рядом. Пожалуйста...

Сусанин пожал плечами. Кровать была широкой. Я решила, что ничего страшного не будет, если я примощусь рядом и дождусь, пока он уснет. Я разулась, легла. Рука Кира нащупала мою и легко сжала. Сусанин заботливо накрыл меня еще одним одеялом, подоткнул под спину.

— Ну ладно, ребята, спокойной...

— Макс, не уходи, — неожиданно для себя попросила я. — Прошу тебя, прошу.

Я не хотела, не могла оставаться с Киром наедине. Еще одну смерть мне не пережить.

Может, Макс понял это.

— Прошу тебя, Макс, — шептала я, — ложись рядом. Тут места хватит. Я очень тебя прошу. Прошу...

Почти во сне я почувствовала, как Макс устраивается за моей спиной. В тот момент, когда его дыхание скользнуло мне по уху, а тяжелая рука опустилась на плечо, я отключилась.

Так мы и проспали до утра. Втроем.

... И первой моей мыслью после пробуждения была та же — втроем? Мы еще втроем, или?..

Глава 3. Not found

Not found

Полдня с самого утра я гонял по городу на снегокате. Не, дел особых не было. Какие на хрен у нас у всех дела? Смех один. Отчима навестил. Ну, как навестил, хавку ему привез, пива там. Жиртрест ни хрена в последнее время с дивана не вставал. Лежал себе, дергался временами. Смешно так, руками и ногами. Типа, если ему очки виртуальные на морду нацепить, то вполне можно подумать, что проходит очередной уровень, до конечной точки. Могилы. И губами шлепал еще иногда — этот свой обычный бутерброд, нарезку из «благодарна-оболтусу-путевку в жизнь».

Когда отчим говорил, из его рта летели брызги крови. Все вокруг — обои, диван, стол, ковер — все заляпали темные пятна. Он скоро сдохнет, факт. Самое обидное, что во мне давно перегорели все эти жалости-радости. Ничего я не чувствовал, когда смотрел на то, как он задыхается. Хоронить я его не собирался. Пусть сгниет тут, вместе с квартирой. С домом. Все, чего мне хотелось забрать, давно заняло свое место на Крестовском. Фотки там, старые — мать делала, еще ножи. Один я помню, как отобрал у парня в драке. Здоровенный такой был детина. И... стыдно сказать — игрушка. Аттракцион неслыханной щедрости — отчиму в башку стукнуло подарить мне железную дорогу. Он тогда за матерью ухлестывал,

естественно, хотел перетянуть на свою сторону мальчика. Я тут подумал: может, за железную дорогу я и подарил ему семь месяцев жизни? Не знаю. Хрен ли тут глобальные вопросы решать, если мы в себе не можем разобраться. К нам-то судьба по-другому отнесется — это шизики уходят, не чувствуя боли. Харкают себе кровью, или что там, и молча копыта отбрасывают. Только один день им отмерили и не повезло тем, кто проболел в этот сраный день. Хотя, по всему, долго мучиться не получилось.

Ладно, к чему это я? А. Шизики в большинстве своем без боли ушли, а вот мы... Как уходить будем, только одному... кому-то известно. А тех, кто останется, все равно со временем эпидемия какая-нибудь задушит. Когда кончится срок годности у тех лекарств, которыми мы, как придурки, запаслись. Ну, вырубило и вырубило человечество. Подумаешь, потеря.

Подумать только, от Питера через годик-другой останется человек тридцать — ну, старперы же, понятное дело, вымрут, верно? Да от Москвы столько же. Что уж тут говорить о других городах. Все человечество в лучшем случае насчитает тысячу лет через пять. И Сусанин прав — неизвестно еще какие дети станут рождаться. Или известно — тогда не так скучно подыхать. Типа, с человечеством.

Кстати, о Сусанине.

Мотор — зверь. Я рассекал по улицам, объезжая сугробы. Понятно, что ничего хорошего там прятаться не могло. За мной летел снежный вихрь. Было круто. Давно мне не было так здорово. Сначала я хотел заскочить к ребятам на Исаакиевскую — ничегошные оказались в итоге, хоть не бесили меня и ладно. Но потом передумал. Решил, что не хочу ни с кем делить этот день. Ни с кем из живых.

Я летел, врываясь в снег и ветер. Сам — как снег и ветер, одна из самых вредных бацилл, несущаяся по венам мертвого города. Зомби ведь тоже могут двигаться, верно? Вот он и шевелился как живой мертвец — обрывались провода, рушились балконы, покрывались льдом огромные лужи.

Я переезжал мост на полной скорости, а в моей голове неотвязно вертелась мысль: вот сволочь, этот Сусанин! Потому что умный, гад. На собрании, когда разбирали Верку, когда все ломали головы над тем «убить сейчас или позже» и еще даже намек не было на то, что наступит зима, Сусанин вдруг вскользь так сказал:

— Зима близко. И как вы все думаете передвигаться по городу? Заметет все. Будет ни пройти, ни проехать. Дворников-то, того... Я бы на вашем месте о снегоходах позаботился, да о лыжах.

В меня мысль запала. Влада и те кто с ней, тоже озаботились вопросом. Приняли ли подсказку к сведению остальные — хрен знает. Подъезжая к дому, где меня «ждала» Машка, я с удовольствием посмотрел на пару-тройку снегоходов. Уес. Мы живем.

— Живем, Машка! — сказал я позже, в столовой. Конечно, не сразу потащился в квартиру, сначала спустился в автономную котельную проверить, все ли ок. Словом, сделал все, чему меня научил Верзила. Нет, классно все-таки жить в элитном доме.

— Ну чё, Машка, жрать будем?

Помощи от Надюхи-Машки ждать не приходилось. Все, что она умела готовить — это залить хлопья разведенным сухим молоком. Где ж я ей свежее возьму? Да и с йогуртами проблема. Спасибо, баба Шура выручила, дала мне закваску какую-то. Добавляешь ее в молоко и вполне даже съедобно получается. А чё? Машке нравится.

Бывшая хозяйка дома опять зависла, завела свою шарманку про мужа, прижимая к уху

черный экран. С утра я позаботился о себе — Машку все равно есть не заставишь — разморозил курь. Этого добра, типа мяса, пока имелось в изобилии. И в морозилках, и баба Шура снабжала. Зря я что ли, мотался к ней помогать по хозяйству? Захочешь жить, еще не так раскорячешься. Хотя... ммм... давно меня хорошим мальчиком никто не называл. Кроме нее.

Обед я рассчитывал приготовить позже. Электричеством я особо не увлекался, все равно рано или поздно надо будет привыкать жить без него. Газовые баллоны — все, что надо для приготовления вкусной и здоровой пищи. Временами я баловал себя шашлыками. Но... такой геморрой готовить для себя, для одного.

— Чё-то нам с тобой такая простая мысль в голову не пришла, — сказал я Машке, открывая банку пива.

— Подлец, какой подлец, — не въехала в тему Машка.

— Я о снегоходах, дура. Сусанин оказался прав: на собрании вместо того, чтобы обсирать эту гниду Верку, надо было обсуждать вопрос о том, как пережить зиму! Я тебе точно говорю — по весне мы не досчитаемся половины. Вымрут, суки. Да и хрен с ними, туда им и дорога.

Стоял день. Я вышел на застекленную террасу, открыл окно и уставился вдаль. Валил снег. Не удивлюсь, если завалит город до первых этажей. Морозов особых не было, поэтому черная гладь Малой Невки чавкала, глотая падающую сверху снежную хлябь. А что там про зиму? Насрать мне на нее — меня не пугали холода. Продуктов до хрена и больше, воды тоже. На случай, если откажет котельная, у меня припасены дрова и угли. Вон, полный этаж, забитый добром. Короче, живем!..

Вот на этом слове мне и захотелось застрелиться. Наверное, тот, кто все это затеял, рассчитывал, что в конечном итоге оставшиеся в живых по-самоубиваются. Все, что поначалу радовало — машины, шмотки, бирюльки, доступ куда хочется, а не куда позволили — испарилось. И теперь любая идея, которой я пытался поднять себя со дна депрессухи, тонула. Я глотал ее так же, как река глотала белые хлопья. Секунда, и ничего не осталось на поверхности кроме разве что ленивых кругов пофигизма.

Скоро Новый год. Не сказать, чтобы я ждал праздника в прежние времена — с хрена ли кто-нибудь дарил мне подарки, кроме матери. Да и то, все просто: носки-дэзик-пена для бритья.

— Слышь, Машка, — не оборачиваясь бросил я. Мне надоело думать. Мне захотелось поговорить. — Новый год скоро. Тебе, небось, твой хахаль подарки дорогие дарил.

— Сдохни, тварь. Чтоб ты сдох, — Машка снова завела свою шарманку.

— Да погоди ты, шалава, ругаться, — хмыкнул я. — У тебя вон и сейф и шкапулки все цацками забиты. Мне вон, вообще никто и ничего не дарил. Но... как бы это тебе сказать... Праздник заражал меня, что ли. Вся эта херь, огни, фейерверки. Все нас пугают зимой... Ничего, переживем. Слышь, Машка? Продукты, вода, тепло и...

Еще одно. То, которое я не хотел говорить вслух, хоть ни черта она и не понимает: я был не один. У меня была Машка.

— Тоже праздник себе организуем, — я говорил в окно. Уже не Машке, а тем, кто мог меня слышать. — Тоже приготовим чего-нибудь, свечи там зажжем. Я петарды буду пускать.

— Сволочь, какая сволочь, — Машка завелась бродить по гостиной с бокалом красного вина. Я баловал ее. Теперь постоянно.

— Ничего, Машка. Будет и на нашей улице весна, никуда не денется, — вот уж не

думал, что скажу вслух эти придурочные слова. Да что там слова! Не думал, что буду ждать весны. Как девчонка.

Пусть умники ломают головы себе отчего и как все произошло, у меня давно ответ готов — я считаю, что время сломалось. А что? Все может ломаться, даже пространство, говорят. Так что мешает это сделать времени? Пусть и сломалось оно кривобоко и криворыло. А может, по законам своим, которых нам не понять.

Я обернулся, я собрался сказать мысль вслух — не для Машки, конечно, для тех, кто все устроил. И то, что я дернулся, спасло мне жизнь. Я услышал грохот выстрела, но еще отчетливей — свист пули у самого уха. Потом к звукам добавился звон разбитого стекла и шум от падения моего тела — я рухнул вниз и быстро, на четвереньках, вкатился в комнату.

Шли минуты, я сидел под окном, где снайперу было меня не достать и рассматривал пулевое отверстие в стене. Сыпалась мелкая бетонная крошка, я пытался собрать мысли в кучу. С самого начала я знал, что Верка не причем. Не тянула она. Но ходи все конем, если мне не хотелось в это поверить! И что дала мне вера? Пулю в лоб?

Ходила по комнате Машка. А я? Сидел под окном, соображая, что даже шторы не могу задернуть — да потому что давно сорвал их! Потому что и мысли не возникло, что снайпер может дотянуться и до моего логова! Хорошая у него машинка — метров с трехсот лупанула почти в яблочко. Нечего было и думать о том, чтобы пуститься в погоню. Чувак занял позицию и стоило мне высунуть нос... Перейти в спальню, на другую сторону дома? Там, к черту, тоже все просматривалось — и дома напротив идеально подходят для новой точки. Конечно, завтра я навешу везде штор, да хоть фанерой забью, завтра поеду к Сусанину с «приятной» новостью.

Мысли прыгали.

Я сидел.

Слонялась по комнате Машка.

— Сдохни, тварь, сдохни, — на этот раз впопад говорила она.

Глава 4. Сусанин

Сусанин

...А поутру они проснулись.

Не знаю, как кто, но я спал как убитый. Вполне возможно, впервые со дня начала мертвого сезона во мне оформилась и созрела какая-то полноценность. Будто до этой ночи я вел себя как человек, у которого оттяпали важную часть, а он продолжал жить, не подозревая о ее отсутствии.

Утром был свет, когда я открыл глаза. За окном падал снег и, клянусь, у меня первой возникла мысль о том, сколько же его нападало за ночь, и совсем не о том: а не проснулся ли я рядом с мертвецом. Потом я почувствовал дыхание Влады, ее руки-ноги, закинутые на меня. И все равно — ни хрена я не вспомнил о раненом, лежавшем от меня бесконечно далеко, через горы и долины Владкиного тела. Она сопела мне в ухо. Счастливая, блуждала в недостижимой для всех реальности. Она согласилась бы остаться там навсегда — точно знаю. А я? Согласился бы так лежать вечно, слушая музыку ее ничего-не подозревающего сопения?..

Придет же такая хрень в голову. Полежишь вот так пару ночей рядом с девчонкой и заразишься розовыми соплями.

Кир застонал. Тогда я вспомнил о нем. Осторожно сдвинул с себя конечности Влады и выкатился с кровати на пол.

— Макс, мне больно, — услышал я.

Кир выглядел бледным, изможденным. На лбу блестела испарина.

— Очень больно, — сказал он, облизнув потрескавшиеся губы. — Что-нибудь... можно сделать?

Я кивнул. Пошел в соседнюю комнату набираться опыта в медицинском справочнике. За моей спиной заворочалась Влада.

Если верить медицинским терминам, ближайший день покажет, выживет ли наш Кир. С градусником, бинтами, я не спеша применил к нему наспех полученные знания. Температура осталась высокой, но рана — на мой взгляд — затянулась неприятными на вид серо-багровыми пятнами. Я вколол ему все, что придумали вкалывать в подобных случаях умные люди, веками занимавшиеся врачеванием. Есть парень не стал, только выпил чаю, постанывая, бросая на нас с Владой — неприлично здоровых — полные страдальческой потусторонности взгляды.

— А вам не кажется, что мы похоронили не того... не ту, — чуть позже он высказал вслух мысль, продуманную мною.

— Как тебя угораздило? Чего ты вообще куда-то поперся? — сжимая в руке чашку с растворимым кофе, мягко наехала на раненного Влада.

— Просто вышел... прогуляться. Было красиво.

— Прогулялся? Не мог меня дождаться? Вместе бы...

— И что? — усмехнулся я. — Ты бы его защитила? Вместе бы. Да теперь вместо одного простреленного мы имели бы двух! В лучшем случае.

— А в худшем-то что? — насупилась Влада.

— Догадайся с двух раз! В худшем — медицинский справочник ни фиги бы не помог. А у Колюни прибавилось бы. Хлопот.

— Что-то я не припомню случая, когда киллер охотился бы сразу на двоих, — буркнула Влада, но без готовности бросаться на амбразуру.

— Более того, — добавил я, — я не помню, чтобы он так нагло отстреливал кого-то посреди дня. Да... Лохонулись мы, ребята.

— Достал он меня. Все просто, — прошелестел Кир. — В тот раз я был... приманкой. Вот он и доказал. Что сильный. Что может.

— Ты помнишь, как все случилось? — спросила Влада, чтобы отвлечь парня от философии, слезами выступившей на его глазах.

— Шел себе, по Вознесенскому. К мосту. Никому не мешал. Все-все покрыто снегом. Пушистым. Красиво. Я не видел такого. Никогда.

— Не видел он, — не сдержалась Влада. — Насмотрелся?

— А что мне еще оставалось? Ты с утра... обложила всех. Алиска с Данькой уехали. Я был... одиноким.

— Хватит на него наседать, — вмешался я. — Мы все решили, что проблемы нет. Посчитали, что единственное, с чем предстоит бороться, это холод и зима.

— И одиночество, — упрямо вставил Кир.

— Господи, Кир, да нормально все! — сорвалась Влада. — Мы всегда с тобой вместе! Вчера у меня настроение было ни к черту. У тебя у самого, что, плохого настроения не бывает? Ты — тот еще зануда.

— Настроение у нее плохое, — не сдавался Кир. — Обложила всех, обозвала. Еще давай, все собачиться начнем. Как будто все у нас хорошо и только этого не хватало. Для полного

счастья.

— Ладно, Кир, оставим эмоции, — отмахнулся я. — Вернемся к рассказу. Ну, вышел ты к мосту, и что? Заметил что-то странное?

— Например?

— Следы, — я пожал плечами, — звуки.

Кир отрицательно покачал головой.

- Нет. Все было... Тихое. И белое.

— Ты где стоял, когда раздался выстрел?

— Слева от моста, собрался переходить. Там дальше сугробы намело. Вернее, засыпало что-то. Думаю: не пройти. Еще подумал о тебе. Так хорошо, что снегоходы ты всем подготовил.

Кир побледнел — хотя куда уж было больше — схватился рукой за грудь.

— Ладно, — я решительно поднялся. — Вопросы потом. Тебе нужно поспать. Хочешь чего-нибудь? Бульона? Чаю? Есть? Пить?

Кир закрыл глаза.

— Больно опять, Макс, — пожаловался он. — В груди все горит.

— Ок. Сейчас вколю тебе еще обезболивающее.

Я пошел было к выходу и обернулся — черные волосы крылами обнимали тонкое белое лицо. Совсем мальчишка. Как бы вел себя я, будь мне сейчас четырнадцать? Мы, взрослые мужики, подставили пацана под пули киллера, рассчитывая с его помощью избавиться от проблемы навсегда. Но судьба распорядилась иначе. И имя той судьбе — Верка. Вредная баба запланировала убить двух зайцев: и удавочку затянуть на шее нашими руками и, подставив себя, заставить расслабиться. Хай нас всех киллер перестреляет потом, тепленьких. Ладно. Как говорится, и хераполис с ней... Эксперимент жаль. Не завершился. Еще спасибо следует сказать маньяку — дал нам хоть месяц вздохнуть свободно. Или... Специально ждал, пока Верка двинет кони. Ведь стоило ему объявиться раньше, гуляла бы Верка на свободе. Наверное. По крайней мере, я настоял бы на том, чтобы отпустить ее на поруки к Султану.

Или...

Или все хуже. Гораздо. Кто расследовал смерть Верки? Ну, повесилась больная тетка, и? Даже отдаленно напоминающая расследование мысль не созрела ни в одной из наших голов. А что если — такая версия имела право на существование — наш искомый снайпер с дальнего боя переместился, сука, на ближний. Устал ждать результата. Время ползет, а выживших еще... есть. И потом, кто их считал, этих кроликов на закланье, сидящих по своим норам, охраняющих жизни тех, кого к жизни вернуть не дано? Привязанных к определенному месту чувством — каким угодно. Хочешь долгом, хочешь любовью, хочешь благодарностью, хочешь привычкой. Сидит себе такой кролик, без права выйти на свободу. И держит его что-то посерьезней наручников. Ай да раздолье для заинтересованного маньяка. Приходи, работай. Бьюсь об заклад, мы многих не досчитаемся по весне. Если вообще будет, кого считать.

По большому счету следовало и вчера смотаться на Вознесенский, осмотреть место происшествия...

Ага. Тут же подсказал мне мой находчивый инстинкт: а получить пулю в лоб тоже входит в твои планы?

Все. Заткнулся. Мне нечего стало возразить. Я с трудом оценивал возможность

возобновить охоту на киллера в зимний период. Вся эта игра в следопытов, выискивание следов... Кто кого и кому легче от того, что все засыпано снегом?

Я сидел в кресле у камина. И в моей руке уютно пригрел доньшко бокал с виски. Черт. Даже не заметил, как до него добрался.

— Заснул, — тихо сказала Влада, закрывая за собой дверь, ведущую в спальню. И тут же добавила без всякого перехода. — Мне тоже.

Она сказала невпопад, но я понял ее с полуслова.

— Возьми в кладовке. Не такое холодное, — разрешил я.

И закрыл глаза. Когда я снова их открыл, Влада сидела в кресле напротив, наблюдая за тем, как оседает пена в стакане. В моей голове царило спокойствие. Я знал, что мне нужно провести Дашку, что нужно спуститься и проверить работу генератора. Кроме того, меня отдаленно заботил вопрос о том, что мы все будем есть... Еще я знал кое-что, максимально приближенное к тому, что получится в конечном итоге: к вечеру я надерусь в зюю и Владе придется пройти ускоренные курсы медсестер на тему как делать уколы раненым.

Я много чего знал. Но это знание песком просеялось сквозь мой мозг, оставив в дырках крупный самородок, на чьем золотом боку крупно отпечаталась проба «Безделье». С пояснением внизу, более мелкими буквами. «А ходи оно все конем».

— Может, не стоит? — ворчливо предложила Влада. Ее слова толкнули меня под руку и я плеснул в бокал двойную дозу виски. Будь я трезвее, непременно бы бросил красноречивый взгляд на ее пустой стакан с закопченными пеной боками, но... Меня, правда, поглотило полное и абсолютное безразличие, не отягощенное более ни чувством долга, ни любовью, ни жалостью.

— Ладно, — вздохнула моя визави. — Надирайся, раз так. Я съезжу к Алиске. Представляю, как они волнуются. Я ненадолго. — Она поднялась, пошла, задержалась на некоторое время в дверях, видимо, ожидая от меня решительного поступка.

Наверное. Даже скорее всего, мне следовало ее проводить. Однако бутылка виски, играя отраженными от камина огнями, подмигнула мне так искренне, так нежно, что...

— Вернусь через час. Засветло. Я только туда и обратно, — она говорила, оправдываясь, словно я выразил беспокойство. — Дверь в спальню я открываю. Услышишь, если он позовет?

Я кивнул. Опрокинул в рот содержимое бокала и уже не застал Владу в комнате.

Валил снег. Жалкий, в своей бессмысленной попытке скрыть от глаз гниющие останки, вычеркнуть из памяти прошлое. Обманчивый табула раса грозил обернуться по весне дерьмом, в котором всем нам следовало захлебнуться. На этом и строился расчет? Да хрен меня дери и в хвост и в гриву, если я не побрыкаюсь напоследок!..

И на этой радостной и боевой ноте мой запал угас, залитый сверху очередной порцией спиртного.

За окном, за окнами, мимо которых я проходил, все было такое: одинаковое. Белое, чистое. Я поднялся на второй этаж, вывалил свое тело в кресло у арочного окна и приготовился оглядывать город несколько свысока. Насколько возможно с седьмого этажа. Вместе со снегом на город падала тишина. И если для снега препятствием служила крыша, то для тишины преград не было — она проходила сквозь меня свободно, оставляя после себя алкогольное, выдержанное лет двадцать пять послевкусие. Я видел перед собой то снег, то дно бокала и будь я проклят, если в одно из мгновений не заметил, как остановилось время. Замер снег за окном, навеки впечатались в подоконник белые пятна света, целую вечность моя рука несла к губам живительную влагу, только лишь способную повернуть ключ и

запустить шестеренки. У времени имелось столько минут и часов в запасе для того, чтобы привести приговор в исполнение, что все, что нам осталось это — размножаться. Хотя, вопрос так и остался открытым. И вертел я все на одном месте, если у меня имелось желание ответить на него в ближайшее время...

— Все квасишь? И не надоело?

Спросили у меня и я открыл глаза. И никого не увидел в сумерках. Голос слышался женский и я успокоился.

— Квашу, — ответил я темноте. — Есть предложение?

— Есть. Давай квасить вместе.

— Это дело. Наливай.

Спустя некоторое время забулькало. Послышался негромкий вздох и в углу зажегся ночник. Когда я проморгался, темнота определилась и вытолкнула на свет Владу.

— А может, ты и прав, Сусанин, — сказала она. — И жить легче со стаканом в руке. Мы остались живыми... Нет, правда-правда. Среди нас нет тех, кто бы смирился. Точно тебе говорю. Нет тех, кто хотя бы раз в день не задается вопросами зачем и почему. Даже баба Шура. Я тут заехала к ней... Ну, ты знаешь, за яйцами... Уже по привычке. А их нет. Куры зимой не несутся. Или почти что. И баба Шура вдруг мне и говорит... Я даже не знала, что в ней тоже живет философ. Она говорит: время сломалось. Шло себе прямо, а потом пошло вбок. Но не для всех, а только для тех, кто его считал. В минутах, часах. Звери разве считают секунды? Или деревья, природа? Они просто вертятся вокруг солнца. И им плевать, что где-то там тикает счетчик. И что?

Она сделала паузу, видимо, ожидая от меня ответа. Но я перестал следить за ходом ее мысли еще в самом начале. Молча я отсалютовал ей бокалом с обновленным содержимым и выпил, не дожидаясь приглашения.

— И вот теперь у всех перестали тикать счетчики. Кроме нас. Если бы я могла, я бы отдала все, чтобы присоединиться к ним. Остальным.

— Слушай, Лада, — нахмурился я. На сей раз речь была недолгой, я успел врубиться. — Перестань пороть чушь. Дали тебе второй шанс? Радуйся! И не ври мне, что предпочла бы лежать в могиле. Холодной, между прочим. И где единственными, кто согласился бы слушать твои бредни — были бы червяки.

— Не смешно, Макс, — она вздохнула, залпом осушила бокал пива. — Я все время думаю о том, что могла что-то сделать для того, чтобы все вернуть — и не сделала. Чего-то не услышала. Что-то не поняла. А в итоге — вот тут ты прав — всех нас ждет могила. Раньше или позже.

— Так было всегда, — я пожал плечами. — Или ты собиралась быть бессмертной? Маленькая девочка вдруг решила, что от нее что-то зависит! Охренеть, самомнение!

— У нас у всех должно быть такое самомнение! Потому что нас оставили в живых! Хотя бы исходя из этого!

— Вау-вау! Ты чего разошлась? Пиво кончилось? Так налей! — Я потянулся за бутылкой, стоящей у кресла, но эта тварь увернулась в сторону.

— Сиди уж, — проворчала Лада. — Я тебе налью.

Я не уследил за ее движениями, но полный бокал в руке обнаружил довольно быстро.

— Давай выпьем, — слова давались мне с трудом. — Просто выпьем. Хрен знает, за что теперь нужно пить... Ничего не осталось.

— За здоровье, Макс. Я уколы делать не умею, дала Киру две таблетки.

Обезболивающее и снотворное. Он спит. Если тебя это, конечно, интересует.

— Ты права. Меня это не интересует. Абсолютно.

— И Алиска с Данькой волновались. Я вовремя приехала — Даниил успел уже прокатиться по центру, нас искал. Он приехал в одно время со мной... Прикинь, Алиска купила... В смысле, привезла себе новую шубу. На мой взгляд уже вообще какую-то меховую плащ-палатку, в которой мы вчетвером сможем разместиться. И спать на снегу.

Я зевнул.

— Это тебе тоже не интересно?

Я отчаянно замотал головой.

— Знаешь, Сусанин, — она шмыгнула носом. — Ты мне поначалу очень понравился. Такой целеустремленный, энергичный.

Влада сделал паузу, дожидаясь от меня всякого рода уточнений.

Горел ночник. Бутылка виски нашлась в другом месте, не там, где я ее оставил. И уже не сопротивляясь, отдала мне последнее. Голос Влады, рассказывающей мне сказку о том, каким классным я был и каким... какой полной противоположностью стал, баюкал. Меня со страшной силой потянуло туда, где темно и тихо...

Наверное, я рубанулся. Потому что меня привел в чувство звук взволнованного голоса.

— Эй! Да Макс же, блин! Ты ничего не слышишь?

Я приготовился отрицательно качать головой и тут услышал. Совсем не тихий и явно настойчивый звук клаксона.

Глава 5. Not found

Not found

Глаз.

Карий и огромный. Он таращился в никуда, но почему-то находил только меня. Везде. Куда бы я ни отклонился, он глазел на меня. Мне стало жутко, пожалуй, именно от этого, а не от того, что в комнате лежали трупы. И воняли — это да. Я не сказал бы, что сильно, но однозначно неприятно. Хотя... Мне всегда казалось, что эта парочка протухла уже давно и задолго до смерти.

Свет в подсобке супермаркета горел, давая возможность разглядеть детали. А имелось ли у меня желание? Не знаю. Этот хренов глаз мешал мне сосредоточиться, он действовал мне на нервы до такой степени, что я присел на корточки у стены и только тогда он меня потерял. В комнате, заваленной мусором, вперемишку с полными бутылками, коробками и консервами, с трудом разместилась пара диванов. Теперь уже занятых трупами.

Чертов глаз достал меня и здесь. Конечно, самовнушение, но лично я не помню, чтобы кто-нибудь смотрел на меня с такой ненавистью. Хорошо, что в единичном числе — второй глаз заменяла черная дыра. Вот от нее я подянки не ждал — дырка и дырка. Ни тебе осуждения, ни обиды. Наверное, весь негатив застыл кровавой кашей на стене. Давно. Может, пару-тройку дней назад, а может и раньше. Кому теперь есть дело до новых мертвецов? Некому суетиться, оцепляя место происшествия, некому опрашивать свидетелей. Некому фотографировать и документировать, некому вставлять в мертвые жопы термометры, чтобы определить время смерти.

Я усмехнулся. Дальше — больше. Меня проперло на смех. И чем больше я сдерживался, тем сильнее он пер из меня, разрывая мне легкие.

Всегда думал, что эти двое сдохнут от белой горячки, спяну пристрелят друг друга и вся недолга. Но судьба распорядилась иначе. Борюсик полулежал на диване. И, несмотря на

корку из мозгов, засохшую на стене, все никак не мог утомониться: его левый глаз продолжал искать виноватых. Среди яркого хлама из этикеток, наклеек, коробок, лицо Борюсика выделялось. И при жизни-то не отличающийся красотой, после смерти он стал уродлив. Серое лицо напоминало даже не маску какую-нибудь, а скорее черепок, сляпанный из кусков глины кое-как. Головастик, лежащий на диване ногами к двери, смотрелся лучше: его лицо отсутствовало. Ну, практически. Я, конечно, не профи, но по-моему, пуля угодила спящему парню в подбородок. И выстрел был сделан с положения сидя. Пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что киллер сидел на моем месте. Пуля прошла подбородок, разворотила к ...ням голову и вынесла все ненужное в угол, за диван. Наверное, голова парня лежала на подлокотнике, потому что киллеру еще нужно было ухитриться не попасть в толстый живот. Головастик умер первым. И спящим. Паузы между выстрелами были небольшими. Но имелись — пару секунд отпустили Борюсику на то, чтобы открыть глаз... глаза и увидеть убийцу. Тупое и злобное быдло, после смерти мужик стал самым умным. По крайней мере, часть его головы точно знала ответ на вопрос, которым мы занимались последнее время: глубина его мутного глаза хранила образ убийцы.

Я ржал и никак не мог остановиться. Стоило представить себе, что сраный глаз Борюсика знает больше чем мы все, вместе взятые, как я заводился снова. Внутри у меня все болело, по щекам текли слезы. Мне кажется, я не остановился бы, даже если бы мертвец поднял голову и спросил: «А хули ты тут...?».

Отсмеявшись, я поднялся и вышел из подсобки. Тот, кто до меня закрывал дверь, сделал всего два выстрела. Сколько я ни приглядывался, не заметил следов от пуль. Хладнокровный ублюдок, он возник в комнате и двумя выстрелами убил двух людей. Пусть не лучших представителей нового мира, но живых!

Я шел между стеллажей. Справа и слева от меня тянулись полки, забитые товаром — пакетами, банками-склянками, на хрен ненужные никому и давно ставшие достоянием плесени. Где-то впереди в окна с улицы вливался свет — тусклый и сумеречный, как все вокруг. И внутри меня тоже было сумеречно. По сути, меня здесь не было: я лежал в гостинной шикарной квартиры на Крестовском. С пробитой головой, в луже крови. Временами спотыкаясь о мое тело, ходила туда-сюда Машка-Надюха. Без допинга угасающая, но все равно пережившая меня.

Повернув за угол, я остолбенел. В сумраке прямо на меня плыло белое лицо. Без ручек, без ножек — скелетообразное, ослепительное, оно двигалось. Непостижимо очеловеченная тьма приближалась, ловя меня прицелом темных, ввалившихся глаз. Потрескавшаяся линия рта сломалась, выпуская наружу сдавленный шепот.

Лицо приближалось. Губы дрожали. Я не слышал ни звука, но я не сомневался, что это были за слова.

«Это я — твоя смерть. Ты же не думал, что сможешь уйти? Твое время пришло. Иди ко мне. Иди».

Сейчас. Вот сейчас из темноты высунутся две костистые руки, потянутся, доберутся до моего горла, вздернут вверх и все, что я услышу перед смертью — эту тишину. Сразу после моего последнего вдоха.

Не помню, чтобы я когда-нибудь переживал такой ужас. Мое сердце подскочило к горлу и застряло там. Не дыша, не помня себя от страха, я отпрянул назад, налетел спиной на полки. Сзади полетело, посыпалось, разбилось. Мокрый от пота, то и дело поскальзываясь на чем-то разлитом, я пятился. Сшибая все на своем пути, я задыхался, даже не подумав

воспользоваться пистолетом, в кобуре на боку. Все, чего мне хотелось, это оказаться в другом месте, хоть в каморке, заваленной трупами!..

Я метался как придурок между полками, не в силах отвести взгляд от ослепительного пятна плывущего на меня лица, пока не разглядел светлый прямоугольник ниже.

Твою-то мать.

Бейджик.

«Два идиота умудрились сохранить жизнь шизику», — здравая мысль вернула меня к жизни.

— С-сука, — прошипел я, едва не грохнувшись на очередном шаге.

Женщина продолжала двигаться ко мне, беззвучно шлепая губами. Я остановил ее толчком в плечо.

— К-какого хрена они тебя оставили в живых? Трахали, наверное, по очереди, — заикаясь, сказал я. — Но ничего, тебе недолго осталось, Гюльчитай. Сдохли твои любовнички. Так что готовься к ним присоединиться. С-сучка.

Задрав нос, не дослушав, она прошла мимо меня и тут же была наказана. Поскользнувшись на чем-то разлитом, она брякнулась на пол. Юбчонка задралась, обнажив худые до безобразия ноги.

— Если они и поили тебя, — усмехнулся я, — то вряд ли кормили. Добряки.

Доходяга копошилась, сиюсь подняться. Ее руки-ноги разъезжались и она снова и снова падала лицом вниз. Что-то вроде жалости шевельнулось во мне. Я почти помог ей, почти вздернул за шкурку, поставив на ноги. Но воспоминание о пережитом страхе вернуло мне способность соображать. Напоследок я поддел ногой откатившуюся консервную банку, отправил ее в полет куда-то вглубь зала, развернулся пошел к выходу. Меня ждали дела поважнее помощи всяким больным сучкам.

Я несся по улицам на снегоходе, резким звуком практически насилуя покорный, давно сдавшийся город. Снег шел и шел. Я не сомневался, что при таком подходе, ему удастся засыпать улицы по самые крыши домов. Я прорывался через мосты, взрывал сугробы, маневрировал между снежными холмами. Я боялся. Мне чудилась летящая в голову пуля.

По пятам за мной клубилось снежное облако. В мозгу роились мысли. Вот так нас и отстреляют всех за зиму как крыс... Каких еще на хрен крыс? Они хоть кусаются, говорят, перед смертью! Как долбанных кроликов, сидящих по норам. В такую погоду поддерживать постоянную связь было проблематично. К тому же, мы расслабились — и на руку киллеру сыграла подставившаяся Верка. Так что я сильно сомневался, что по весне будет кому занять места на очередном собрании в хотеле.

В грядущем беспределе мне виделся один здравомыслящий чел, способный оценить обстановку. Когда трезвый, конечно.

Входная дверь оказалась запертой. На удивление. Кто-то проявлял большую осторожность, чем я. Наверное, с полчаса я дрочил клаксон, чем мне открыли.

— Чё надо? — Небритый и нетрезвый Сусанин возник в проеме.

— Леха, привет, — вежливо добавила притаившаяся за его плечом Влада.

«Всех баб охмурил, одной белобрысой ему мало», — подумал я, а вслух сказал:

— Разговор есть.

— Тогда заходи, — пожал плечами хозяин и посторонился.

А еще через полчаса я сидел в кресле у камина и охреневал, переваривая увиденное и услышанное.

— Все? Успокоился? Оратор, мля. — От веса Сусанина кресло протяжно заскулило. — Разорался он. Ты еще облаву устрой, умник. А то людей у нас до дури — Ты да я. Да Данька. Ну, еще вон Кира за шкурку вздернем — и то правда, чего он там разлегся?

— Слышь, Сусанин, — поморщился я.

— Я, в отличие от тебя, не только слышать, но и думать могу.

— Я предлагал сначала всех оповестить, а потом...

— Начало хорошее. Твои «потом» я услышал. Говно сплошное... Влада, ты в туалет? — Сусанин повернул голову. — Пива мне захвати. Ты, умник, пить будешь?

— Буду, — почему-то обиделся я.

— Тогда банок пять захвати. Чтоб два раза не ходить.

Не выразив ни звука неудовольствия, девушка с фиолетовыми волосами вышла из комнаты.

Горел камин и меня повело. Нервы, что ли, оттаяли? Смайлик бы сюда добавить, но хрен ли это смешно. Меня даже где-то порадовало, что кроме выстрела в окно, мне еще было о чем рассказать. А если б Борюсик с Головастиком не околели, то что? Вот пуля просвистела и ага? Кто поверит? Скажут, глюки. А так — труп есть труп. Я приехал на взводе, мне хотелось действовать. Конечно, признаю, предложения выдвигал так себе. Но уж лучше что-то, чем ничего! А то критиковать все мастера...

— И прошлая затея была говно, — бубнил Сусанин. — Охотнички они, блин. Я пошел у вас на поводу. Почему? Да потому что ты прав в одном! Надо было что-то делать! И на месте киллера я бы начал с детишек. Шляются по ночам, да еще на таком лобном месте. Три выстрела — три трупа. До сих пор не пойму, что ему помешало? Удобно.

— Да что ты думаешь, я дурак? Тоже не понимаю? Хрень сплошная была, а не охота! Х... ново ждать, когда тебе в любой момент может пуля прилететь. И Верка...

— Ну, Верка вообще отработала выше всяких похвал. Как умело подставился человечек, — Сусанин одобрительно покачал головой.

— Только не говори, — хмыкнул я, — что знал с самого начала.

— Не говорю, — Сусанин с треском открыл банку. — Странно было все, это да. Но я повелся. Чего скрывать?

— Вот, прожила бы подольше, так отпустили бы ее...

— И что? Думаешь, было б лучше? Больше чем уверен, что прогнила тетка насквозь. Думаю, еще хуже бы получилось. Так она одна ушла — и хрен с ней. А отпустили бы — получили бы сплошной аллах-акбар в придачу. Обвешалась бы гранатами, да на собрании половину с собой бы и забрала.

Я задумался. А что? Вполне так могло быть.

— Так что ты предлагаешь? — устало спросил я, приложившись в банке.

— У нас сейчас у всех одна задача. Выжить.

— Сидеть по норам?

— Именно. Шторки плотнее и по норам. До весны. Во всяком случае, не бегать по сугробам. Нашел мне облаву. Киллер при Верке тоже не высовывался. Видно, хотел, чтобы мы расслабились. А теперь на несколько дней взял на себя повышенные обязательства: четыре трупа. И это только те, о ком мы знаем. Ну, минус два. Борюсика с Головастиком — уж больно легкая добыча. Кира — как предыдущую наживку, чтобы впредь не повадно было. И тебя. Уж не знаю, чем ты киллеру не угодил.

— Не смешно.

— Так и мне. Пойми — у человека планов громадье. Где кто обитает он знает. И не нужно сутками сидеть — приехал, пару часов поработал и нет тебя. А снег следы замел.

— Так. Погоди, Макс. Нужно же подъехать на чем-то? Не на лыжах же он?

— Почему нет? — Сусанин пожал плечами. — Я бы на его месте так и делал. Идет снег. А наши снегоходы издалека слышны. Чуть что — лыжи в сторону и шась в любую подворотню. И все. И не было его никогда. А через десять минут и следов не останется. Ты же проезжал там, где, как ты думаешь, киллер сидел. Были следы?

— Так... Время ж прошло.

— Про то и разговор. Мысли есть? Кто бы это мог быть?

— Любой, — я усмехнулся.

— Та же фигня.

— Ну, вы парни сейчас договоритесь, — встряла в разговор Влада. — Кира-то можно исключить.

— Да ладно! — Сусанин приподнялся, глаза его заблестели. — А чего это первый раз киллер промахнулся? Что-то не было у нас раненых до...

— Макс, перестань! Ты еще на Алиску подумай.

— Точно! — вставил я. — Зачем человеку столько барахла? Отмазки одни. Ездит, типа, за шубами, а на самом деле...

— Блин. Началось. — Влада встала. — Кушать что-нибудь будем? Я макароны сварю. С тушенкой. Никто не возражает?

— О-па, — развел руками Сусанин. — А ты умеешь?..

Стемнело. За окнами мело. Домой я уже не собирался. Скажу по правде — я не хотел туда ехать вообще.

— Я переночую здесь где-нибудь, Макс? — неуверенно спросил я.

— Найдем, — ответил Сусанин и как-то странно на меня посмотрел. — Ниже этажом квартира у меня. Гостевая. Будешь доволен.

От его гостеприимства мне стало еще хуже. Настолько, что я не захотел жить. Снова.

— В одном ты прав, — начал я, со злостью слушая, как дрогнул мой голос. Слава-те, на кухне Владка что-то бросила. Или уронила.

— Я прав во многом, не находишь? — Сусанин подался ко мне.

— В этом-то точно. Я согласен, что по весне мы не досчитаемся многих.

— Очень многих, Леха.

— Султан, конечно, с гаремом уцелеет.

— Думаешь? Я бы не стал так уверенно утверждать.

— Ну, знаешь! Что ж, он потерпит, чтобы у него баб отстреливали? Да и не выходит он практически никуда из своей цитадели.

— Во-первых, откуда ты знаешь? — прищурился Сусанин.

— Знаю я. Квасил с ним. Пару раз.

— Уже после смерти Верки?

— В общем... да. Его там можно только танками взять.

— Танками... А чего ты взял, что киллер не перейдет к более радикальным методам? Растяжечки там. Гранаты.

— Да ну!

— Ну да. Подумай. Вот надоест ему мелкой работой заниматься, и захочется одним махом. И самое главное, кто ж ему запретит?

Я подумал. Все козыри на стороне маньяка: снег, город, предлагающий любое жилье в качестве опорной точки. И что остается у нас? Пара битых шестерок.

— И что интересно, — ворчливо добавил Сусанин, — этих проблем бы не было, если бы изначально все пошло по моему плану. Коттеджный поселок в городе, под боком супермаркет в рабочем состоянии, ферма недалеко. Живность всякая...

— Ага. И мотались бы все по родственникам каждый день. Особенно сейчас. Зимой. Жен бы навещали, детей, внуков. Загнулось бы твое хозяйство. Если целыми днями народ шляется неизвестно где.

— Думаешь, я об этом не подумал? График бы составили...

— График. Раз в месяц на собрание всех не собрать, а он график...

— Ладно. Что теперь?

— По весне сговорчивей будут. Те, кто выживут.

— Вполне может быть и так. А пока предварительные итоги подведем. Завтра. Инфу до людей в любом случае донести надо... И хватит пить! — Сусанин встрепенулся, выхватил у меня не открытую банку с пивом. — Что за жизнь... Не побухаешь с вами толком. И бухла завались, и жрачки... А все времени свободного не хватает.

Мы не заметили, как в дверях возникла Влада.

— Я завтра с вами поеду, — заявила она.

— Это еще зачем? — нахмурился Сусанин.

— Новый год скоро! — с вызовом бросила она. — Праздник все-таки!

— Да ладно. У кого-то еще один праздник до Нового года. Днюха твоя. Отмечать будем?

— Нет. Я так решила. Какая разница? Будет мне шестнадцать... Двадцать пять... Кому теперь есть дело до всех этих лет. И сдохнем... И некому будет читать на могиле — она прожила целых пятьдесят лет. Или пятьдесят один. Не хочу ничего считать. Я решила просто крутиться вокруг солнца. До самой смерти. И все.

— А Новый год, значит, отмечать будем.

— Праздник!

— Так что тебе мешает отмечать праздник каждый месяц? Первое февраля, первое марта...

— Я подумаю над этим. А пока идите есть! Все на столе. Я даже сыром посыпала макаронки.

— Сыром? Тогда мы идем!

Я поднялся вместе с Максом и выпал из реальности. Меня словно обожгло: я не помню, когда меня в последний раз звали к столу. И еще. Я хочу, чтобы так было всегда. К черту оружие, шмотки, и коллекцию спортивных машин. Туда же шикарную квартиру с бассейном, да и весь город в придачу. Хочу. Просто. Чтобы меня кто-то звал к столу. Такую малость в обмен на...

Всё?

Глава 6. Сусанин

Сусанин

Двигатель ревел, форсированным звуком взрывая тишину. Я летел на снегоходе в метель, замкнутую пространством между домами, словно скалистыми берегами снежной реки. Старательно лавируя, я гнал себя дальше. Я пытался вырваться на свободу, туда, где моя машина оторвется на полной скорости, устремится вперед, оставив позади наспех

укрытое белым дерьмо, увезет меня подальше от тех мыслей, что мешают жить. Увлечшись несбыточными местами, я едва не угодил в ловушку между двумя холмами, скрывающими большегрузы. Мне пришлось сбавить обороты и тут же резкий звук двигателя захлебнулся, придушенный навалившимся сверху снежным безмолвием.

И мысли. Воспользовавшись тишиной, они настигли меня.

— Слышь, Сусанин! — окрик Лехи, остановившего рядом снегоход, вгрызлись мне в мозг. — Семеныч восьмой.

— Как-нибудь до восьми считать умею, — зло отозвался я, думая лишь об одном — какого? Какого я не взял с собой фляжку? Вместительную такую фляжечку грамм на пол-литра. Конечно, можно было остановиться возле любого магазина, в крайнем случае, разбить стекло — если закрыто — и взять что душе угодно. Но... как бы это объяснить? Мне не хотелось пугать Владу. Девчонка и так дрожала, хоть и старалась виду не подавать. Тысячу раз... нет, пожалуй, восемь раз по числу трупов, я пожалел, что взял ее с собой. Теперь мне оставалось лишь двигаться, прокладывая фарватер для пары едущих следом снегоходов, каждым пройденным километром приближаясь к тому выключателю, которому одному под силу отключить эти гребанные картинки, возникающие в моей голове!

Пара глотков виски и...

...- Она мертва? — голос Лехи пробился ко мне издалека.

— Нет, блин, отдохнуть прилегла с дыркой в башке, — съязвил я.

Софья Николаевна возглавила список убиенных, но по времени первой не была, как выяснилось позже. Она лежала на кухне. Седые волосы слиплись от крови, глянцево блестели в подсохшей луже. Из разбитого выстрелом окна дул ветер. Снежный пух угнезвился на подоконнике. Холодно, промозгло. Я сидел на корточках и рассматривал труп.

И меня раздражали домочадцы Софьи Николаевны, сновавшие вокруг. Младенец лет двух-трех — кто их разберет? — пытался одолеть препятствие в виде мертвой бабушки. И, судя по всему, давно. Мальчишка в футболке и промокшем насквозь памперсе карабкался на труп, то и дело оскальзываясь на влажном от снега и мочи полу. Впрочем, начал он с лужи крови: темные пятна, отпечатки детских ладоней покрывали стены. Сам ребенок, перепачканный, серьезный, рассматривал что-то впереди, за пределами бабушкиного тела. Он падал и вставал, вставал и падал, шлепая губами что-то неразборчивое.

Младенец являлся не единственным раздражающим фактором. Мимо шастала то ли дочь покойной, то ли сноха. Довольно упитанная тетка неопределенных лет, имела наглость выражать вслух мысли, от которых через пару минут меня затошнило.

— Нет, ну разве я не права? — трещала она. — И эта сучка еще собирается учить меня жизни! У самой ни мужа, ни детей.

И дальше в том же духе. Без помощи усопшей, растрепанной тетке в халате скоро придет кирдык — и эта мысль меня согрела. Младенец сделал очередную попытку перебраться через бабушку и не удержался — упал, покатился к моим ногам. Мне захотелось вздернуть его за шкурку, перебросить через покойницу, но я сдержался. Стоило ли разнообразить его последние... Часы? Дни? Его зарядки надолго не хватит. Еще немного, и он умрет. Тут же, у ног бабули.

— Так что, Макс? — нерешительно спросил Леха. — Типа, пойдём?

Пуля вошла в левую половину лица Софьи Николаевны, вынесла ошметки мозга и черепа и застряла в стене. Черная дыра на щеке, с трещинами по краям смотрелась чудовищным жуком, присосавшимся к ране.

— Макс, — снова пристал Леха. — Чего с ней будем делать?

— Колюне скажем, — я дернул плечом.

— А мы к нему сегодня успеем?

Я не ответил. Поднялся. Мертвое тело, карабкающийся по трупу младенец, рассуждающая о какой-то сучке без пяти минут мертвая тетка — как выбросить все это из памяти? Но я знал способ: глоток виски и дурное воспоминание смоем волной.

... освобождая место новому. Однозначно неприятному.

Сан Саныч сидел в кресле на балконе. Он выглядел ужасно. Может потому, что умер уже давно, а может потому, что снег, лежащий на нем, успел несколько раз растаять. К ледяной корке на щеках, лбу, лепились свежавывавшие хлопья. И только странный провал в районе носа, да заиндевевшая на осколках стекла позади кресла корка указывала на то, что не по своей воле старик откинул копыта.

На балконе я не задержался. У меня зудело между лопатками. Умом я понимал, что киллер вряд ли ловит меня в прицел из дома напротив, но смелости сей факт не добавлял. Пригнувшись, я выскочил в комнату. Почти все домашние питомцы Саныча успели отдать богу души — пара внуков лежали, зарывшись в игрушках, тех, которые мне и не снились. И только на кухне едва передвигалась старушка — наверное, жена Саныча. Она шамкала беззубым ртом, переставляя кухонную утварь.

Я не хотел смаковать подробности, но стоило мне моргнуть, как всплывали негативы страшных кадров. Ревел двигатель, машинка смело покоряла снежные барханы. А я мечтал о волне, что смоем дерьмо с моей сетчатки!

Глоток виски — и растает в памяти образ Елены Николаевны, ничком лежащей в луже крови, странно плоским, развороченным выходным отверстием пули лицом уткнувшейся в кашку из осколков костей и вытекшего мозга.

Еще пара глотков унесет в пустоту удивленное лицо бабы Шуры, сидящей у стены и пытающейся остановить кровь из пары ран на груди в районе сердца.

Полстакана виски, не меньше — и подернется рябью картина с лежащим в сугробе у парадной Семенычем...

Не. Бутылкой виски я сегодня не отделаюсь. Вот о чем я думал, паркуя снегоход у ворот кладбища. Выпить хотелось катастрофически, но вместо этого, я напоследок зарулил к Колюне. Раз обещал.

— Я пойду с вами! — с места в карьер рванула Влада. Она первой ломанулась к ограде, и упала, едва не утонув в сугробе. Я протянул ей руку, помогая подняться — у меня не осталось сил с ней бороться и я кивнул.

— Как хочешь.

Она выбралась, неблагодарная, оттолкнула мою руку и гордо пошла вперед. Ну, насколько у нее получалось быстро идти по колено в снегу.

Я не был загородом почти год. В прошлом декабре Дашка вытащила меня в Ольгино, пообещав спа-процедуры, баню и бассейн. И еще кое-что, болезненно личное. Тогда снега не было. Так, обледеневшая, припорошенная белым земля, да слегка припудренные ветви деревьев. Поэтому сейчас я обалдел. В прямом смысле. Я не подберу слов, чтобы описать красоту природы. Пушистое, белое, точь-в-точь лубочная картинка прошлого века. Только Деда Мороза не хватало. Чтобы окончательно тронуться умом.

Влада брела, с трудом поднимая ноги. Ей было тяжело — еще бы, ведь она шла первой, прокладывая путь. Не пропадать же добру? Я старательно впечатывал берцы в следы от ее

ног. Такое счастье не могло долго продолжаться и оно кончилось.

— Иди вперед, мне надо сапоги поправить, — задыхаясь, сказала она.

Я пошел, почти не усмехнувшись.

Странно. Чистота, царившая вокруг, меня умиротворяла. Или смиряла с обстоятельствами. Иными словами, меня перестало преследовать видение Большой Бутыли, изгоняющей дьявола. Падал снег. Из сугробов росли могильные плиты, кресты и памятники. В полной тишине на нас смотрели лица с надгробий, провожали нас глазами, следя за каждым шагом. Крупные хлопья застревали на ветвях деревьев, скользили по мрамору, граниту, падали на наши капюшоны.

Колюня нас не встретил. У часовни, где мы обитались в последний раз, я остановился. Постучал, но ответа не получил. Тогда я нажал на ручку и дверь медленно открылась.

— Подождите меня здесь, — настойчиво попросил я.

— Макс, можно я тоже...

Влада начала канючить, но я ее не слушал. Готовый ко всякого рода неожиданностям, я ступил за порог. И испытал нечто сродни разочарованию: в комнатенке никого не было. Все та же аскетичная обстановка, диван, пара стульев, шкаф с иконами. Лишь в углу добавились поленица дров, да печка-буржуйка, как бы намекавшая на то, что ничто человеческое ее хозяину не чуждо. Я потрогал кованый бок — огонь давно потух, топка остыла.

— Никого нет, — сказал я в ответ на вопросительный взгляд Влады. Леха стоял поодаль, ворошил ногой снег, шумно сопел и на меня не смотрел.

— Колюня! — крикнула Влада, ненадолго потревожив тишину. Ее отчаянный призыв увяз в тоннах падающего снега.

Я осмотрелся. Если и были следы, то их засыпало. Я повернул за угол, на ходу вспоминая, в каком месте Колюня устраивал братский могильник. Влада двинулась следом, как демона вызывая хранителя кладбища.

— Колю!.. — ее очередное воззвание захлебнулось, перебитое решительным Лехиным:

— Слышь ты, Лада, помолчи, а?

— Леха, ты чего? — оторопела она. Я тоже остановился, интересуясь объяснениями.

— Говорю тебе — хватит орать. Чего тут непонятного?

— Это еще почему? Боишься потревожить покойников?

— Потому! Колюня. Ты не думала об этом?

— О чем, блин?

— О том! Блин. Может, он и есть киллер! Такая умная мысль в твою башку не приходила? — Леха шумно и продолжительно вздохнул. «На двух идиотов хоть один умный нашелся!» — в его вздохе так и сквозила снисходительность.

— Такая мысль не приходила, — подумав, честно признала она.

Пока дети препирались, я повернул еще раз и остолбенел. Вернее, остолбенел я чуть позже, когда по вполне сносно расчищенной от снега дорожке, прошел между деревьями. Мне показалась странной темная полоса, идущая до горизонта, но я даже не успел предположить, что бы это значило.

Открыв рот от удивления, я стоял на краю поляны — поля разрытой земли. Насколько я помнил, здесь оставалось много свободного места, теперь же распаханно было все. Чернела земля, недалеко гигантским ископаемым застыл экскаватор. Я не сразу сообразил, что именно беспокоило меня, но когда понял, мне стало не по себе: белые хлопья таяли, едва коснувшись братской могилы. Чтобы подтвердить догадку, я присел, зачерпнул ком земли.

Все так. Теплая.

— Ну вот и все, ребята, — услышал я голос Влады. — Он победил.

— Кто? — Леха опустил рядом со мной.

— Ад, — ответила Влада. — Он подтянулся к поверхности. К самой поверхности. Еще немного, и он выйдет наружу. И тогда...

— Тогда кончай, а! — отмахнулся Леха. — Еще одной тронутой нам тут не хватало!

— Ладно, хватит. — Я поднялся. — Пойдем в часовню, хоть записку Колюне оставлю. Надо предупредить.

— Ага. Предупредить надо — в любом случае, — скривился Леха.

— Что-то я не припомню, чтобы ты у Султана озадачился этим предположением, — я посмотрел парню в глаза. — Или ты подозреваешь одного Колюню?

— Я подозреваю всех! Как и ты, Макс. Но Султана меньше других.

— И чем же он заслужил такое доверие?

— Султан постоянно носится со своими бабами, и с хозяйством. Работенка киллера не для многоженца. Так мне кажется. Я тут перекинулся парой слов с Натахой, пока вы там с Султаном прохлаждались, да хачапури трескали. Он никуда не отлучался позавчера.

— Так она тебе и скажет! Она сейчас там главная Гюльчитай в гареме, что ж она, мужа не прикроет?

— Оно так. Только я еще и с Людкой парой слов перекинулся.

— Да? И когда ж это ты все успел?

— Пи... Болтать меньше надо было, — усмехнулся он.

— Может, ты и прав. Если только...

— Да все они там заодно! — выпалила Влада. — Сколько у нас трупов из тех, что вычислили? Восемь? Колюня под вопросом. И еще плюс Борюсик с Головастиком! Исключая этих двух алкоголиков, отстреливали в основном стариков. Не об этом ли Султан и мечтал? Избавиться от балласта. Разве не так?

Пауза. А потом мы с Лехой кивнули. В унисон.

Глава 7. Влада

Влада

«Жизнь моя тлела на конце сигареты. Я сама укорачивала ее, вдыхая как дым воспоминания».

Мне удалось всех обмануть. Они думали, я не слышу многочисленные перешептывания у себя за спиной, не вижу странные перемигивания. Конечно, потом будут мне выговаривать: «Ладочка, девочка наша, мы так готовились, а ты»...

А я неслась на полной скорости через Дворцовый мост, нимало не беспокоясь о том, что стоило снегоходу сломаться, и путь домой окажется чистой воды безбашенной авантюрой. По глубокому снегу, без лыж, целый день тащиться на Техноложку...

...И что? На мой взгляд, Сусанину даже льстило, что мы стали у него тусоваться. И выздоравливающий Кир, и Леха, и Алиска с Данькой, присмотревшие себе уютное гнездышко парой этажами ниже. Наша местная звезда перевезла одну сотую часть своих любимых шуб и украшений — что указывало на серьезность ее намерений. Обосноваться. Рядом. С человеком, который знал, как себя вести, когда у тебя прострелена грудь. Или что-нибудь, не настолько важное. И живое доказательство его врачебного таланта призрачной

тенью сновало по квартире, всеми оставшимися силами доказывая нам, что ему до выздоровления как кролику зимой до морковки.

Заезжал Верзила, иногда Яровец, Султан изредка привозил что-нибудь вкусное. Очень редко нас навещала троица во главе с Любой-Любашей. Оставались они ненадолго, явно приезжали сюда, не соскучившись по общению. Я решила, что они проявляются у нас... у Макса, чтобы показать, что еще живы.

Не знаю как кому, но мне... Зачем я так говорю, ведь я точно знаю — всем нравились вечерние посиделки у камина. Всякие мясные штучки, которые готовил на крыше на мангале Сусанин, и их дружеские перепалки с Данькой, и неожиданные философские всплески давно здорового Кира, и стрельба на задворках из всякого рода оружия, которой нас обучал Леха. И даже — не поверите — шоу высокой моды, которые нам устраивала Алиска. Я пыталась готовить... Ну, как готовить — печь. У меня было сухое молоко, мука и яйца — теперь мы брали их у Натахи. Я пекла блины и у меня получалось. Они ели. Я смотрела. С недавних пор я поняла, что терпеть не могу блины. Мы слушали музыку, смотрели киношки, играли во всяких там «крокодилчиков». Мне однажды даже показалось, что мы не только делали вид, что радуемся, но у нас стало получаться.

И все равно я слилась в день своего рождения. Я знала, что они готовят мне сюрприз и еще: я не хотела его принимать. Меня бесила необходимость делать радостное лицо, держать улыбку, стараться, чтобы все эти восклицания, охи-ахи, не слышались лживыми. Бр-р-р. Зачем мне такие сложности в свою днюху? Справиться с ролью на «отлично» я не могла, а «неуд» не заслужили поздравляющие. Они не могли подарить мне ни прежнюю жизнь, ни воскресших маму с Антошкой, так какой толк в сюрпризах? Вот почему я встала задолго до «подъем, детвора». О. Я оказалась еще более предусмотрительней — я оставила снегоходного коня подальше от нашей берлоги. И уехала, едва проявился рассвет. Я не знала, когда вернусь. В свой день рождения я предпочла делать то, чего хочу. Имею право, верно?

Снег перестал падать. Выглянуло солнце и случилось чудо. Я летела в пушистую снежность. Вспыхивали искры, я щурилась. Позади меня крутился снежный вихрь, несся за мной попятам. Я сама себе казалась снежной королевой, хранительницей снегопадов и начальницей метелей. Мне не хватало Кая. До смерти хотелось дать ему задание! Ему не обязательно было собирать из осколков слово «вечность», достаточно было ответить на вопрос: каким дьяволом случилось то, что случилось, и почему я — одна из тех, кто оказался во всем виноват?

Я кричала, я неслась вперед. За мной бурлила снежная жизнь. Я почти сжигала за собой мосты, почти не хотела возвращаться, почти готова была начать новую жизнь. С нуля. Одинокая, философствующая. Единственная из всех, способная не столько задать вопрос, сколько услышать на него ответ.

...А потом путешествие в сказку закончилось. Я не хотела здесь находиться — но стояла у парадной шикарного дома на Ваське, недалеко от гостиницы «Прибалтийская», и, сунув руку в карман, колола себе пальцы связкой ключей. Я слушала свое сердце, оно толкало меня вперед. Домофон не работал, я все равно приложила к нему брелок, мне хотелось соблюсти правила — я просто приехала сюда, спустя пять лет. И все. И ничего еще не случилось.

Мне исполнилось семь лет, когда мы сюда переехали. Тогда еще втроем — мама, папа и я. И выехали через четыре года тоже втроем. Только другим составом: мама, я и Антошка. После развода, отец купил нам хорошую трешку, в центре, с прекрасным ремонтом. Мама утверждала, что он порядочный и ответственный человек. А я-то знала, что это не так — он

пытался загладить вину. Передо мной. Такой вот наш с ним секрет.

Лестничная площадка не подарила мне запаха, знакомого с детства — здесь всегда пахло цитрусовыми, видимо, банальные чистящие средства, но пришлось бы кстати сейчас, верно? Теперь пахло плесенью и кошками.

Подниматься на восьмой этаж было трудно. Не физически, мне давила на плечи тяжесть предстоящего «свидания». Я остановилась перед дверью с цифрой «306», ключ в моей руке нагрелся и вспотел. Мама случайно увезла его с собой и пыталась вернуть — я точно знаю. Но отец отмахнулся. Он такой был — любую проблему предпочитал спускать на тормозах, в надежде, что все рассосется само собой.

Так случилось и со мной.

Я готовила ключ, я волновалась. Но дверь оказалась не заперта. Я вошла и встала, прислонившись к стене. Белый шкаф-купе, зеркало в золоте, обувь, аккуратно расставленная на подставке — все вывалилось оттуда, из детства. Два коридора: один вел через гостиную в отцовскую спальню, а другой, мимо сауны и туалета с ванной, в мою комнату. Я прислушалась к себе — что я чувствую? И не ощутила ничего — ничего от прежних чувств. Только грусть-печаль, но она точно была всегдашняя.

Солнечная и светлая гостиная приняла меня в теплые объятия, и сразу же из всех щелей ко мне запросилась память. За кожаный диван я забросила скомканный, вырванный из тетрадки по природоведению лист. Там красовалась двойка. Логично предположить, правда? — заслуженная оценка за мою лень рисовать кружки, отмечая погоду. Кстати, мама нашла листок. Был скандал. Я с трудом проглотила ком, застрявший в горле. У меня была хорошая мама. В тот же день вечером она вошла ко мне в комнату, присела на кровать и сказала:

— Знаешь, Ладушка, я тут подумала и решила извиниться. Я была не права, что так накричала на тебя. Разве моя любовь к тебе измеряется в хороших оценках? А если ты будешь троечницей, разве я стану любить тебя меньше? — Она наклонилась ко мне и поцеловала в заплаканную щеку. — Ни одна оценка в мире не стоит наших с тобой испорченных отношений. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, мамочка, — отозвалась я. И с моей души свалился огромный как скала камень.

У меня была лучшая в мире мама.

Я остановилась у закрытой в спальню двери. Воспоминание больно укусило меня — я маленькая с криком влетаю туда, бросаюсь на родительскую кровать, тревожа сонных маму и папу. Мне здесь семь лет и я безумно счастлива, но даже не подозреваю об этом. Позже я перестану так делать. И ни возраст, ни понимание сложностей отношений между мужчиной и женщиной тому причиной.

У меня была самая добрая и понимающая мама на свете.

— Ладушка-оладушка, ты должна понять, — сказала она мне после того, как мы переехали на новую квартиру. — Папа некоторое время не будет с нами встречаться. Он завел себе новую пассию.

Она сказала и я запомнила слово. И помню то чувство, которое оно у меня вызвало. Зачем? Она говорит это так виновато, словно я горю желанием встречаться с отцом. А я не горела — такой вот огромный секрет, который с трудом вмещало мое сердце. Но стало бы только хуже, если бы я выпустила его оттуда.

Я толкнула дверь в спальню, готовая ко всему. Но раньше чем увидела, я почуяла запах.

И узнала его — запах смерти и разлагающегося трупа. Папина белокурая пассива лежала на кровати укрытая до пояса одеялом, мертвая уже давно. Восковая кожа, обтянувшая скулы, блестела на солнце. Открытые глаза, в которых перекатывалось что-то белесое, без зрачков, таращились в потолок. Острый нос, утонувшие во рту губы, разбросанные по подушке волосы, пара сплюсненных блинов вместо груди с темными пятнами, расползающимися от сосков, застрявших в ребрах...

Я отпрянула назад, потянув за собой дверь. Все. Я решила, что мне хватит — развернулась, пошла назад. Ровно для того, чтобы из одного страха — где на кровати остался мертвец, попасть в другой, полным пугающе живых и необъяснимых с ходу звуков.

В коридоре что-то звучало. Шлеп-шлеп, шлеп. В тишине, в солнце, в столбах пыли-света я слышала звуки, которым неоткуда было взяться в мертвой квартире. Я поймала себя на том, что подпираю лопатками дверь, которую только что закрыла — я не ждала подвоха от гниющей тетки.

Сердце мое прыгало в такт. Шлеп-шлеп, шлеп.

— Пожалуйста-пожалуйста, не надо мной так, — я не узнала своего голоса. К кому я могла обращаться, кого просить? — Пожалуйста, мамочка.

Шлеп-шлеп, шлеп.

Неизвестность пугала до жути. Где-то на задворках сознания приютились обрывки мыслей: «...чем еще напугать?», «...тысячи мертвецов», «а медведь, медведь?!..», «бежать!!»

Путь к бегству отрезали звуки. Чтобы добраться до входной двери, нужно было сначала столкнуться лицом с тем, что там завелось, а я не хочу!

— Мама, мамочка, ну пожалуйста! Пусть это сдохнет там, в гостиной! Мама, мне страшно, ну пожалуйста, помоги!

Шлеп.

Когда оно возникло в коридоре — белое призрачное облако из костей, обтянутых кожей, я забыла как думать, как просить, как дышать. Я слушала стук сердца да шаркающий «шлеп-шлеп», звук, прилепившейся к шагам живого мертвеца.

«Ты уж определись — все-таки живого или мертвеца», — язвительная мысль вернула меня к жизни, потому что подспудно я узнала его. Хотя и не видела пять лет. Ходячий скелет: выпирающие ключицы, ребра на пересчет, тоненькие палочки ручек-ножек. Голый. Я отвернулась. Он так и продолжал обливаться холодной водой по утрам. Что и поддерживало в нем... Жизнь? Отец шел ко мне, с мокрых волос капало. Мне пришлось посторониться, чтобы дать ему возможность открыть дверь в спальню.

— Вставай, соня, — скрипнул он в задверную вонь. — Пора вставать.

Он вошел туда. Я слышала какие-то слова, возню. Потом отец появился. Уже в красных шортах, которые тут же свалились ему на бедра. Собравшись с мыслями, я вошла следом за ним на кухню, уселась на угловой диван, облокотилась на стол, подперев щеку рукой. Я смотрела, как хлопчет отец, как наливает в чайник воду из-под крана, как терпеливо ждет, пока она «закипит», как наливает ее, типа, горячую в чашку. Словом, выполняет действия, давно уже направленные не на то, чтобы поддержать жизнь, скорее, чтобы ненадолго отсрочить смерть.

Я дождалась, пока он сядет напротив со своим как бы чаем, чтобы сказать:

— Здравствуй, отец.

Он не ответил. Прихлебывал себе, отдуваясь, холодную воду и улыбался. Сомневаюсь, что выражение его лица осталось бы прежним, стоило ему увидеть меня по-настоящему.

Когда я родилась, ему исполнилось двадцать семь. Значит, сейчас ему сорок три. Вполне даже симпатичный мужчина — на фотках, развешанных над столом. Там был отец, пассия, Антошка, даже была мама. Меня там не было. И быть не могло. Они с пассией так и не завели нового ребенка. Мне казалось, я знала причину. В семь-восемь моих лет отец мог объяснить игрой те странные отношения, что возникли между нами. Сейчас он не смог бы ответить на прямо поставленный вопрос.

— Как живешь... вообще? — спросила я, чтобы разбить хрупкую тишину.

Отец улыбался и молчал, только еще начал притоптывать и покачивать головой в такт неслышимой музыки.

— Я не хочу называть это нехорошими словами. Педофилией, например, — впервые за все время я произнесла вслух страшное слово. — Но ты точно знаешь, что это так. Я всегда знала, из-за чего вы с мамой развелись. Ты боялся, что я все ей расскажу. Боялся, что не сможешь уверенно солгать, если она задаст тебе вопрос. Успокойся. Она умерла, так ничего и не узнав. Ты, может, знаешь, что у нее так и не было мужчины после тебя. Она тебя любила. А может, — я подалась вперед, — надо было все ей рассказать и разрушить, наконец, иллюзию? Может, тогда она махнула бы на тебя рукой и решилась бы на новые отношения?

— Наконец-то, — отец улыбнулся еще шире и потянулся ко мне через стол длинными костлявыми пальцами. От неожиданности я отпрянула. — Соня-засоня.

Я окаменела. Так же он называл и меня, когда приходил будить по утрам. И гладил, гладил — вот этими самыми костями, болтающимися на тонких, лишенных мышц руках.

Слезы катились по моим щекам. Раз проторив дорожку после смерти мамы, они уже не стеснялись. А если бы вернуть тот кошмар, но в придачу с живой мамой и Антошкой?

— Я согласилась бы, — выдохнула я, шмыгнув носом. — Слышишь, отец?

Он мучился от того, что происходило между нами. Я знаю, сколько сил от него требовалось, чтобы поддерживать при всех обычные отношения отца с дочерью. Лишь глаза — они выдавали его. Он никогда не смотрел мне прямо в глаза. А я оказалась честнее. Мамина фраза «поцелуй папу» вызывала во мне дрожь. Со временем все стали считать холодность частью моего характера. А я, чтобы поддержать имидж, стала без особой теплоты относиться и к ней. И к Антошке.

— Кто ж спорит? Ты права, — отец подмигнул мне. Или той, что мирно разлагалась в спальне и была однозначно права. Лучше уж так, чем изо дня в день шататься по квартире. И спать, обнимая труп.

— Я прощаю тебя, отец, — хотела торжественно, но вместо этого скомкано произнесла я.

И вдруг — на целый долгий миг мне показалось, что он сейчас встрепенется, посмотрит мне в глаза и скажет: «Владислава, ты?».

Чуда не произошло. В очередной раз. Все чудеса, пусть и со знаком минус, уже случились. Вот о чем думала я, спускаясь по лестнице. Мои мысли застряли в голове, пока я шла по снегу, пытаясь попасть в собственные следы.

Но мой маршрут закончился раньше.

— Стоять, — услышала я за спиной негромкий окрик. И еще. Звук передергиваемого затвора. И мои мысли, докрутив очередной виток, выдали практически слышимый голос: «Ну вот и все, Ладушка. Допрыгалась».

— Молодец, — похвалили меня. — Теперь поднимай руки и медленно поворачивайся.

Я так и сделала. Почти. Медленно и еще медленней я поворачивалась, ясно представляя, что мне предстоит знакомство с неуловимым киллером.

Правда, недолгое.

И перед смертью.

Глава 8. Сусанин

Сусанин

Я знаю, на что повелся. Да. Но обо всем по порядку.

Естественно, наша звезда умудрилась испортить нам праздник. Я имею в виду ее день рождения. Мне нафиг сдалась роль шоумена, профессионального устроителя сюрпризов, но, на мой взгляд, получилось бы вполне сносно. Чем можно обрадовать или хотя бы удивить человека, у которого все есть? Да любого из нас! Влада не Алиска, ее шубами не закидаешь. Ну, ввалились бы всей компанией в опочивальню нашей снежной принцессы с цветами — выросла какая-то яркая хрень у Кира в горшке, запустили бы шарик, отведали бы торт, который своими руками испекла Алиска. Исключая меня, конечно — экспериментировать на себе я не собирался. Торт на вид выглядел несъедобным, и я сильно сомневался, что он способен в полной мере раскрыться в моем желудке.

Праздничный денек не задался с самого начала. Я проснулся под осторожный стук в дверь и снова вспомнил, что живу не один.

— Ма-акс, спишь?

Глупее ничего спросить было нельзя, но на утренний сарказм у меня не хватило сил, поэтому я ответил:

— Заходи, Кир.

Парень боком втянулся ко мне в комнату. Мне кажется, ему понравилось болеть. Раны затянулись на удивление хорошо, оставив два рубца — на плече и спине, как напоминание о том, что случилось. Но мы все вошли в предлагаемые обстоятельства, мы привыкли обращаться с Киром как с хрупкой вазой. Стоило ему подняться с кресла, как находился кто-то, предлагавший помощь. Более того, когда он начинал говорить — слабым, беззащитным «меня так легко обидеть» голосом, как замолкали все.

— Макс, я беспокоюсь, — Кир сделал усталую паузу, словно на слова ушел весь лимит сил, отпущенных ему на сегодня. Но тут же добавил, натолкнувшись на мой суровый взгляд. — Влада уехала.

— Блин, — я приподнялся. — Давно?

— С час как.

— Куда не сказала?

— Мы с ней не разговаривали. Я услышал шум мотора — и то, только потому, что уже не спал. Сразу поднялся к ней. Думаю, если это не она уехала, то первым поздравлю ее с днюхой.

— Понятно. Почему мне не сказал?

— Я думал, она быстро вернется. А теперь... мне страшно. Я боюсь за нее. И главное, даже не знаю, куда ее понесло?

«Зато я догадываюсь», — хотел сказать я и промолчал. Достали меня эти детки.

— Макс, что будем делать?

— Ты — сидеть дома!

- А ты?

— На поиски отправлюсь! Хрен вас всех дерю.

— Что, даже не позавтракаешь?

От такой наглости я, уже начавший одеваться, оторопел.

— Я в том смысле, что, может, остальных разбудить? — добавил Кир.

— Ах, вот в каком это было смысле...

Я примерно догадывался, куда Владу понесло. А почему примерно — адрес-то я запомнил, но во мне отсутствовала уверенность, что Влада решилась, наконец, воплотить в жизнь свою «мечту». Что именно она собралась донести до трупа отца — подоплека предполагаемого визита осталась для меня за кадром. Особенно я задавался вопросом: почему эта потребность в «свидании» возникла так поздно? Единственное, что оставалось сделать сейчас — похоронить трупешник с почестями. Других версий раннего исчезновения Влады у меня не возникло, поэтому я летел на Ваську, сшибая сугробы.

На мое счастье снег перестал сыпаться и на небо выкатилось недовольное солнце. Слишком яркое. Я шурился, отыскивая колею от снегохода. Сначала я боялся ее потерять, но потом успокоился. След тянулся через Дворцовый, тем самым подтверждая мою догадку.

Я оставил снегоход на подступах к площади, на которую выходили фасады высотных монстров, по одной причине — мне не хотелось предупреждать Владу о своем появлении. Заистерит, выскочит с перекошенным лицом и гневным отчетом «могу я хоть пару часов побыть одна?!». Короче, я решил — пусть осуществит давно задуманное, а уж когда выйдет умиротворенная, тут я ее и возьму горяченькой. И всыплю ей по первое число.

Я думал о киллере и не думал. Сомнительно, что он успеет сориентироваться с такой быстротой, тем более, что идею навестить отца, Влада скрывала ото всех, мне она и то перепала случайно и по пьянке. Так что единственным возможным киллером с хорошей отработкой материала, был я. А я в себе не сомневался. Такая правдоподобная раскладка не помешала мне застегнуться в бронежилет и нацепить на голову шлем.

Как выяснилось позже, предосторожность не оказалась излишней.

Я засек его сразу, как только вышел к детской площадке. Вечные ветра Приморского района сыграли мне на руку — вдоль дома тянулась полоса, вылизанная от снега до мерзлой земли и бетона. Я двинулся вперед, стараясь оставаться в тени снежных холмов. У парадной стоял снегоход, оставленный Владой. И я видел еще кое-кого. И уже одно то, что на нем красовался камуфляж, наводило меня на грустные мысли. Невысокий, поджарый мужчина на фоне полузасыпанных снегом машин смотрелся весьма органично, то есть, сливался с окружающей средой. Он, также как и я, не мог дождаться выхода главной героини — цепочка ее следов обрывалась у крыльца распахнутой настежь двери. Мужчина притаился справа от снегохода, спиной ко мне. Временами он поворачивался, демонстрируя мне профиль с орлиным носом, поэтому у меня имелась возможность убедиться в том, что мы не было представлены друг другу. Кстати, с чего мы взяли, что на роль киллера может претендовать кто-то из известных персонажей? Наблюдая за движениями незнакомца, я склонялся к тому, чтобы поставить на темную лошадку. Я не заметил в его руках оружия. Сам я, притаившийся за трансформаторной будкой, давно грел в руке рукоять Гэшки. Шлем я снял, теперь мою голову прикрывала синяя шапка — прекрасная цель на белом фоне. Да, снявши голову, по волосам не плачут — остальная одежда под стать шапке, сплошной де-камуфляж. Однако, подкравшись так близко к незнакомцу я решил, что смогу держать ситуацию под контролем. Я мог пристрелить его в любой момент, но проще уж дожидаться развития событий, чем задавать вопросы с заведомо лживыми ответами.

Появление Влады я проворонил. Негромкий окрик «стоять», буквально вытолкнул меня

на поле боя, готового нажимать на спусковой крючок. Я не выстрелил сразу только потому, что побоялся убить его к чертям собачьим. Мне не хватало еще одной Верки!

— Молодец, — сказал мужчина. — Теперь поднимай руки и медленно поворачивайся. Дуло пистолета в его руке «смотрело» чуть в сторону.

— Ты тоже, парень, — громко сказал я, — руки подними. И давай без лишних движений.

Много позже я осознал, насколько рискованными были мои действия — ведь он мог выстрелить в любой момент, но тогда я с удовлетворением заметил, как дрогнула спина в камуфляже, как потянулись вверх руки.

— Бросай оружие. Подальше, — приказал я.

Мой приказ выполнен безоговорочно — черной вороной пистолет пробил дыру в сугробе.

— Слышь, парень, — начал обезоруженный, но я его перебил.

— Слушать будем только меня. Разворачивайся. Медленно.

На меня, оценивая, уставились два карих глаза на небритом, в морщинах лице.

— А, — как будто облегченно протянул незнакомец, — ты тот парень, что собирал всех. Ну что, получилось?

— Обо мне поговорим потом, — с нажимом сказал я, не сводя с него черного глаза Гэшки. — Ты что за хрен с горы?

— Человек.

— Да ладно, человек он. Человек человеку в затылок не целится. Поправь меня, если что не так.

— Слышь, парень, я тебе и пытаюсь объяснить! Пистолет не заряжен! Сам проверь! Это я так, для антуража. Типа, припугнуть. Смотрю, девчонка одна заехала в мои края...

— А? — я его перебил. — В твои края? Я правильно услышал?

— Это, мужики, — вдруг подала голос Влада. — Я уже могу повернуться?

— Блин, Влада, кончай давай, — досадливо отмахнулся я. — Дуй ко мне. Оружие подними. Посмотрим, кто кого тут за лоха держит.

Очень гордая Влада двинулась к месту временного захоронения оружия. Она делала вид, что абсолютно спокойна, но ее руки дрожали, когда она передавала мне пистолет. Макаров, все просто.

— Система знакома? Помочь? — предложил свои услуги незнакомец.

Сказал, вроде, без подколов, но все равно мне почудилась издевка.

— Помоги, — согласился я. — Заткнись, хорошо? Влада, возьми у меня Гэшку. Держи его на мушке. Дернется, ну, ты поняла.

— Э, парень, ты уверен? — забеспокоился мужик. — Надеюсь, он на предохранителе?

— И не надейся, — заверил его я.

Выщелкивая магазин, я догадывался, какой результат получу. Уж слишком уверенно вел себя мужчина. Так и оказалось — обойма была пуста. На всякий случай я нажал на спусковой крючок, целясь в сторону. Мои действия сопровождались уже откровенно насмешливым:

— Убедился, Фома неверующий? Говорю ж тебе, пошутить хотел...

— Пошутить? — я позеленел от злости, выхватил у Влады оружие и направил незнакомцу в лицо. — Так? Так пошутить хотел? Тебе смешно, мля?

— Э, э, — мужик пятился, увязая в снегу.

— Не слышу смеха, — я наступал. — Смотри, какая классная шутка! Сейчас все вместе и поржем! После тебя, блин!

— Слушай, слушай! Я признаю — был не прав! Малость переборщил! Ну, прошу прощения! Остынь, парень!

— Макс, — Влада потянула меня за рукав, — оставь его, а? Хрен с ним. И с его шутками. Ты ж видишь, он не тот, кого мы ищем. В противном случае, я бы с тобой уже не разговаривала.

— Я ж извинился, парень! — завел шарманку «шутник». — Ну, перестарался малость. С кем не бывает? Появился бы ты чуть позже, мы б уже с девчонкой веселились...

И меня, начавшего остывать, завело снова.

— Ты клоуном что ли был, шутник? Шуток тебе мало? Посмотри вокруг — одни, мля, шутки! Заводит тебя это? Тыкать в человека стволом — это тебя заводит?

Я наступал, он пятился. Ничего не говорил, только мычал нечленораздельно. Потом остановился, принимая грудью ствол. Скажу честно, я боролся с желанием выстрелить. Перед глазами маячила пришибленная спина Влады, поднятые руки и втянутая в плечи голова.

— В гробу я видел таких уродов, — процедил я.

— Так стреляй. Чего ждешь? — мужик разлепил потрескавшиеся губы.

— Ма-а-акс, не надо, — шептала Влада. — Оставь его. Я уже не злюсь. Пожалуйста, не стоит...

Я резко выдохнул.

— Еще оружие есть, — сквозь зубы спросил я.

— Есть, — мужик облегченно перевел дух. — Шокер, перцовый баллончик и нож за голенищем сапога.

— Держи руки. Посмотрим. — Влада с готовностью приняла Гэшку, пока я обыскивал незнакомца.

Мужик не солгал. Каждый, извлеченный на свет предмет он сопровождал пояснениями.

— Шокер вообще классно помогает от собак. Не пробовали, нет? Необязательно направленного действия, достаточно нажать. Их пугает звук и запах озона. Разбегаются на раз-два-три. А баллончик на тот случай, когда зарядка кончается. Да и шокер только на собак действует, на кошек... Леди, а вы разве не в курсе? Может, в центре больших кошек и нет, но у нас тут развелось, хоть отстрел начинай. Типа рыси, но побольше. Понятия не имею, откуда они взялись... А это обоймы от Макарова, забыл сказать. Всегда отдельно ношу. Когда оружие заряжено, так и тянет пострелять. А я никого не хочу убивать. Даже медведей... Как это каких медведей, молодой человек? У нас тут и белые водятся... И пусть водятся. Я так считаю. Будущее все равно за ними.

— Ладно, опускай руки, — разрешил я. Мне сильно хотелось прервать словесный понос. — Макаров пока у меня побудет. Где обитаешь?

— Тебя, кажется, Максим зовут? — вместо ответа спросил мужчина, растирая затекшие руки. — А меня Герман. Помните, в «Пиковой даме»? Уж полночь близится, а Германа все нет...

— Информация жить не мешает? — участливо осведомился я. — Так где обитаешь, Герман?

— Вон в комплексе, неподалеку, — он махнул рукой. — Приглашаю в гости, а то я в центр не часто выбираюсь.

— И как именно — не часто? Когда ты там был в последний раз?

— Да уж и не помню.

— Тогда уточняю: снег уже выпал?

Герман усмехнулся.

— Издалека, смотрю, заходишь. Да я и был там пару раз. Летом.

— Откуда знаешь, как меня зовут?

— А ее Влада, верно? — опять не ответил на вопрос Герман. Мне пришлось повторить настойчивей.

— Я слышал, как ты всех созывал, типа, на собрание. Ну, сразу после того, как все началось. Я даже приходил туда, в бывшую гостиницу «Ленинград». Так, не заметно. Интересно было, что ты скажешь.

— Оправдались? Ожидания.

Герман неопределенно пожал плечами.

— С самого начала было понятно, что ничего не получится. Кто ж по доброй воле бросит родных? Года через два, не раньше. Если, конечно, кому-то и захочется начать новую жизнь. Лично мне — вряд ли. Каждый взял на себя крест и будет тянуть его до конца дней. Кто-то ухаживать за близкими, кто-то закапывать мертвецов...

— Не слишком ли много ты знаешь, для отшельника?

— Так... это, я был еще на одном собрании. Инкогнито, так сказать. Давно. Там выступал этот юродивый с кладбища. Коля, кажется.

— Сам ты юродивый, — обиделась за Колюню Влада.

Наш новый знакомый нахмурился, но ничего не возразил.

— Поехали? — Влада посмотрела на меня вопросительно.

— Ты все дела закончила? Помощь не нужна?

— Закончила. Не нужна.

— Ладно, поехали. А ты какой крест на себя взвалил? — поинтересовался я напоследок.

— Так, я ж в гости вас и приглашаю. Поехали, покажу.

— Забавно. И назови мне хоть одну причину, по которой меня должно это заинтересовать.

И тогда новый знакомец сказал ту самую фразу, на которую я повелся.

— Да потому, что только я могу ответить на вопрос: что здесь происходит.

Мы ехали недолго. По западному скоростному диаметру, мимо грандиозного сооружения — нового стадиона, монстра, напоминающего лежащего на спине краба, перебирающего тонкими стойками выдвинутых вверх прожекторов. Мы неслись по мосту, раскинувшему горбатую спину над водной серостью залива. Вдалеке от берега маячила белая махина шестизэтажного теплохода, наверняка под завязку заполненного трупами. Моего воображения не хватало, чтобы представить себе тех немногих из самых живучих, существующих среди гор мертвецов.

Вслед за провожатым мы свернули на мост, ведущий к новому жилищному комплексу. По мере движения вспыхивали и гасли окна в домах. Под нами медленно шевелилась водная гладь. Не знаю, что забыло солнце в перекатывающихся волнах залива — вода блестела, упираясь дорожкой в горизонт. Без всякой мысли я вкатился через арку в цитадель огромного комплекса. Как у всех новоделов, у него тоже имелось романтическое название. Раньше было проще и центр города остался в памяти по именам бывших владельцев — доходный дом Лидвалей, Горбова, Корелина и так далее. Последним застройщикам

приходилось пускать в ход фантазию, пришпоривать, так сказать, Пегаса по самое не балуй. Вот так и росли из земли цитрусово-мандариновые, царственные гиганты. Перед смертью город разросся и я сильно сомневаюсь, что на ближайшие пятьдесят лет хватило бы приличных названий. А с последним курсом, направленным на обматеризацию всего, что двигалось и нет, недалеко был тот день, как к романтике добавилось бы матюговое окончание. И от какого-нибудь жизнеутверждающего «Живи в Приморском», осталось бы просто «Живи, бля».

По крайней мере, у меня возникало желание переименовать железобетонное жилище, когда я въезжал под каменные своды, заслонившие солнце.

Каюсь. При первом взгляде на идиллию, зажатую в цитадели, со всех сторон окруженную стенами, я онемел. Мое под-сознание вдруг одержало верх над сознанием — мне реально показалось, что я вернулся в прошлое. Во дворе кипела жизнь. На детской площадке резвилась ребятня. Я уже забыл, как выглядят девчонки и мальчишки, а также их родители — но! Тепло, по погоде одетые, блин! Мелькали разноцветные куртки-шапки, на лавочках сидели мамы, у автомобилей, очищенных от снега, копошились отцы.

— Приветствую, Васильич, — произнес наш новый знакомый, обращаясь к возникшему на крыльце седовласому мужчине. Тот не ответил. Промаяхнувшись мимо нас с Владой, он скользил рассеянным взглядом по двору.

— Герман, как? — удалось выдохнуть Владе. — Разве так можно?

— Я говорил уже, милая леди. У каждого свой крест. Кто-то закапывает трупы — и мечтает только о том, чтобы всем место нашлось в общей могиле, а кто-то всеми силами поддерживает жизнь.

— Ты называешь это жизнью? — криво усмехнулся я.

— А ты? Назовешь это смертью? Даже сломанные игрушки получают вторую жизнь, а что уж говорить о людях.

— Игрушки. Это понятно. Не наигрался еще.

— Называй как хочешь, — Герман покачал головой. — Я не могу дать им реальную жизнь, но смерть я им дать также не готов. Бросить, уйти? И через месяц собрать как урожай трупы? Я не готов с этим грузом жить...

— О себе заботишься, значит.

— В конечном итоге, может, ты и прав. Были б силы, я бы обо всех позаботился.

— Короче, готов потратить на это всю жизнь? Свою реальную жизнь?

— А ты? — он повысил голос. — На что готов ее потратить? Возродить человечество? Какие высокие цели, и все для того, чтобы оправдать бездействие! Просто есть, просто пить, просто трахаться...

— Слышь, — начал я, но седовласый шизик, все еще стоящий на крыльце, меня перебил.

— Утро доброе, Герман, — он в двухсотый раз созрел для ответа. — Погодка стоит прям летняя... Я тоже так считаю... На дачу, а то как же?

Его слова как катализатор, внесли диссонанс в отлаженный механизм подобия прежней жизни. Из него стали вываливаться детали, скрипеть шестеренки, сбойть система зажигания. «Петя, осторожней, не ударься», — выговаривала молодая мамаша пустой горке, молодой мужчина открывал и закрывал капот черной Тайоты, разговаривая с кем-то невидимым, чей-то юный отпрыск производил манипуляции руками и ногами — и я уже не рискнул предположить, что там складывалось в его мозгу из велосипедно-самокатного передвижения.

Открылась дверь, вытолкнула на крыльцо очередного жителя игрушечного домика — босого, раздетого пацана. И тут же Герман сорвался со своего места.

— Вовка, ёлы-ж-палы, опять...

Наш новый знакомый подскочил к ребенку, откуда-то из загашника в подъезде выудил сапоги, куртку, шапку. Мальчишка не сопротивлялся, стоял спокойно, давая надеть на себя теплые вещи. Тупо, как манекен, он вставлял руки-ноги в рукава-штаны и все время повторял: «Мам, ну, мам».

Влада отвернулась. Опустив голову, она стояла, ковыряя носком снег. Мне грустно стало за Германа. Он напоминал мне человека, пытающегося запустить бумажную модель самолета. Пыхтел, ругался. Раскручивая картонный винт, старался не замечать, как порвались и бьются на ветру бумажные крылья.

— Пойдем, а? — попросила меня Влада, ее белые пальцы давно теребили мой рукав.

— Это все, что ты собирался нам показать? — мне пришлось крикнуть, так как Герман отошел. Он неслышно ругался, нахлобучивая свалившуюся шапку на очередного игрушечного человечка. Наш знакомый вздрогнул, только сейчас вспомнив о нашем присутствии.

— Нет, что ты, — донеслось до меня. — Идите за мной.

— Макс, — нахмурилась Влада, — ты же не думаешь, что у него есть что сказать?

— Доведем до конца, раз уж мы здесь. И закроем тему.

— Каждый сходит с ума по-своему. Но он не киллер, я думаю. Просто больной чел.

— Можешь остаться здесь. Я тебе все расскажу.

— Вот уж нет. Это у меня сегодня день рождения! И я готова принимать подарки!

Она решительно меня обошла и двинулась вперед, за Германом. На этот раз у нее получилась поистине царская походка — долго ли, на расчищенном от снега асфальте? Глядя на то, как она виляет бедрами в обтянутых джинсах, мое гнусное настроение стало улучшаться.

Проводник не оглянулся ни разу. Шел себе, ссутулившись, вдоль дома, по направлению к арке, ведущей к набережной, нимало не заботясь о том, идем ли мы следом.

— Ты, правда, думаешь, что ему есть что сказать? — намеренно замедлив шаг, обернулась ко мне Влада.

Я неопределенно дернул плечом.

— Посмотрим. Недолго осталось.

— Надеюсь, — проворчала Влада.

Герман нырнул в арку, пошел дальше, благополучно достиг границы светотени и исчез. Из туннеля хлынули потоки света, растворяя его силуэт. Когда из темноты арочного свода мы шагнули на простор набережной, залитой солнцем, я ослеп.

— Боже, это что? — услышал я. Открыл слезящиеся глаза и не увидел ничего нового.

Передо мной в каменные берега толкались подсвеченные солнцем волны, летали чайки, далеко в море стыл на ветру белоснежный лайнер. Серела дорожка следов, оставленная Германом. Он стоял на открытом пространстве, раскинув руки, и улыбался. Меня неприятно резанула ассоциация со статуей Христа где-нибудь в Рио-де-Жанейро. Я оглянулся на Владу, ожидая пояснений к ее восклицанию. Открыв рот, она смотрела вверх. Я тоже поднял голову и...

...и потерял небо. Его не было. На том месте, где оно должно находиться, темнел город. Тот же город, в котором родился, вырос и жил я, только висящий вверх тормашками.

Необходимость описать словами увиденное, до сих пор вводит меня в состояние транса,

а тогда я вообще забыл, где нахожусь. В смысле, в пространстве. Я видел город с высоты — заснеженные крыши, перекрещенные темными провалами улиц и проспектов, блестящие золотом купола соборов, змеящиеся тела каналов и рек. Я видел, как по дорогам осмысленно движется транспорт, как идут пешеходы. Обычная жизнь большого города, которому ничего кроме осадков не угрожает.

Мираж? Слишком четкий, чтобы быть иллюзией.

Обман зрения? Ну, тогда уж и слуха. Я слышал отдаленный гул, шум машин, одиночные всхлипы сирен.

Что? Где? Оно висело надо мной или я висел над ним? А возможно единственно правильная точка зрения лежала между нами и все мы — и верх, и низ — были плоскими. И жизнь равно отсутствовала как там, так и здесь.

Я задышался. Как во сне до меня доносились слова, которые, оказывается, говорил Герман.

— ...все как всегда. Это не мы потеряли их, это они потеряли нас. Мне хочется верить, что там — внизу... наверху, они так же трепетно ухаживают за нами, как мы здесь. Так происходило и будет происходить постоянно. Мы — сохраненная версия. И таких версий — каждый день, угасающий мирно и сам по себе. Подумайте, почему каждый день должен заканчиваться, когда часы показали ноль часов и ноль минут? А если нет? Если каждый день отходит на небеса и там не принудительно, а тихо умирает. И мы сами умирали с каждым из тысячи дней. Но в этот раз — наша очередь осознавать то, что происходит. И на вопрос «почему именно мы», ответ прост. Случайность. Рандом. Так происходит всегда. И в каждый день выпадают единицы тех, кто вынужден понимать и принимать происходящее. Мириады, бесконечное количество одновременно существующих дней. С разной степенью обреченности, но безусловно стремящиеся к нулю: сначала умирают миллиарды людей, потом мыслящие единицы, потом город, планета, солнце...

Я слушал его и не слышал. Голова кружилась. Я медленно падал наверх. Я...

— Почему именно день, а не месяц, год? — услышал я свой голос.

— Один оборот вокруг своей оси — логично, да? Обернулась наша планета и отщелкнула день. Пусть себе живет и умирает. Вечно. А уж, что прицепилось, то прицепилось.

— Я хочу туда, — повторила мою мысль Влада. — Макс, мы поднимемся на крышу!

— Бесполезно, милая леди, — сказал Герман, хотя мне казалось, он полностью ушел в себя. — Я поднимался на воздушном шаре. Там ничего нет. Пустота.

— Я очень хочу туда, — жалобно попросила Влада.

— Это невозможно. Ты знаешь. Потому что ты там есть. И еще пять тысяч таких же ты. И все они жили и умирали столько же раз. И еще столько же будут жить и умирать в каждом дне. Кроме этого. В этот день нам повезло.

— Повезло... Повезло, — с разной степенью сарказма эхом отозвались мы с Владой.

— Думайте, как к этому относиться. Вы — одна из собственных версий, и вам решать, что делать — в очередной раз жить, или в очередной раз умереть. Хотя лично я думаю, — он светло улыбнулся, — что выбора у нас нет.

Глава 9. Влада

Влада

«На краю пропасти не бывает выбора. Есть только шаг назад».

— Забавно, да? — Яровец хмыкнул. — А я уж было подумал, что все стало по-прежнему.

Он улыбался. Улыбались все сидящие за столом. Им было смешно. А мне страшно. Вдруг так легко представилось, как все они, те немногие шизики, оставшиеся в живых, придут в себя, выздоровеют, вспомнят и ужаснутся. И потихоньку вернутся к прежней жизни. Но маму с Антошкой уже будет не воскресить.

— Что вы тут смешного рассказываете? — капризно вытянула губы Алиска. — А я все прослушала!

В честь встречи Нового года, Алиска вырядилась Снегурочкой. Ну, как Снегурочкой — такой вот королевой секс-шопа. Белая короткая шубка, то ли из горностая, то ли из песца, то ли из неизвестного мне зверя, сапоги, шапка, из под которой весело торчали две косички. И Дед Мороз под стать ей — бритый, с шубой, распахнутой до пупа, с белой приклеенной бородой из которой торчала дымящаяся сигара. Оба они, и Алиска и Даниил, основательно покрасневшиеся, основательно подшофе. Яровец тоже «отъехал». Его глаза плавали в тумане, фокусируясь только на немыслимом по выпуклости подачи Алискином декольте. Естественно, как он мог отказать такой девчонке в невинной просьбе?

— Как я могу отказать такой прекрасной Снегурочке? — развел руками Яровец, едва не расплескав рюмку водки, надолго застрявшую в его руке.

— Слушаю-слушаю! — Алиска утвердила свое «богатство» на столе. — Я тоже хочу знать, что там было прикольного!

— Да говорю ж я, чуть умом не тронулся, — заговорил Яровец, держа рюмку на весу. Я уже не помнила, за что был тост, поэтому хлебнула шампанского из бокала безотнositельно к церемонии. — Видимо, я никогда до этого, не выходил из квартиры именно в эту минуту! Короче, сталкиваюсь я с соседом нос к носу. Я, это, подкармливал его иногда. Нормальный такой был парень, квасили иногда вместе. Он курить выходил ненадолго. Ясное дело, куревом я давно его не баловал. Я и сам-то это дело не приветствую. Так вот, собрался я уже уходить, как вдруг слышу: «Я смотрю, ты все бегаешь от меня?». Оборачиваюсь — смотрит на меня Толян в упор. И я, главное, давно должен был привыкнуть к таким совпадениям, но тут растерялся. И тупо спрашиваю: «Кто, я?». «Ты, ты!» — и так влопад отвечает, что у меня челюсть отвисла. «Забыл, — говорит, и головой так печально качает. — Так я не гордый, я тебе напомню». И смотрит мне, блин, прямо в глаза! Я и повелся. «Что ты имеешь в виду?» — тупо так спрашиваю. «Удивляюсь я прям на таких людей, как ты», — говорит он мне, а сам нехорошо так улыбается. И ко мне идет. Скажу прямо, я не то, чтобы сттрухнул, но мысль во мне проклюнулась чудная. Что если кончилась вся эта катавасия, а? И все вернулось на круги своя. Жена там, дети... Короче, рванул я назад в свою квартиру. А у самого поджился трясутся. И этот гад, слышь-ты, вслед мне кричит: «Давай-давай, я подожду!». Залетаю в квартиру, с порога ору: «Галка, Женька, Игорек!» Пока понял, что все по-прежнему, пока разобрался. Выхожу на лестницу, а там Толян стоит, сам с собой разговаривает. Как всегда. И не скажу, чего больше я испытал — облегчения или разочарования...

Я не стала повторно слушать эту ерунду, в середине рассказа встала, захватила с собой бокал и пошла к окну. Пострадать.

Что еще банальней можно было придумать? Конечно, собрались в Зимнем. С моей точки зрения вид из окна мог повергнуть в депрессию и самого жизнерадостного человека. Из оставшихся в живых. Белым-бело. Никаких следов присутствия людей. Город лежал в

коме. Или уже в саване. Нева давно стала — теперь каменные парапеты набережных удерживали огромное белое поле. Там, вдаль, из пушистой снежности пробивались опоры мостов, берега Петропавловки, тянулись к солнцу Ростральные колонны на стрелке Васильевского. Все обреченное, без вины приговоренное к пожизненному заключению. Такую картинку выдавала моя память — мы собрались при свете дня. Теперь за окном все утопила темнота.

За то, что в Павильонном зале царила светлая и теплая атмосфера, надо было сказать спасибо мужчинам. Надо было, но я не сказала. Мы могли собраться в любом зале, но выбрали этот не столько за помпезность, сколько за механические часы с павлином. Нам обещали завести их в полночь. А пока золотые птички скучали, уныло повесив носы. Я чувствовала себя также. Хреново. Собралось много народу. Султан привел почти весь свой гарем и надо отдать ему должное — стол тетки накрыли на славу. Все вкусное, домашнее. Троица во главе с Любой-Любашей, обещала нам устроить настоящее фейерверочное шоу. Данька с Алиской взвалили на себя роли раздатчиков сюрпризов, Сусанин даже умудрился привезти с десятков уцелевших стариков, мирно напивающихся в арке, на красных бархатных диванах. Разумеется, на приглашение откликнулись и Яровец с Верзилой, в числе остальных давился водкой Леха. И еще — на углу огромного стола пристроился Герман. Хотите секрет? Это я настояла на его присутствии. Знаете мой аргумент? Да ладно, не поверю.

— Надо его позвать, Макс, — попросила я его заранее, чтобы успеть пройти стадии от «на хрена?» до «хрен с ним». — То, что он не подходит на роль киллера, вовсе не значит, что он не смог бы с нею справиться. Может, он хороший актер. Давай попробуем расслабиться хотя бы на одну ночь. Пока они все под нашим присмотром...

— Я понял, — Сусанину ничего не осталось, как только вздохнуть устало. Против последнего аргумента он не устоял.

Герман не отказался. Может, и хотел, да прикрыться оказалось нечем. Чем он мог оправдаться? Что не может оставить без присмотра свору шизиков? Так что пораскинул мозгами и согласился, как миленький. И сидел потерянный, ближе к старичкам. С таким видом, будто бы оторвали его, бедненького, от важных дел, а он вынужден был согласиться, поскольку чувствовал себя виноватым... Как это за что? За то же, за тот случай при знакомстве. Без камуфляжа она выглядел шуплым. И отрешенным. Под стать своим домашним питомцам. Небритый, в сером джемпере, он будто не видел и не слышал того, что происходило вокруг. Он отошел от дома, населенного шизиками, но там и остался. Он продолжал разговаривать с ними у себя в голове, решая каждодневные задачи.

О Колюне не было ни слуху, ни духу. Мы заезжали на кладбище пару раз — никаких следов присутствия. И земля — по-прежнему горячая, черная, считавшая себя свободной от обязательств перед зимой.

Почтила нас своим присутствием Тая. Сидела себе в компании Любы-Любаши, выбеленная до снежности, в кожаном брючном костюме и делала вид, что ей весело. Сама Любочка, зачем-то побрилась в честь праздника. Слушала, что ей говорили и одобрительно хмыкала время от времени, ловя оголенным от волос черепом блеск электрических свечей.

— Хороший вид из окна, — хихикнули за моей спиной и я увидела на стекле отражение Кира.

Он слонялся за мной весь вечер, мешая мне сосредоточиться и довести себя до слез.

— Знаешь, о чем я думал, когда пуля попала мне в грудь? — спросил он у своего отражения. — Боль была такая, что я боялся вздохнуть. Думал, умру.

И ведь нашел же тему, подлец!

— Я не дышал, сколько смог. Шел, даже не думая о том, что может быть второй выстрел. Удачней первого. Я зажимал рану, кровь все равно текла между пальцами. Знаешь, такая отвратительно красная на белом... Но тогда я об этом не думал.

Я вздохнула, отхлебнула из бокала, и отвлеклась от собственных переживаний.

— Так о чем ты думал?

— Я не знаю, можно ли назвать это мыслями. Мне нестерпимо... Прямо серьезно, у меня даже помутилось в глазах, захотелось... Только не смейся, ладно?

Я обернулась, чтобы разглядеть слезы в его глазах. И поняла, что сейчас мне будет не до смеха — как бы не расплакаться.

— Мне захотелось домой. К маме. Я остановился. Капала кровь. Я думал о том, что никому не нужен. Что мне некуда идти. Что некому за мной ухаживать. Что если я сейчас упаду...

Он говорил отрывисто, пытаясь уйти от слез в голосе. Я залила шампанским колющий шар в горле, протолкнула его вниз и только тогда смогла говорить.

— Перестань, Кир, — я осторожно коснулась его руки. — Ты не один. Я не одна. Мы вместе.

— Да, Влада. — Слеза все-таки выкатилась из его глаза, он быстро втер ее в щеку. — Мы не выбирали тех людей, с которыми оказались в этом зале... В этой жизни. Я знаю, кого оставил бы я, будь у меня такая возможность. Догадываюсь, кого оставила бы ты. Но... Случайный ли выбор, или намеренный, я...

— Надо жить, Кир.

— Надо?

Он так настойчиво спросил, столько острой боли было в одном слове, что я не нашлась с ответом. Любые слова казались лживыми, не способными оттолкнуть от той пропасти, что начиналась с честного ответа. Нет, не надо.

— Все грустите, да? Все под ноги себе смотрите, — воодушевленным волнорезом голос Султана рассек общий гул. — Чего вы хотите там разглядеть, кроме грязи и своих следов? Э! Поднимите глаза! Там звезды! Надо видеть звезды! Не хочешь? Заставь себя смотреть на звезды!

— Правильно говоришь, Султан! — сорвался кто-то из старичков.

— Хватит уже ныть, да? — все больше заводился Султан. — Хватит вопросы задавать — зачем, почему. Я фильм помню. Там мальчик один умирал. Осталось ему жить пару недель. Так к нему пришли мама-папа, спросили: чего ты хочешь? Он подумал, говорит: музыку хочу слушать любимую. Рэп там, металл. А родители говорят: зачем это еще? Будешь слушать Баха, классику там. И знаете, что ответил мальчик? Уж лучше сразу умереть!

— Все верно, Султан! — Галина Ивановна не сдержалась, покинула свой диван и пошла к столу.

— Нет, а что? Неправильно говорю? — зачем-то спрашивал Султан, как будто не видел, что с ним все согласились. Кто вслух, кто головой кивал. Даже Герман одобрительно хмыкнул. — Не хочешь жить — в сторону отойди! Другим не мешай, да? Жизнь разная. Не бывает всегда прекрасная. Но жить — хорошо!

— А хорошо жить еще лучше! — Григорий Петрович вспомнил фразу из забытого фильма и старички засмеялись.

А мне стало тошно. Посиделки скатывались в пьянку. Горели свечи, ждал своего часа

унылый павлин. Прерывая болтовню Кира, я ходила за шампанским, каждый раз думая, что за последний. Делать это становилось сложнее. И не потому, что я понемногу пьянела. Мне приходилось идти сквозь гул реплик, которые неслись в меня со всех сторон. Я уворачивалась от них, как от стрел, пущенных в сердце.

— ...и тихо так умерла. Уж не знаю от чего, все у нее было. Уже и кровь горлом шла, а она все улыбалась, и все спрашивала у меня: «Чайку горяченького подлить?».

— ... правда-правда. Мне лично ничего больше и не надо. Вот сяду я с внучатами. Они играют, у меня на сердце спокойно. Так и дожить свои дни хочу, чтобы...

— Разве я не права? Зачем ты на зиму побрилась, Любаша? Лысинка на морозе не мерзнет, а?

— ...только мне не говори, Макс. Хочешь сказать, что тебя не бесит та шобла, что у тебя собралась? Ты ж одиночка по жизни!

— Говорю ж тебе, это точно был он! Я еще в своем уме. Я ему ору: «Колюня, Колюня!», а он шмыг в подворотню. Искал его, так и не нашел. И главное, следов никаких нету...

Они опомнились ближе к полуночи. Разорались, разгалделись. Будто от того, что они проворонят точное время, Новый год мог не наступить. Они вспомнили о павлине, втокнули Верзилу в клетку с золотыми птичками, как к дикому зверю. И сгрудились вокруг, тиская в руках приготовленную шипучку. Я до последнего не верила, что получится. Он возился со всякими штуками, заводя механизм и молчал как партизан, не реагируя на бесконечные «ну как?». А спросили, по-моему, все. Кроме нас с Киром. Они не смогли замолчать даже тогда, когда закружилась стрекоза, отсчитывая секунды, когда под мелодичный звон колокольчиков повернулась клетка с совой и отчаявшийся павлин поднял, наконец, голову. И только когда всеором открылся блестящий золотом хвост и петух, застывший в углу клетки, стал издавать странные звуки — вот тогда установилась тишина.

Правда, ненадолго. Полетели в расписной потолок пробки из-под шампанского, застряли в балкончиках, выдвинутых в зал, а за окном зимнюю полночь расцвели петарды. Напрасно Снегурочка с Дедом Морозом пытались привлечь всеобщее внимание, раздавая прикольные подарки, явно взятые из магазина диковинных штук — всем было до них, как до далекой звезды.

Я вышла через коридор в соседний зал, в темноту и холод, застегнув толстовку. Раньше умели строить — так всегда говорила моя мама. Меня встретила ласковая тишина. Она потекла мне в уши, нашептывая слова, которых не было на самом деле. Конечно, фейерверки, взлетающие с Дворцовой площади — это круто, но моя душа хотела видеть звезды. И стоило мне посмотреть в сторону Невы, как свершилось чудо — я их увидела. Много. С замиранием сердца я ждала, когда с небосвода отвалится и полетит вниз хоть самая плохонькая. Я точно знала, какое желание загадаю. И пусть не надеются — я не буду его думать, я скажу вслух. Я крикну так, что вздрогнут стены!

— Ждешь, когда упадет звезда?

Как ему удалось подойти так близко? Я чувствовала его дыхание, согретое спиртным.

— Жду, — призналась я.

— Я знаю, что ты собираешься загадать.

— И я знаю, что я собираюсь загадать, — эхом отозвалась я.

На небе перемигивались звезды. Мы молчали.

— Ты же собиралась написать желание на бумажке, сжечь ее и съесть, — напомнили мне.

— Глупости все это.

— А что не глупости?

— Знаешь, Макс, — я обернулась, едва не задев его. — Мне нравится версия Германа.

— Даже так?

— А что в ней плохого? Мне хочется верить, что где-то там, в космосе, по-прежнему вертится наша Земля. И там живу я. С мамой, с Антошкой. Вечно недовольная живу, даже не понимая, насколько я счастлива.

— И еще тысяча таких ты медленно умирает день за днем...

— Ну и что? Я умираю с улыбкой, без боли. И вряд ли понимаю, что происходит. И пусть я несчастлива в тысячах днях, хоть где-то я счастлива! И эта мысль меня согревает.

— Человек — странное существо. Ты счастлива в единственном мире, и даже не подозреваешь об этом. Чепуха все это. Я скорее поверю в том, что вот был мир. И его нет. И наша матушка-Земля не дни использованные отщелкивает, а отбросила раз и навсегда один отработанный и не оправдавший себя элемент. Людей. Очистится со временем и заведет себе новых, более благодарных питомцев. А мы? Случайно прилипли, как пепел к сухой пятке.

— Точно сухой?

Насколько я помнила, пословица звучала как-то по-другому. Я прыснула от смеха, Макс тоже не сдержался. Мы смеялись, даже не замечая, как становимся ближе друг другу. Мы опомнились, когда его руки легли на мои плечи, одна упала ниже, прижимая меня так крепко, как только возможно. Я не могла вздохнуть. Я подняла голову и наши губы столкнулись. Мягко — Макс внушал мне то, о чем я старалась не думать, настойчиво вытаскивая из памяти постыдное, замусоренное, лежащее на таких задворках, что проще было сжечь, чем найти. Его поцелуй был таким нежным, таким уступчивым — стоило мне чуть отодвинуться, чтобы он отступил. Я таяла, я принимала все таким, как есть, я растворялась в чувствах, что несмело, медленно, но неизбежно приливной волной поднимались откуда-то из глубины живота...

— Лада! Ты здесь?

Кир крикнул так, что у меня заколотилось в висках. Я открыла глаза, разглядела Макса, уже стоявшего чуть поодаль. Он перевел дыхание и отодвинулся еще дальше. Хотя куда уж? Я начала скучать по теплым объятиям, по нескончаемо долгому поцелую.

— Я здесь, — хрипло отозвалась я и закашлялась.

— Ты же обещала! — тон его голоса по капризности не уступал Алискиному. — Что мы побродим по залам! Ты ведь обещала! Я тебя жду, жду...

— Сейчас пойдем. Раз обещала.

Мне хотелось что-то сказать Максиму напоследок, но подходящие слова не нашлись. Я только помялась с ноги на ногу и пошла к Киру. А когда мы вместе вошли в свет и суету, я поняла, что должна была сказать.

— Слушай, Кир, там очень холодно. Ты не помнишь, где я пуховик бросила? Принеси, а?

— Ага. Я сейчас.

— И свой захвати!

Крикнула я ему вслед и бросилась назад, одержимая желанием рассказать о своих чувствах.

— ... на малолеток потянуло.

Женский голос в темноте остановил меня.

— Чего ты хочешь, Тая?

Макс спросил спокойно, но я, зная его, уловила в его голосе раздражение.

— А ты в курсе, сколько б тебе за нее дали в прежние времена? — она его не слушала.

— Это все, что тебя волнует?

— Меня? С какой стати это меня должно волновать?

— А разве нет? Если уж ты шпионить за мной начала.

Воцарилась пауза. Я слышала лишь чье-то дыхание.

— А ты у нас весь такой правильный, да? Прямо эталон праведности, — наконец, нашлась с ответом Тая.

— На эталон не претендую, но шпионить ни за кем тоже не собираюсь.

— Праведник он, — я услышала неприкрытую ненависть в ее словах. — Компашечку себе подобрал, заботится обо всех, папочка. С малолетками трахаешься...

— Тебе есть еще что сказать? Нет? Тогда я пошел. Смотри, Тая, не захлебнись. От злости.

Послышалась возня и тихое, с угрозой Максово «пусти».

— Дашку свою давно видел, праведник?

— Замолчи.

— А чего ты мне рот затыкаешь? Правда глаза колет?

Шаги и стремительный, набегающий волной крик Таи:

— А ты в курсе, что твоя Дашка беременна? Как ты ее трахал? Как куклу, да? И пока ты здесь с малолетками ошиваешься, твоя любимая жена рожать будет! И я сильно сомневаюсь, что у нее получится! Как тебе такая новость, праведник?

Глава 10. Сусанин

Сусанин

Я летел в ад. И внутри меня тоже бушевал ад.

Жалкая сучка врала!! Не могла эта хрень быть правдой. Да, фигурка у Дашки изменилась — где-то добавилось, где-то убралось. И что? У всего есть объяснение: малоподвижный образ жизни, питание странное. Но я давал ей витамины, чтобы сбалансировать недостаток!

Полная чушь. Белобрысая сука пошла зря... Меня передернуло, я крутанул руль, едва не влетев в заснеженный бок автобуса. Я никогда! Слышишь ты, тварь! Никогда не спал с Дашкой после начала мутотени!

Блин. Там же девять месяцев должно пройти, да? И если открутить все назад, то как раз и будет май. Самое начало. Мы не предохранялись уже полгода. Решили, что если у нас получится, то вполне можем себе позволить ребенка. Дела у меня на работе шли в гору...

Бред. Я бы заметил. Обязательно заметил. Или... нет? Когда я последний раз видел Дашку голой? Черт. Не помню. Я не помню!!

Ревел двигатель. Луч фонаря бешеной собакой метался по подворотням. Из моей разгоряченной головы высыпались все мысли. Я уже не понимал, где они кончаются и начинается реальность.

А вдруг? Если предположить невозможное — вдруг она и правда беременная? Я адресовал вопрос Медному Всаднику, на пару секунд вспыхнувшему в темноте. Он промолчал, тыча рукой куда-то вдаль. Дескать, мужик, ты уж разберись самостоятельно, ок?

— Бред! Бред!! Все вранье!

Я орал снежным холмам, коню, вставшему на дыбы — до всадника было не докричаться. Снегоход заносило на поворотах, я с трудом выравнивал его, заставляя двигаться в правильном направлении.

Ночь, снег. Хаос в моей голове. Все переплеталось, смешивалось.

- Сучка! Сучка! — кричал я, уже не зная кому — Тае или судьбе.

На повороте на Садовую снегоход взревел и стал заваливаться. Я вцепился в руль, выравнивая машину. Сквозь рокот до меня долетели слова:

— Макс, я прошу тебя! Успокойся, пожалуйста! Мы перевернемся!

Тонкие белые руки, выпавшие из рукавов, обхватили меня. Я не помнил, как она оказалась за моей спиной. Сама ли напросилась, или я настоял. Я, наверное. Да потому что боялся ни хрена не понять! Хотя... Что она может понять — девчонка. Или... девчонка девчонку всегда поймет, и возраст тут не при чем? Я не собирался полагаться на случай. Есть же всякие тесты на беременность. Что там нужно для того, чтобы он сработал? Моча? Достанем мы эту чертову мочу! Дашка ночью в туалет ходит, вот и подставлю ей банку...

Сука, сука! Чтоб слова застряли у нее в глотке!! Я не трогал Дашку с мая месяца! Май, июнь, июль, август... Черт, черт!! Почти девять месяцев. Это ж должно быть заметно! Какой там живот по размеру на таком сроке? Да не мог я не заметить!! Или мог?.. Я сто лет не видел ее голой. Чего там рассматривать? Ходила себе в моей старой футболке и ходила бы еще сто лет. Я давно перестал к ней относиться, как к жене. Близкое существо, за которое я несу ответственность... Черт, что я говорю? А может, у нее непорочное зачатие? Так сказать, новый Завет нового Мира? Или еще хуже, кто-то воспользовался моим отсутствием и...

Я схожу с ума. Луч фонаря прыгал с сугроба на сугроб, я ввел машину в колею, которую оставил вчера и забыл о дороге. Только на подсознании отмечал очередной световой отрезок — конечную точку, до которой мне предстояло добраться. По возможности, живым.

Машину бросило на повороте. Закричала Влада. Я тормознул, но поздно — мы стали заваливаться набок. Еще секунда и мы рухнем. На такой скорости нас развернет и закрутит и если не сшибем кучу закрытого снегом дерьма у обочины, вернее, если там не кроется ничего опаснее трупов, то может, отделаемся переломами... Сработало бешенство, сидевшее у меня внутри. Неимоверным усилием, выбивая из плеча сустав, я заставил машину грохнуться наземь. Лязгнули механизмы и мотор затих. Фонарь светил по-прежнему, будто нарочно вычлняя из темноты дверь с надписью «Аптека. Часы работы».

— Цела? — не слыша себя, спросил я.

— Не знаю. Наверное, — дрожащим голосом ответила Влада и добавила лишнее, что я услышал уже на ходу. — Успокойся, Макс! Давай во всем разберемся спокойно! Еще ничего неизвестно, а ты уже завелся! Может, Тая соврала!

Я рванул дверь на себя, но она не поддалась. Не раздумывая, я выхватил из кобуры пистолет, снял с предохранителя. Я стрелял в стекло, в тишину, в обстоятельства, заставляющие меня снова и снова нажимать на спусковой крючок. Я смотрел, как сыпались осколки, я слушал звуки выстрелов, которые эхо катило куда-то к Невскому. Мне было почти хорошо, все уравнилось — хаос, царивший внутри, выплеснулся, чтобы затопить все снаружи.

— Макс, дверь открыта, — позвала меня Влада. — Ты просто открывал не в ту сторону. Мне было все равно. Я вошел.

Полутьма плохой подсказчик. Карманный фонарь в моей руке прочертил светлую дорогу в стеллажах, заваленных банками-склянками. Я слабо представлял, как выглядит то, что я ищу. Я заметался по аптеке, сметая все на своем пути. Соображать под грохот падающих микстур было сложно. Угасшая было ярость, разгорелась с новой силой. И я нашел выход — стал крушить все подряд. Запах стоял убойный — видимо, разбилось что-то вонючее. На очередном витке разрушения в свете фонаря возникла Влада. Бледная, она стояла передо мной, протягивая мне с десяток каких-то коробок.

— Смотри. Я нашла, — сказала она.

— Этого хватит? — спросил я.

— Хватит.

Я сгреб коробки, сунул их за пазуху.

— Пошли, — бросил через плечо. И вышел так же, как и вошел — через окно. Застрявший в раме осколок, висящий сверху, мазнул меня по щеке.

— Ты порезался, — участливо выдохнула Влада, встретив меня у входа.

Я отмахнулся от ее слов, как от назойливой мухи. В снегу отыскились мои следы, оставленные накануне. Зная, что вряд ли буду способен на визит первого января, я лишний раз проверил котел, обновил запасы провизии — пластиковые баночки из под йогурта, в которые я давно подкладывал что посерьезней, щедро пересыпая витаминами.

Подморозило. В небе, затмевая свет звезд, рассыпались огнями фейерверки. Ребята старались. В темноте двора, под хруст снега я стал успокаиваться. Глупости, Тая соврала. Такого просто не могло случиться. Эта мысль тут же накрылась второй — даже если все подтвердится, я справлюсь.

На такой оптимистической ноте я открыл дверь и вошел в тепло и темноту прихожей. Я зацепился плечом за косяк в спальне, нащупал выключатель. Слабенькая, шестидесяти ваттная лампочка осветила большую кровать, на которой спала Дашка, укрытая до подбородка одеялом. Моя девочка, моя мерзлячка. Она вечно жаловалась на то, что мерзнут плечи, поэтому и спала в моей футболке.

Я откинул одеяло и застыл. Меня нестерпимо пугала возможная правда. Нет, я хотел ее знать, но только ту, удобную, которая позволила бы мне выдохнуть и послать нах... эту гребаную сучку.

Дашка лежала на боку, прижимая колени к животу. Они мирно похрюкивала во сне. В голове мелькнуло, почти обыденно — интересно, они смотрят один и тот же сон, или каждый раз разные?..

— Макс, тут даже без теста... — начала Влада и не договорила.

Ее слова молотом ударили в мою голову. Я нагнулся, подцепил руками футболку. Яростно рванул, бросая вызов тем, кто лишил меня выбора — даже не сейчас, а тогда, давно — и в этой постели мы могли бы лежать вдвоем. Счастливые. Мертвые.

Не то, чтобы он был огромным, просто несуразно большим на ее хрупком тельце. Он выглядел словно присосавшаяся в животу опухоль, что-то скрывающая внутри. Отлично просматривались странные уплотнения, выпуклости под тонкой кожей, покрытые тонкими нитями сосудов.

— Дашка, зачем? — жалко спросил я, заранее обвиняя в том, в чем не было ее вины.

— Ма-акс, — забеспокоилась Влада. — Даже хорошо, что мы узнали. Видно, что срок поздний. Я в том смысле, что уже скоро. Ты не можешь вспомнить, когда вы были вместе в последний раз? Макс, ты можешь сказать мне все. Даже если...

— Может, она просто заболела? — я не хотел слушать Владу. — Бывают же всякие болезни. Водянка там... Надо покопаться в справочнике.

И в этот момент, отвергая мои усилия обратить правду в другую веру, на Дашкином животе что-то вздулось, поерзало и убралось назад. Я вздрогнул, отпрянув, едва не свалился, споткнувшись о прикроватную тумбочку.

— Я знаю, как называется эта болезнь, — Влада придержала меня за руку. — Она называется беременность. Если хочешь, Дашка больна. Твоим ребенком.

— Мне нужно выпить. — Я расстегнул куртку, на пол посыпались ненужные коробки.

На кухне, сжимая в руке стакан с забытым виски, я сидел, совершенно не представляя, что делать дальше. Ехать к Султану? У него там баб в возрасте до фи́га, может, и найдется кто-нибудь, кто примет роды. Литература там, справочники... И еще медикаменты...

— Так ты можешь ответить на вопрос? — Влада села на диван напротив. — Просто это поможет установить срок. Мне нет дела до всяких моральных вопросов...

— Тебя интересует, спал ли я с ней после того, как все случилось? Тая может засунуть свои грязные слова себе в задницу. После того, как все началось, даже в такую больную голову как моя, подобная мысль не приходила! Я люблю... любил ее. Она была моей девочкой. Я кормил ее, укладывал спать... Обнимал...

Меня накрыло. Слова пристыли к горлу. Я одним глотком осушил полстакана виски.

— Не переживай ты так, Макс! — напомнила о себе Влада. — Справимся!

— Справимся. Смешно. Ты даже не представляешь себе, о чем говоришь. Нашлась тут. Знаток.

— Что ты вообще обо мне знаешь? — вдруг прорвало ее. — Да я заботилась об Антошке с первых дней! Когда маму выписали, отец вообще к Антошке не подходил! Бабушка и дедушка в Выборге. Так что это я помогала маме! Купала его, кормила. И что такое маленький ребенок уж знаю побольше тебя!

— Ладно, ладно. Успокойся. Разоралась.

— Я спокойна. И еще. Мне кажется, у нас появилась надежда.

— Думаешь? — я понял ее с полуслова.

— Надеюсь. В любом случае, помни, ты не один.

Я не сдержался, усмехнулся.

— Ерунда все это, Лада. Обман. Мы все одиноки. Каждый из нас. Это кажущееся не-одиночество вынужденное. Ты что же думаешь, раньше та же Натаха спала бы с Султаном? Или в обычной жизни Алиска обратила бы внимание на Даньку?

— А ты на меня? — подсказала мне Влада.

Я посмотрел на нее. Она занавесилась волосами, но губы ее дрожали.

— Ладушка-оладушка...

— Скажи мне, что все не просто так. То, что происходит между нами.

Трогательная, милая, она пробила меня до глубины души, напомнив прежнюю Дашку.

— Иди ко мне.

Она безропотно подчинилась, обошла стол и села ко мне на колени, заполнив пустоту между распахнутыми руками. Теплая, отзывчивая, она обвила мою голову, заставив уткнуться носом в тонкую шею. Туда, где билось сердце, стремительно отсчитывающее бесконечные тук-тук. Я прижался губами к ее шее, коснулся маленького уха, спрятанного в волосах. Она задохнулась, опустила голову, нашла губами мои губы. Горячая волна накрыла нас обоих, вошла внутрь, переиначила все по-своему. Одним росчерком пресекла тревожные

мысли, часть отправила в прошлое, часть в будущее. В настоящем осталось хрупкое, податливое тело, так настойчиво отзывающееся на ласку.

Исполняя свой ритуал, пошла в туалет Дашка. В разорванной футболке, из которой торчал большой живот. Зачем-то постояла у входа на кухню, равнодушно окидывая взглядом наши обнаженные, блестящие от пота тела...

Я проснулся ближе к утру, на наспех разобранным диване в гостиной. С трудом разлепил глаза, отыскав в темноте разбудившую меня Владу.

— Макс, я не хочу тебя пугать, — сказала она. — Но у твоей Дашки, кажется, отошли воды.

Глава 11. Not found

Not found

Прикольно. Получается, нашлись слова после смерти. Я посмеялся бы, если б смог.

Смотри, у каждого пути должен быть свой конец. Плохой, хороший — отдельный разговор. Я не об этом. Вот ты вышел такой весь бодренький, посвистываешь, и все у тебя вери гуд. И внутри все поет, потому что ты знаешь, конец вот-вот, короче, скоро. Проходит там час, полтора, а еще не видно ни конца, ни края. И птички в твоей душе такие напряглись и о-па — подзабили малёхо на песни. Ты устал. А все идешь, но уже понимаешь, что всякие «вот-вот» и «скоро» не для тебя. Единственное, что тебе остается — это терпение. Нет, ты с удовольствием положил бы на него, но темы это не отменяет. Ты все равно, на хрен, идешь. И птички давно сдохли, и на душе тоска. А теперь самое страшное. Ты хочешь ведь знать правду? Ты начинаешь подозревать, что не знаешь куда и когда придешь. Незнакомое чувство, верно?

Ты, правда, такой идиот, или тебе все разложить по полочкам? Жизнь это наша — вот, что я имею в виду. И песни у тебя поются только тогда, когда ты знаешь, когда твой конец. Смешно звучит? Да поясню, не ссы. Мы все считаем, что наш конец прячется между цифрами восемьдесят-девяносто. А потом вдруг ты начинаешь понимать, что все может сложиться по-другому. Что ты, вроде, не обязан отбрасывать коньки так поздно, а когда — неизвестно. Во-от. Стоит тебе это понять — и ты попал. Завтра, сейчас, потом — для тебя вполне реальные отрезки пути, а для твоей смерти — пшик, капля на раскаленной крыше.

Ненавижу всю эту философскую хрень. Объяснил как смог, а ты понимай как хочешь. Скажу честно: я не отмерял себе ни восемьдесят, ни девяносто. Но и не думал, что все случится так скоро. И вообще, была мыслишка считать себя бессмертным. Ну, смейся, смейся. Давай, делай вид, что знал, что на уме у того, кто это затеял. Но я ж мог надеяться, да? Когда все вокруг шизанулись, я стал избранным. А что, разве не так? Каждый бы на моем месте подумал бы то же самое. И ты! И ты! А результат?

Кровь, поначалу хлещущая из моей груди, свернулась. Пальцы, которыми я зажимал рану слиплись. Глаза остекленели, сердце не билось. Дверь за человеком, который меня убил, закрылась и мне некого стало ненавидеть. Мимо ходила Машка-Надюха, отмеряя себе шаги обычными чтоб-ты-сдохами. А я молчал. Я умер.

Я сдох.

А еще пять минут назад... Правда, я бы обосрался от смеха: пять минут туда я был жив, а пять минут сюда — меня и хоронить будет некому. Сколько времени я тут проваляюсь один, прежде чем ко мне присоединится Машка? Сплошная романтика, если она окочурится прямо у моих ног. Знакомо чувство, когда не сбываются мечты? Так вот — этого не будет. На пятнадцать часов тридцать с лишним минут две тысячи хрен кому интересного года я

мертв.

А Машка жила. Ходила себе такая обычная мимо, не обращая внимания на ту лужу, что из меня натекла. Она даже умудрилась вляпаться в нее и теперь весь пол украшали кровавые следы. Благодарности от Машки не дождешься... Да и поздно мне уже ее получать.

Сказал бы мне кто утром, что умру, хоть поржал бы напоследок. Первый раз за три последние дня, три дня сплошной задницы, которая с каждым часом становилась полной. Нет, я понимал Макса, что ж я, совсем ку-ку? Ему было трудно пережить смерть жены, но тащить сюда орущего младенца — выше моего понимания. Орал он всегда в одно и то же время, как ни старался нас Макс убедить в обратном. Шизик его сынишка. У кого хочешь от этого крыша съедет. Даже у меня подтекать начала от его постоянных «видишь-видишь, он вчера обоссался на полчаса позже». Все понимали правду. Да и он тоже. Только признаться смелости не хватало. Они все прыгали вокруг красной сморщенной личинки. У меня, например, духу не хватило к ней прикоснуться, особенно если б я точно знал, что оно убило мою жену. Выползло наружу, оставив ее истекать кровью.

Макс ходил убитый, но не пил. Ясно ж — боялся, что некому будет памперс поменять, если батя уйдет в отрыв. Всю комнату забил какими-то коробками, пакетами, игрушками. Конечно, мне захотелось свалить из этой дурки. Несмотря на то, что поначалу я решил, что Машка дней пять без меня обойдется.

Ежу понятно, что возврата к прежнему нет. Ухаживать пожизненно за взрослым мужиком, меняя ему подгузники? Зашибись. Кошмар похлеще улицы Вязов. Так что я уехал ни на время. Пора было возвращаться в свое логово, вешать на окна жалюзи, пополнять запасы. И чего-то ждать. А чего?

Когда такие мысли лезли в мою башку я зверел. Потому что вывод у всей этой фигни назревал один — прибиться к стае Султана. Там, по крайней мере, мне светит трахать одну из его нелюбимых жен, хоть эту толстушку Людку. Насколько я знаю, в те края еще киллер не добрался, так что имелась реальная возможность выжить. До самой смерти. Охренительная перспектива.

Снега не было почти неделю. Погода стояла ровная и температура где-то минус пять, семь. Сугробы поджались и обмякли. Я нашел колею, которую оставил еще до Нового года и перся себе по ней на снегоходе, не спеша. По пути заехал в ближайший строительный, захватил там жалюзи. А потом уже пешком до подъезда, благо идти было недалеко.

Машка встретила меня любезно.

— Что б ты сдох, — «вежливо» сказала она.

— Только после тебя, подруга, — как всегда отозвался я.

Пока я доставал стремянку, искал инструменты, вешал жалюзи, Машка трепалась, типа, по телефону, прижимая к уху ладонь. Я не выдержал — на очередном забеге сунул ей в руку свой старый мобильник.

— Добрый я, мля, сегодня, — буркнул я и сам проникся своей добротой.

Я вкалывал до обеда и примострячил-таки жалюзи. Правда, только в гостиной. Пусть получилось кривовато, зато работало. И сразу, без переходов, мне стало лучше.

— Ну что, Машка, пошли праздновать Новый год? — повеселел я.

Машка не ответила, но я знал — она не против. Чуть позже она потянется за бутылкой. Я бросил взгляд на опустевший бар. Черт, винишко кончилось, да и съестным не помешало бы разжиться. В честь праздника. Ничего не попишешь, пришлось выдвигаться.

Я выгрузил половину продуктов и занес в комнату. Я оставил дверь открытой,

рассчитывая вернуться за второй порцией. Поставив пакеты на пол, я обернулся и остолбенел: передо мной стоял человек в маске. И так до боли знакомо на меня смотрел ствол. Наверняка, можно было потянуть время, попытаться завалиться за стол, поиграть в прятки! Оружия здесь не было, ножи прятались в необозримом далеке. Я мог бы продлить свою жизнь!...

А я продолжал стоять истуканом, не отрывая глаз от черной точки. Где-то в глубине души я всегда знал, каким будет мой конец пути. Не тогда, давно, а сейчас. Все равно он достал бы меня на каком-нибудь очередном отрезке, а так... пусть мои птички пели до конца.

Короче, я смирился. Как замороженный следил за тем, как сжимается палец на спусковом крючке. И в этот момент возникла Машка. Она вклинилась между убийцей и мной, бормоча свой обычный бред. И я — нет, чтобы подставить ее и откатиться в сторону! Не знаю, что на меня нашло. И объяснить себе так и не смог, и уже не успел. Я бросился к ней, рванул за плечо, сталкивая с линии обстрела. Она упала, налетев спиной на стул.

Грохнул выстрел. Я сначала не понял, что все свершилось — меня словно всего опустили в кипяток. Потом нестерпимо зажгло в груди. Я еще падал, когда мой убийца снял маску.

«Ты?» и «Зачем?» — два вопроса столкнулись в моей голове, взорвались, унося меня в темноту. Даже не пообещав мне, сука, света в конце туннеля.

Весна. Глава единственная. Влада

Часть третья
Весна
Влада

«Будешь смеяться, делай это громко. Смех у тебя однозначно неприятный. Мне будет не так обидно».

Кому-нибудь. Кто сможет читать.

— И все это ты мне говоришь теперь? Именно теперь?

— Лада...

— Ты не набрался смелости сказать мне все это почти три месяца назад? Когда, по сути, я принимала роды?

— Лада, послушай меня. Только спокойно, пожалуйста...

— Ты молчал, когда кровь лилась по моим рукам, а из Дашки вываливались какие-то внутренности? Когда я одной рукой держала Костика, а другой пыталась запихнуть в нее какую-то кровавую хрень — даже не зная, нужна была она ей? А в это время что делал ты? Репетировал свою речь, когда потерял сознание и грохнулся рядом? Хочешь знать, что в это время делала я? А в это время я как шальная металась по квартире, искала эти проклятые ножницы, потому что иначе они никак не разделялись — умирающая мать и орущий младенец!

— Владислава! Послушай же меня, наконец! — Макс, пытаюсь вклиниться в мой монолог, вознамерился схватить меня за руку, но промахнулся. Я сделала очередной виток вокруг кровати, на которой мирно спал Костик. Его не будили громкие звуки. И не потому, что младенцы мало что воспринимают в свои считанные месяцы — так ему было предписано вести себя в единственный день, отпущенный на всю жизнь.

— Я искала долбаный алкоголь, чтобы обработать всю эту текущую хрень, резала этот сизый кожаный шнур, забитый кровью, перевязывала пупок какой-то подвернувшейся фигней! Я делала то, что слышала мельком — где-то в кино, читала в каких-то забытых книгах!.. А единственный взрослый человек, который мог бы что-то мне подсказать — хотя бы, потому что на подхвате должна была быть я!! — что делал ты?! Валялся на полу!!

— Лада, замолчи!! Я слышал это сотню раз! И сотню раз просил прощения! Я безумно тебе благодарен! Но! Так получилось! — он втянулся в общий ор.

— Почему ты мне не сказал этого сразу? Когда очнулся и увидел меня, залитую кровью — Дашкиной кровью, которая вытекла из нее за пять минут. А я не знала, что делать и попросту заткнула ее подушкой! Что мне оставалось делать? Я не знала, как не дать ей умереть!! И вот ты пришел в себя, увидел меня, блин, такую — кровавую мадонну с младенцем на руках — и ничего мне не сказал!! Я понимаю, трудно собраться с мыслями, когда видишь такое. Ладно, я готова простить и то, что было после — пока я занималась младенцем, мыла его и кутала во что придется, ты страдал над телом Дашки...

— Владислава!

— Не ори на меня!! Мы уходили оттуда через день. Целый день у тебя был на то, чтобы посвятить меня в дальнейшие планы. Но! Похоронив Дашку и забрав орущего Костика, мы

поехали сюда, оборудовать быт... Я что-то не так говорю?

Макс выдохся. Сидел у стола, тиская в руках рожок, и рассматривал пухлую рожицу младенца.

— Почему ты не сказал мне все в первое время? — уже тише продолжала я, хотя в моей душе продолжало все клокотать. — Ты успокоился, все вошло в обычную колею — кормежка, мытье, памперсы. Почему ты не решился тогда?

Он молчал, не глядя на меня. Я подошла к нему, подвинула ближе стул и села. Мне было важно поймать его взгляд, но он ускользал, концентрируясь на младенце. По расписанию, тот должен был вот-вот открыть глаза.

— Не надо мне в очередной раз отмазываться тем, что тогда ты еще ничего не решил. Я тебе не верю, — устало сказала я своим рукам. — Ты все решил сразу. Просто ты слишком нуждался в моей помощи первое время.

— Может, и так, — вдруг впервые за последний день я услышала правду, и силы разом оставили меня.

— Зато честно, — голос мой дрогнул.

— Ты была мне очень нужна. Я много раз тебе говорил, что без тебя...

— Теперь я тебе не нужна, — сказала не потому, что фраза с легкостью вылетела из меня. Я хотела быть уверенной до конца, хотела поставить точку. Или провести ту линию, под которой остаются цифры — сухой остаток. Без крови, без боли, без слез.

— Ладушка, — его мутило от честных слов. Он всегда предпочитал дерьмо в красивой обертке. То, которое и пытался мне сейчас всучить. — Мне тяжело тебе это говорить, но уехать просто так, не сказав ни слова — еще хуже. Хотя, проще. К тому же, я рассчитываю вернуться сюда через некоторое время...

Я хмыкнула, не удержалась. Сквозь предательски текущие слезы. Горькие, как желчь.

— Прости, что позаимствовал у тебя пару месяцев свободной от обязанностей жизни, нагрузил своими проблемами.

— Макс, это жестоко.

— Выслушай, пожалуйста, до конца! — он слегка повысил голос, конфетная обертка развернулась, показывая дурнопахнущее нутро. — Да, я принял решение уехать с Костиком без тебя. Без никого. Как только стало известно, что он... не один из нас. Но я не могу по-другому. Он мой сын. Все, что у меня осталось.

— А я? — шмыгнув сопливым носом, вставила я. Макс меня не слышал. Или не захотел слышать.

— Я его не брошу.

— Но их нельзя отрывать от места «прописки», ты же знаешь!

— Я думал об этом. Нет у него еще этого места. Все будет нормально. Он будет расти. В дороге. Я буду ухаживать за ним. Пока смогу.

— Зачем нужно обязательно уезжать? Не понимаю. Младенец может заболеть в дороге, а тут все есть, все можно достать. А дорога это...

— Да знаю я все! — Он бросил ладонь на стол. — Но не могу здесь оставаться! Мне осточертели все эти ваши охи-ахи, взгляды, шепот! Все ваши соболезнования!

— Хочешь, мы все уедем отсюда, Макс! — крикнула я. — Оставим тебя в покое!

— Ерунда.

— Тогда давай найдем тебе другое место! Для тебя и Костика! И никто не будет знать, где вы!

— Даже ты? — усмехнулся он.

Мне стало жутко, но я вытолкнула правду.

— Даже я, — сказала тихо, не глядя ему в глаза.

— Да пойми ты, Влада! Костик — мой личный и пожизненный крест!

— Так почему мы не можем нести твой крест вместе?

— Воспользоваться твоей добротой? Превратить твою жизнь в ад? Ничего себе благодарность...

— А сейчас как-будто моя жизнь...

— Сейчас это твоя жизнь. И ты никому и ничего не должна.

— Давай еще, начни меня грузить, что пройдет время и я встречу того, единственного, с которым рука об руку... Выбор у нас тут охрененный.

— И все равно, я не возьму на себя ответственность за двух детей...

— Ага. Вот как ты заговорил. Спать, значит, со мной можно. Доверять мне принимать роды — тоже...

— И я про это! — он внезапно сорвался. — А вдруг это опять случится? И что тогда?!

— Вот что тебя пугает? Да перестань. Есть же всякие средства...

— Я хочу уехать отсюда. Так понятней? Осточертело мне все вокруг. Все и вся. Уехать, найти новое. Создать новое! Создать! На меня действительно произвело впечатление то, что мы видели у Германа. Хочу больше об этом разузнать. Двинусь в том направлении, возможно, у нас найдутся точки соприкосновения.

— Макс! — Я бросилась к нему, но натолкнулась на крест сведенных на груди рук. — Почему нельзя все это делать вместе?

— Я объяснял тебе это тысячу раз, — и он пошел на тысячу первый. Его слова поплыли спокойно в одном и том же проверенном русле, плавно огибая берега, стремясь поскорее добраться до безмятежного океана под названием «Святая Ложь».

— Ложь, — сказала я.

— Что? — он оторвался от путешествия в страну грез.

— Ты слышал. Все твои слова ложь. Хочешь разведать — так гораздо удобней поехать одному. Поезжай. Устрой. Я побуду с Костиком. Уж ты знаешь, что мне можно его доверить. Мы тебя подождем.

Его глаза заматались с предмета на предмет — река вышла из привычного русла и пришлось срочно искать другое. Я почти слышала этот водораздел под слово «заложник», которое вертелось у него на языке.

— Нашла выход, — наконец, выдавил он. — Я и так проявил себя не лучшим образом, а тут ты вообще предлагаешь мне свалить.

— Не лги себе, — я всегда была честнее его, поэтому отправила свой выстрел прямо ему в сердце, пробив толщи лживой брони. — Весь вопрос в том, что ты меня не любишь. И я тебе больше не нужна. Все просто.

Он растерялся. Мне стало не по себе разглядывать его, пойманного на месте преступления.

— Когда собираешься выехать? — почти равнодушно осведомилась я.

— Ну... Дня через три, четыре. — И от этих слов смердело. Такую откровенную ложь распознал бы даже Костик, будучи нормальным младенцем.

— Скажешь когда. Я хочу тебя проводить, — я бросила последний камень в тухлое болото.

— Да, конечно, Влада. — И пошли кругами мерзкие волны таких же виноватых улыбок. Ответ слышала моя спина. В отличие от щек, она не краснела от стыда.

Я вышла на улицу. Стоял март — теплый, праздничный. Даже удивительно, как быстро растаял снег. А может, весна вышла такой же лживой, как слова Макса? И на днях снова запуржит, заметелит. Недалеко от парадной стоял большой трейлер, готовый для дальней поездки. За те два дня, что мы с Максом препирались — вернее, я уговаривала его взять меня с тобой, а он отбивался, чем мог, — машина словно сама собой заполнилась под завязку. Будущий дальнбойщик врал про отъезд «на днях», так же, как врал про мнимое возвращение. Скорее всего, он рассчитывал, не прощаясь, сорваться с места сегодня поутру. Почему? Интуиция, если хотите.

Макс принял свое решение. Я тоже приняла свое. Заканчивая играть по его правилам, я оставила на столе записку: «Раздумала прощаться. Не хочу тебя видеть. Так будет лучше и для меня, и для тебя. Надеюсь, ты найдешь, что хочешь».

А потом я стала играть по своим. Правилам. У меня было не так много времени, но я рассчитывала все успеть. В отличие от Макса, я не нуждалась в тоннах груза. Все, что могло мне понадобиться в первое время: бутылка воды, печенье, шоколадка, вполне уместятся в небольшой спортивной сумке. И дорогие сердцу мелочи, вроде шкатулки, подаренной мамой и фотографий, также не займут много места.

Ни с кем не пересекаясь, я дошла до «Англетера», поднялась на третий этаж в свою тайную комнату. У запертого на ключ шкафа, в котором хранились мои «драгоценности», клубилась пыль. Я не подходила к нему месяца два и мои следы должны были запылиться, но было не так. Кто-то бродил здесь в мое отсутствие. Что ж — я пожалала плечами, мне нечем было удивить любопытного. Оставалось проверить, добрался ли он до моих заветных вещей.

Открыв дверь, я проверила все свои нехитрые тайнички — перышки и нитки — все было на месте. Никто не притрагивался к значимым для меня вещам. Ничего интересного для чужих глаз моя коллекция не представляла, но однозначно бы напрягло. А кому понравится?

Я боялась зависнуть в сувенирно-игрушечном отделе, поэтому сразу открыла большой ящик с надписью «Самое дорогое». Я сама написала это ярким маркером, чтоб пореже заглядывать. Слишком больно. Слишком.

И сейчас я переживала, пока мое сердце разожмут цепкие болезненные тиски. От ожидания увидеть то, что там находилось, слезы выступили у меня на глазах. Но то, что я там увидела...

«Это точно не может быть моим», — первая мысль посетила меня минут через десять. Я даже не заметила как за время мозгового молчания, мои руки умудрились собрать из прекрасных тяжелых деталей настоящую машину смерти, одноглазо разглядывающую пространство с определенной целью. Убивать. Я трогала ящик с патронами — они просились в теплые гнезда обоймы, я нюхала пропахшие смазкой перчатки с обрезанными пальцами, надевала и снимала черную шапку с удобными прорезями. И... странное виденье хлестнуло по моим глазам — Леха, отталкивающий в сторону свою шизоидную подружку.

Все это принадлежать мне не может. Пусть подходило по размеру вплоть до маленьких берцев и куртки с уплотнением на груди — но ко мне отношения все равно не имело. Мне все подкинули, каким-то образом взломав мою ниточно-перьевую оборону!

...Или нет! Логично предположить, что у каждого из тех, остался в живых, скрывается в

шкафах такое вот смертельное оружие. И когда наступает другое время суток, не то, которое укладывается в двадцать четыре часа, каждый из нас начинает охоту. Друг на друга. Верка — яркий пример. Одна из тех неудачниц, кто попался.

Потому что, так или иначе Земля должна быть чистой. И когда умрет последний представитель нашего племени, включится иное время, отмотает за пару дней пяток тысячелетий и все, что останется — благодатная почва для новых экспериментов. О, как их безгранично много для того, кто планирует эволюцию для каждого живого организма!

Вот о чем думала я, когда перепрыгивая через две ступени, выскочила на Исаакиевскую площадь. Со мной прыгала сумка только с самым необходимым, да, пожалуй, еще несколько любимых вещей оттягивали мое плечо. То странное, найденное мной оружие, лупоглазо целилось теперь в черноту закрытого ящика в шкафу и выстрелить мне в спину не могло.

Ведь так?

Эпилог

Бомба в моей голове разорвалась.

Ночью я без происшествий забралась в багажное отделение открытого трейлера и даже успела соорудить себе настоящее гнездышко из пачек памперсов. Я оказалась права — ближе к утру мотор загудел и машина тронулась с места. Постепенно меня укачало. Мы ехали, я слушала шум дороги. Временами мы останавливались, иногда Макс выходил, с матюгами разгребал невидимые мне завалы, пробивая дорогу в новый мир. Мяукал в положенное время Костик, требуя по расписанию кормежку, либо новый памперс.

Я не планировала обнаружить себя в первые сутки. Вообще, чем дальше мы будем от Питера, тем лучше. На дороге Макс меня не бросит — это факт. А повернуть назад... Духу не хватит, я была уверена.

Я победила, я знаю. Эта мысль баюкала меня, толкала в объятия сна.

И вот тогда в моем мозгу разорвалась первая бомба. Вдруг, из кладбищенского тумана ко мне выдвинулось худое лицо Колюни.

— Ты права, Влада, — шептали синие губы. — Ты мудрее нас всех. Если бы тебе нужен был оруженосец, я готов...

— Ты? Зачем? — странные вопросы сыпались из странного парня, прижимающего к мертвой груди кровавые руки.

— Никогда бы на тебя не подумала... Черт-черт, как обидно. Ты... чтоб ты... — Белые зубы до крови кусали губы, а короткие белые волосы трепетали, как снежные перья на ветру.

Память холодной влажной змеей потекла вверх по позвоночнику, с каждым движением к ней что-то липло. Она двигалась, обрастая новым, все более неподъемным мусором.

А потом начался настоящий артобстрел из старческих «доченька, не надо», гопницких «только не ты, мля, только не ты». И много вопросов — разных, одинаковых, много молчаний — просящих, понимающих. Всплывали десятки мертвых лиц, которых я видеть не могла. И еще одно, почти детское, спокойно принимающее пулю из случайно дрогнувшего ствола.

Я не спала. Мокрая от пота я нашарила в сумке бутылку с водой и долго пила, обливаясь, чувствуя струи, ползущие за пазуху. Кошмар. Только кошмар. Я повторила слова двести миллионов раз, пока не успокоилась. Я собиралась пристроить бутылку на место, когда моя рука наткнулась на холодный металл. Деталь сама собой прыгнула мне в руку, потом еще одна и еще. Согретые теплом, они собрались в одну — смертоносную одноглазую

стерву. Я усмехнулась, сжав ее в руках. Она ответила мне тем же, подмигнув единственным глазом.

Смех душил меня. Я пыталась с ним справиться, но он никак не хотел оставить меня в покое. Все лез и лез из меня, высыпаясь на ямах или на спинах лежащих полицейских.

Я смирилась. Я больше не пыталась зажать себе рукой рот. Под умиротворяющий шум дороги я смеялась.

Я смеялась.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net